Biblioteka im. Hieronima
Łopacińskiego w Lublinie
18191

144920 •
230107

В. БУРЕНИНЪ

1684

Z Księgozbioru BOLESŁAWA PRUSA

I

МЕРТВАЯ НОГА

ТАИНСТВЕННЫЙ ПРОЦЕССЪ

II

РОМАНЪ ВЪ КИСЛОВОДСКѢ

ПОВѢСТЬ

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ

Z Księgozbioru BOLESŁAWA PRUSA

Z Księgozbioru BOLESŁAWA PRUSA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1897

18191
B.P. im. Ł.

Имьются въ продажѣ слѣдующія книги

В. П. БУРЕНИНА:

Былое. Стихотворенія. Изданіе второе. Ц. 1 р. 75 к.

Пѣсни и шаржи. Стихотворенія. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к.

Литературная дѣятельность Тургенева. Изданіе второе. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки и памфлеты. Ц. 1 р. 45 к.

Стрѣлы. Стихотворенія. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к.

Критическіе этюды. Ц. 1 р. 50 к.

Смерть Агриппины. Ц. 1 р.

Очерки и пародіи. Изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к.

Голубые звуки и бѣлыя поэмы. Изданіе второе. Ц. 1 р.

882-3

18191

МЕРТВАЯ НОГА

I.

Залъ суда ломился отъ многочисленной публики, собравшейся на интересный процессъ. Воздухъ въ залѣ былъ до такой степени сгущенъ, что многія дамы, любительницы уголовныхъ дѣлъ, совершенно спокойно клали на него свои легкія шляпки; вспотѣвшій представитель обвинительной власти повѣсилъ галстухъ, снятый имъ для большей свободы преній, а старшина присяжныхъ (изъ корелъ) даже свои сапоги, отъ которыхъ онъ облегчилъ себя съ любезнаго дозволенія предсѣдателя суда.

На скамьѣ подсудимыхъ было двое обвиняемыхъ: молодая дама, похожая на ощипанную курицу, и старецъ изъ породы мышиныхъ жеребчиковъ. Защита блистала двумя свѣтилами адвокатуры: графомъ Турусовымъ и Опереткинымъ.

Знаменитый адвокатъ, графъ Турусовъ, прославился тѣмъ, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду могъ говорить бархатнымъ баритономъ

совершенную безсмыслицу и тѣмъ не менѣе доставлять полное удовольствіе этой безсмыслицей всѣмъ: и судьямъ, и присяжнымъ, и своимъ собратьямъ, и особенно дамамъ, посѣщающимъ засѣданія по уголовнымъ дѣламъ.

Что касается адвоката Опереткина, то онъ стяжалъ себѣ всероссійскую извѣстность не столько своимъ юридическимъ краснорѣчіемъ и талантомъ, сколько необыкновенными позами, принимаемыми имъ во время допроса свидѣтелей и произнесенія рѣчей. Позы Опереткина были до такой степени обольстительны и изумительны, что иногда весь судебный партеръ принимался ему рукоплескать, не смотря на бѣшеный звонокъ предсѣдателя. Опереткинъ зналъ силу дѣйствія своихъ позъ и не стѣснялся въ ихъ разнообразіи и неожиданности, не стѣснялся въ такой мѣрѣ, что порою, глядя на него, можно было усомниться, кого нередъ собою видишь: адвоката или клоуна изъ цирка. Бывали случаи, когда Опереткинъ, увлекшись во время произнесенія рѣчи, вдругъ становился на голову и хлопалъ приподнятыми вверхъ ногами пятка о пятку. Конечно, это были моменты высшаго, необузданнаго вдохновенія и геніальности великаго адвоката. Предсѣдатели это хорошо понимали и дозволяли Опереткину такія колѣнца съ улыбкой поощренія...

Процессъ былъ необыкновенный и таинственный. Но таинственность его еще болѣе увеличивалась при

чтеніи обвинительнаго акта, такъ какъ секретарь суда, по обычаю всѣхъ секретарей, читалъ, не соблюдая знаковъ препинанія, и притомъ очень часто пропускалъ двѣ-трп склеившихся страницы «дѣла», или не замѣчая этого по разсѣянности, или разсчитывая, что предсѣдатель и судьи все равно спятъ и ничего не замѣтятъ, а публику, собравшуюся въ судѣ, нечего баловать.

Сколько можно было понять изъ обвинительнаго акта, въ общихъ чертахъ дѣло заключалось въ слѣдующемъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно какого числа и года, такъ какъ слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, производившій первоначально слѣдствіе, забылъ отмѣтить число и годъ, въ домѣ подъ № 666, въ спальной комнатѣ квартиры, занимаемой дамой, пріятной во многихъ отношеніяхъ, Бертой Францовной Папильоткиной, усмотрѣна была женская нога, обутая въ шелковый полосатый чулокъ и бронзовую, вышитую бисеромъ, туфлю. Кромѣ ноги, никакихъ другихъ частей тѣла, коему принадлежала эта нога, не оказалось. По показаніямъ единственной прислуги Папильоткиной, перкіярвинской мѣщанки Эльзы Паканенъ, Папильоткина наканунѣ, въ семь часовъ вечера, призвала ее, Паканенъ, и приказала ей отлучиться изъ дома на весь вечеръ и ночь и явиться домой не ранѣе десяти часовъ слѣдующаго утра. Паканенъ исполнила приказаніе хозяйки въ точности. Но на утро, въ десять часовъ, она хозяйки въ

квартирѣ не нашла, а вмѣсто нея обрѣла подъ кроватью мертвую ногу, о чемъ поспѣшила съ ужасомъ заявить старшему дворнику, а тотъ полиціи. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ было обнаружено, что никто изъ лицъ, живущихъ въ домѣ подъ № 666, и постороннихъ, не видѣлъ Папильоткину выходящей изъ ея квартиры ни вечеромъ, ни ночью, ни утромъ. При обыскѣ квартиры, занимаемой Папильоткиной, ничего подозрительнаго, кромѣ мертвой ноги, не найдено: ни крови на полу спальни, ни слѣдовъ грабежа или безпорядка. Правда, въ чуланѣ, находившемся при квартирѣ, усмотрѣнъ былъ огромный, крѣпко увязанный веревками куль, очень тяжелый и на ощупь содержавшій въ себѣ что-то странное, какъ будто похожее на трупъ. Опытный слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, конечно, обратилъ вниманіе на этотъ куль, велѣлъ извлечь его изъ чулана и положить на окно, намѣреваясь осмотрѣть его содержимое тотчасъ же по составленіи протокола о найденной мертвой ногѣ. Но въ то время, какъ слѣдователь писалъ протоколъ, куль неизвѣстно куда исчезъ. Квартира Папильоткиной находилась въ первомъ этажѣ; окно, на которое былъ положенъ куль, выходило на улицу. По основательной догадкѣ опытнаго слѣдователя, куль, вѣроятно, былъ утащенъ кѣмъ либо изъ проходившихъ по улицѣ.

Однако, не смотря на утрату куля, быть можетъ заключавшаго въ себѣ трупъ, опытный слѣдователь

и по оставшейся мертвой ногѣ не замедлилъ разслѣдовать всѣ нити очевиднаго преступленія и отыскать преступника. Многочисленными свидѣтельскими показаніями было установлено, что найденная подъ кроватью мертвая нога, по всей вѣроятности, принадлежала злодѣйски убитой Папильоткиной; что въ вечеръ совершеннаго преступленія, отъ половины седьмого до девяти часовъ у Папильоткиной былъ въ гостяхъ отставной коллежскій совѣтникъ Акакій Поликарповичъ Клубника, находившійся съ Папильоткиной въ давнишней связи; что именно по его уходѣ Папильоткина исчезла, а на мѣстѣ ея осталась только одна мертвая нога. Изъ совокупности всѣхъ этихъ данныхъ слѣдователь и прокуратура вывели несомнѣнное участіе Клубники въ убійствѣ Папильоткиной. Клубника, какъ это, впрочемъ, свойственно всѣмъ преступникамъ, запирался даже съ ожесточеніемъ, виновнымъ себя не только въ убійствѣ Папильоткиной, но даже въ нахожденіи у нея на квартирѣ въ вечеръ преступленія не признавалъ. Но явныя и несомнѣнныя улики противорѣчили его оправданіямъ и изобличали какъ лживость его показаній, такъ и прикосновенность къ злодѣйскому преступленію.

Однако, слѣдствіе, чрезвычайно гладко и необыкновенно ходко катившееся по прямой дорогѣ, вдругъ было сбито съ нея неожиданнымъ казусомъ. Къ слѣдователю въ одно прекрасное утро явилась моло-

дая благородная дѣвица, Перепетуя Николаевна Путаница, происходившая по прямой линіи отъ Ив. Алекс. Хлестакова, и объявила, что убійца Папильоткиной совсѣмъ не отставной коллежскій совѣтникъ Клубника, а она, Путаница. По показанію дѣвицы Перепетуи Путаницы, она находилась въ недозволенной связи со многими молодыми и старыми кавалерами и въ томъ числѣ съ отставнымъ коллежскимъ совѣтникомъ Клубникой. Зная, что Клубника состоитъ въ интимныхъ отношеніяхъ, кромѣ нея, еще съ Папильоткиной, она ревновала послѣднюю, страшно мучилась этой ревностью и порѣшила погубить свою соперницу во что бы то ни стало. Свой злой умыселъ она привела въ исполненіе такимъ образомъ: отточивъ сѣчку, которою рубятъ капусту, она зашла вечеромъ, въ половинѣ седьмого, къ Папильоткиной, застала ее одну, разсѣкла на части, сложила ихъ въ куль, который былъ найденъ въ чуланѣ, и затѣмъ удалилась изъ квартиры, никѣмъ незамѣченная. Насчетъ же ноги, оставшейся подъ кроватью, Путаница дала такое показаніе, что не знаетъ, какъ эта нога очутилась тамъ, но полагаетъ, однако, что она, по естественной каждому совершившему преступленіе разсѣянности, забыла положить ногу въ куль.

Хотя показанія дѣвицы Путаницы во многомъ противорѣчили разнымъ фактическимъ даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ, тѣмъ не менѣе слѣдственныя

власти и прокуратура готовы уже были повѣрить Путаницѣ; но Путаница отреклась отъ своего первоначальнаго показанія и начала утверждать, что она все наврала, что дѣло, въ дѣйствительности, происходило совсѣмъ иначе. По новой версіи ея признанія, Папильоткину разсѣкъ на части отставной коллежскій совѣтникъ Клубника, а она, Путаница, будто бы пришла на квартиру Папильоткиной въ то время, когда Клубника совершилъ эту операцію. Клубника предложилъ ей, Путаницѣ, деньги за молчаніе о его преступленіи, и она согласилась на это.

Таковы были данныя предварительнаго слѣдствія. На основаніи этихъ данныхъ, отставной коллежскій совѣтникъ Акакій Клубника преданъ былъ суду по обвиненію въ убійствѣ его бывшей любовницы, а дѣвица Перепетуя Путаница — въ пособничествѣ его преступленію и въ недонесеніи о немъ своевременно подлежащимъ властямъ. На судъ была вызвана масса свидѣтелей и экспертовъ. Судьи, присяжные, адвокаты, публика — всѣ были въ величайшемъ возбужденіи.

II.

Послѣ обычнаго вопроса подсудимыхъ о ихъ виновности и послѣ не менѣе обычнаго отрицанія ими этой виновности, начался вызовъ и допросъ свидѣтелей. Прежде всѣхъ была спрошена свидѣтельница

Эльза Паканенъ, горничная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кухарка Папильоткиной. Она разсказала вполнѣ согласно съ своимъ показаніемъ на предварительномъ слѣдствіи о томъ, какъ ею была найдена подъ кроватью мертвая нога. Предсѣдателю показался недостаточнымъ этотъ разсказъ, и онъ счелъ своимъ долгомъ разспросить горничную покойной, во всѣхъ отношеніяхъ пріятной дамы, о любовныхъ отношеніяхъ послѣдней. Предсѣдателемъ въ этихъ разспросахъ, конечно, прежде всего руководило желаніе добиться истины, но вмѣстѣ съ этимъ онъ имѣлъ въ виду удовлетворить свое личное любопытство насчетъ пикантныхъ подробностей и доставить удовольствіе публикѣ, собравшейся въ судѣ, особенно дамской.

— Скажите, свидѣтельница,— началъ предсѣдатель,— вѣдь ваша покойная барыня, кромѣ подсудимаго Клубники, имѣла и другихъ любовниковъ?

— Точно такъ-съ. Очень даже много мужчинъ къ нимъ хаживало.

— Вы не знаете, что̀ заставило покойную Папильоткину жить съ нѣсколькими мужчинами заразъ? Было ли это слѣдствіемъ страстности ея темперамента, или дѣлалось ради пріисканія средствъ для жизни?

— Не могу знать-съ.

— Что не можете знать?

— Насчетъ этого самаго-съ. Потому, какъ покой-

ница-барыня женщина молодая и опять же къ нарядамъ и вещамъ хорошимъ склонность у нихъ была, то и выходитъ такъ, напримѣръ, что въ кавалерахъ имѣли большую надобность. Кавалеръ, вѣдь, ежели ужъ къ дамѣ идетъ, чтобъ свое получить, всяческое вознагражденіе принести долженъ. И не то что барынѣ, но даже и прислугѣ жертвуетъ.

— Да, это такъ,— съ меланхолическимъ вздохомъ замѣтилъ предсѣдатель и прибавилъ, обращаясь къ Турусову и Опереткину: — неугодно ли защитѣ предложить съ своей стороны вопросы свидѣтельницѣ?

— Скажите, свидѣтельница,— обратился Опереткинъ, сдѣлавъ предварительно воздушный поцѣлуй дамамъ изъ публики,— скажите: какіе кавалеры бывали у вашей покойной барыни?

— Всякіе-съ бывали. Чиновники хаживали, офицеры, коммерсанты, адвокаты это, напримѣръ...

— Вы говорите, и адвокаты бывали?

— И даже въ большомъ количествѣ. Только мало отъ нихъ выгоды намъ шло. Офицеръ, сказать напримѣръ, или тамъ коммерсантъ, какъ сдѣлаетъ визитъ барынѣ — горничной безпремѣнно рубль, либо три. А адвокатъ больше одной манерностью ограничиться норовитъ.

— Что вы разумѣете подъ «одной манерностью»?

— Очень просто, что: пойдешь его провожать онъ тебя за щеку ущипнетъ, либо за талію обоймѣтъ, а то въ затылокъ амурный поцѣлуй. Одно

Nr 324094 LUBLIN

слово, какую-нибудь шалость этакую обнаружитъ. А насчетъ чтобы рубля — этого они даже очень остерегаются.

— Такъ. Господа присяжные, прошу обратить особое вниманіе на это показаніе свидѣтельницы.— Продолжайте, свидѣтельница.

— Чего-съ?

— Продолжайте ваше интересное показаніе. Не замѣтили ли вы, въ какомъ жилетѣ...

— Мнѣ кажется, господинъ защитникъ,— съ нѣкоторымъ заискивающимъ сомнѣніемъ перебилъ Опереткина предсѣдатель,— этотъ вопросъ къ дѣлу не относится?

— Я просилъ бы судъ не стѣснять свободу защиты,— рѣзко возражаетъ Опереткинъ.— Предлагаемый мною свидѣтельницѣ вопросъ о жилетѣ имѣетъ существенное отношеніе къ самымъ важнымъ интересамъ защиты.

— Но о какомъ жилетѣ вы спрашиваете свидѣтельницу? И что вы хотите выяснить этимъ жилетомъ? восклицаетъ предсѣдатель, уже слегка выведенный изъ терпѣнія рѣзкою отповѣдью защитника.

— Я желаю, г. предсѣдатель, чтобы свидѣтельница констатировала съ полной ясностью фактъ: какого цвѣта былъ жилетъ на тѣхъ кавалерахъ, которые, по заявленію свидѣтельницы, посѣщали убитую Папильоткину. Я желаю, чтобы свидѣтельница

констатировала: были ли между жилетами этихъ кавалеровъ голубые съ желтыми клѣтками?

— Не понимаю, для чего это нужно защитѣ, говоритъ предсѣдатель, слегка пожавъ плечами.—Впрочемъ, если вы желаете... Свидѣтельница! отвѣчайте на вопросъ защитника: не замѣтили ли вы, въ какихъ жилетахъ были тѣ кавалеры, которые хаживали къ вашей покойной барынѣ?

— Въ разныхъ-съ.

— А не помните ли, свидѣтельница, не ходилъ ли кто въ голубомъ жилетѣ съ желтыми клѣтками?

— Точно-съ, ходилъ такой господинъ къ намъ. Графъ одинъ.

Защитникъ дѣвицы Путаницы, до сихъ поръ развязно перемигивавшійся съ дамами, засѣдающими въ мѣстахъ для публики, услышавъ эти слова свидѣтельницы Паканенъ, вдругъ блѣднѣетъ и проникается необыкновеннымъ вниманіемъ къ ея показаніямъ.

— Вы говорите, графъ одинъ ходилъ въ такомъ жилетѣ, продолжалъ Опереткинъ допрашивать, обратясь затылкомъ къ своему товарищу по защитѣ:—не можете ли вы припомнить фамилію этого графа?

— Какъ же-съ, могу-съ. По фамиліи графъ Турусовъ.

Общая сенсація. Взоры предсѣдателя, судей, присяжныхъ, всей залы обращаются на знаменитаго

адвоката. Опереткинъ съ совершенно невиннымъ видомъ быстро обращается къ своему сотоварищу.

— Это, конечно, какой нибудь вашъ однофамилецъ, Сергѣй Сергѣевичъ? спрашиваетъ онъ Турусова.

Свидѣтельница Паканенъ вглядывается въ адвоката и вдругъ говоритъ съ убѣжденіемъ:

— Нѣтъ-съ, это они самые и были.

Сенсація возрастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ.

— Послушайте, для чего это вы вывели меня на свѣжую воду? шопотомъ спрашиваетъ Турусовъ Опереткина.

— Для того, чтобы сконфузить и слегка зрить васъ, какъ защитника Путаницы, от тотъ также шопотомъ, съ ехидною улыбкой.

— Ну, батюшка, однако это свинство. Когда такъ, я вамъ также постараюсь напакостить.

— Посмотримъ.

— Г. защитникъ дѣвицы Путаницы, прерываетъ шопотъ двухъ адвокатовъ предсѣдатель, — хотя я, право, не знаю, зачѣмъ это нужно и какое отношеніе это имѣетъ къ разбираемому нами дѣлу, но все-таки считаю необходимымъ спросить васъ: вы дѣйствительно, какъ утверждаетъ свидѣтельница Паканенъ, бывали у покойной Папильоткиной и при томъ одѣвали голубой жилетъ съ желтыми клѣтками?

— Я удивляюсь, надменно отвѣчаетъ адвокатъ Турусовъ, — что мнѣ здѣсь, на судѣ, предлагаютъ

такіе, несовмѣстные съ священнымъ званіемъ защитника, вопросы. Разумѣется, свидѣтельница Паканенъ показываетъ ложно. Я никогда не носилъ голубыхъ жилетовъ съ желтыми клѣтками, никогда не посѣщалъ Папильоткину и въ глаза не знаю свидѣтельницу Паканенъ.

Свидѣтельница, услышавъ эти слова, вдругъ входитъ въ азартъ.

— Какъ не знаете Эльзу Паканенъ? Ахъ, стыдно, ахъ, какъ стыдно такъ говорить! А еще модный кавалеръ. Даже довольно безсовѣстно... Сколько разъ они къ барынѣ покойной приходили, ваше превосходительство—обращается она къ предсѣдателю—сколько разъ! Вотъ какъ передъ Богомъ! И всегда, какъ я, бывало, ихъ пойду провожать, меня за икру ущипнутъ. Это, говорятъ, тебѣ вмѣсто подарка. Такіе безстыдники!

Въ залѣ такой хохотъ, какой бываетъ только въ райкѣ Александринскаго театра. Хохочутъ даже судьи и присяжные.

— Довольно, свидѣтельница, спохватывается, наконецъ, предсѣдатель, сообразивши, что необходимо прекратить неожиданный скандальный эпизодъ. Довольно. Садитесь. Приставъ, распорядитесь о приводѣ свидѣтеля, тавастгустскаго шкипера Вейнемейнена Калевалы.

Вводятъ шкипера.

— Свидѣтель Калевала, говоритъ торжественно предсѣдатель:—вы шкиперъ?

— Киперъ.

— Вы призваны въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ убійствѣ дамы, пріятной во многихъ отношеніяхъ, Берты Попильоткиной. Показывайте передъ судомъ по сущей правдѣ и совѣсти. Этого требуетъ священная присяга, принятая вами за нѣсколько минутъ назадъ, къ этому, наконецъ, васъ обязываетъ ваше честное званіе шкипера. Вы ясно понимаете меня?

— Понимаю, ваше превосходительство.

— На какомъ параходѣ вы служите шкиперомъ?

— На пароходѣ «Вободная (свободная) Перголя».

— Вы пьете?

— Ливку? Не... не пью, мотаетъ головой Калевала.

— Не сливки. Я спрашиваю: пьете ли вы водку? Русскую водку?

— Русская водка? съ внезапнымъ оживленіемъ восклицаетъ шкиперъ:—о, о, да, русска водка пью.

— Сколько рюмокъ въ день?

— Не рюмка. Таканъ пью.

— Стаканами пьете. Хорошо. Сколько же стакановъ въ день?

— Ринадцать таканъ.

— Тринадцать стакановъ! Ого! весело восклицаетъ предсѣдатель, обращаясь къ смѣющейся пуб-

ликѣ, и затѣмъ прибавляетъ самымъ торжественнымъ тономъ:

— Что вы знаете по настоящему дѣлу?

— Дѣло? Дѣло вое (свое) снаю.

— Что же вы знаете?

— Намъ дѣло нада снать. Мы кипера. У насъ дѣло вотъ: раходъ новый, ристань тара, дерсы рямо, ни раво, ни лѣво. (Параходъ новый, пристань старая держи прямо, ни направо, ни налѣво).

— Больше ничего?

— Нисего.

— Благодарю васъ, Вейнемейненъ Калевала. Вы оказали правосудію услугу, которой оно жаждало отъ васъ. Можете садиться.

— На раходъ?

— Нѣтъ, на мѣста свидѣтелей. Г. судебный приставъ, укажите свидѣтелю, гдѣ онъ можетъ сѣсть.

— Позвольте, вдругъ поднимается защитникъ Турусовъ,—я имѣю предложить вопросы свидѣтелю.

— Предлагайте, г. защитникъ, говоритъ предсѣдатель зѣвая.

— Свидѣтель Вейнемейненъ Калевала—громкимъ баритономъ произноситъ графъ Турусовъ—сколько вамъ лѣтъ?

— Сесдесятъ ри (три) годовъ.

— Вы, однако, еще крѣпкій мужчина?

— Мусина рѣпкій.

— Такъ что иногда чувствуете поползновеніе къ амурамъ съ прекраснымъ поломъ? шутливо подмигиваетъ адвокатъ.

— Рекраснымъ поломъ? въ недоумѣніи повторяетъ Калевала и вдругъ, какъ бы сообразивъ, восклицаетъ:—полъ на палуба? Снаю.

— Да нѣтъ, не то, говоритъ адвокатъ съ досадой, — я спрашиваю: любите ли вы женщинъ?

— Сенсинъ? Нисего. Сенсина хоросо.

— Вы знаете перкіярвинскую мѣщанку Эльзу Паканенъ?

— Эльсу? Эльсу снаю.

— Въ какихъ отношеніяхъ состоите вы съ ней!

— Носеніяхъ? Никакихъ носеній. Водки таканъ-ругой Эльса даетъ—пьемъ. Кильку даетъ—кушаемъ кильку. А носеній никакихъ.

— Вы прижили съ Эльзой Паканенъ троихъ дѣтей?

— Дѣти были. Рое. Выпьешь чаю съ конякомъ. Ни сытко, ни густо. Вотъ и дѣти.

— Мнѣ ничего больше не нужно отъ свидѣтеля, г. предсѣдатель.

Перерывъ засѣданія передъ завтракомъ.

III.

Засѣданіе возобновилось послѣ часового перерыва, въ продолженіе котораго и судебный персоналъ, и присяжные, и защитники, и публика успѣли перекусить и ублаготворить себя разными благородными напитками, въ родѣ «борисоглѣбской мадеры» и «кашинскаго хереса», фигурирующихъ въ извѣстномъ разсказѣ Ѳ. И. Горбунова. Вліяніе этихъ благородныхъ напитковъ замѣтно отражалось на всѣхъ. «Судебный персоналъ» какъ-то покручивалъ головами въ высокихъ шитыхъ воротникахъ, какъ будто воротники тѣснили шеи этихъ головъ, разстегнулъ мундиры и порой пкалъ довольно выразительно. Защитники чувствовали усиленную игривость. Графъ Турусовъ вполголоса напѣвалъ: «Я синяя борода и такимъ я былъ всегда». Опереткинъ глазами и жестами вступилъ въ амурныя сношенія съ одной великолѣпной и необыкновенно толстой блондинкой изъ публики и даже, сдѣлавши около рта трубу изъ ладоней рукъ, вполголоса крикнулъ ей: «Въ обѣденный перерывъ у Понсэ». «Составъ присяжныхъ» тоже чувствовалъ себя въ благодушномъ настроеніи: шестеро мирно дремали, а шестеро позѣвывали, осѣняя ротъ крестнымъ знаменіемъ. Въ мѣстахъ для публики многіе кавалеры начали пожимать ноги сосѣдокъ и скрытно прихватывать ихъ за талію и

пощипывать за локотки. Дамы хихикали. Однимъ словомъ, всѣ чувствовали себя очень пріятно.

Засѣданіе началось заявленіемъ защиты о необходимости вызова дополнительныхъ экспертовъ. Заявленіе было сдѣлано графомъ Турусовымъ. «Шесть экспертовъ, вызванныхъ судомъ по настоящему дѣлу,—объяснялъ знаменитый адвокатъ,—всѣ принадлежатъ къ свѣтиламъ медицинской науки. Защита не отрицаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ медицинская экспертиза имѣетъ огромное значеніе. Но одной медицинской экспертизы недостаточно. Убитая Папильоткина принадлежала къ категоріи дамъ пріятныхъ во многихъ отношеніяхъ. Она была, какъ это выяснено предварительнымъ слѣдствіемъ, подругой Клубники и въ то же самое время состояла въ амурахъ и съ другими кавалерами. Для того, чтобы опредѣлить съ полной ясностью и точностью сложныя и тонкія отношенія Папильоткиной къ ея кліентамъ и обратно, необходимы спеціалисты-Альфонсы и спеціалистки-посредницы по амурнымъ дѣламъ. Судъ, равно, какъ и присяжные, не могутъ считать себя вполнѣ компетентными въ этого рода дѣлахъ и потому защита ходатайствуетъ о вызовѣ экспертовъ-Альфонсовъ.

Судъ, по краткомъ совѣщаніи, опредѣлилъ: удовлетворить ходатайство защиты и вызвать въ качествѣ экспертовъ двухъ извѣстныхъ Альфонсовъ: Содержанцева 1-го и Содержанцева 2-го, присоединивъ

къ онымъ для помощи отставную кокотку, ревельскую гражданку Мину Карловну Кильку.

Публика одобряетъ живыми рукоплесканіями это рѣшеніе суда, обѣщающее придать судебному слѣдствію необычайный интересъ. Предсѣдатель звонитъ, сурово нахмурясь, но въ душѣ самъ очень доволенъ.

Вызванъ свидѣтель Канкановъ, баритонъ потѣшнаго театра «Кинь рубль», одинъ изъ многочисленныхъ «амуровъ» подсудимой Путаницы. Это высокій, плотный мужчина, одѣтый въ какое-то подобіе фуфайки, носимой зимой дворниками, плотно обтягивающей его бедра. Голубой галстукъ съ невѣроятно широкими концами ниспадаетъ на грудь изъ-подъ широкихъ воротниковъ сорочки. Лицо красное. Когда онъ входитъ, то въ воздухѣ распространяется запахъ алкоголя.

— Свидѣтель Канкановъ, говоритъ предсѣдатель,— вы поете въ опереткѣ?

— Пою.

— Какой у васъ голосъ?

— Баритонъ.

— Прекрасный голосъ. Конечно, теноръ пріятнѣе; но зато баритоны пользуются большимъ расположеніемъ дамъ. Не правда ли, свидѣтель Канкановъ?

— А то какъ же! Теноръ что—теноръ фитюлька. А у насъ, баритоновъ, корпуленція—во!

Свидѣтель поводитъ своими могучими плечами и выпячиваетъ мускулистую грудь.

Въ мѣстахъ для публики нѣкоторыя дамы громко выражаютъ свое восхищеніе.

— Прошу дамъ успокоиться, кротко говоритъ предсѣдатель по адресу восторженныхъ поклонницъ баритона;—скажите, свидѣтель Канкановъ, вы можете здѣсь, на судѣ, спѣть что-нибудь?

— Отчего же. Съ моимъ удовольствіемъ.

— Правосудію необходимо имѣть ясное представленіе о вашемъ талантѣ и голосѣ. Выберите что нибудь поигривѣе изъ вашихъ партій и постарайтесь удовлетворить требованіе правосудія.

— Да вотъ, коли угодно, я хвачу вамъ Мурзука. Это у меня лучшая роль. Публика даже очень одобряетъ.

— Хорошо. Хватите Мурзука.

Канкановъ, какъ подобаетъ поющему артисту, простираетъ обѣ руки къ предсѣдателю и гремитъ на весь судебный залъ:

Поди сюда, поди же!
Садись ко мнѣ поближе,
Ахъ, душка, душка, душка, душка, душка, Жирофля!

По окончаніи аріи Мурзука, предсѣдатель просилъ товарища прокурора дать заключеніе о голосѣ свидѣтеля. Товарищъ прокурора даетъ свое заключеніе: голосъ поставленъ хорошо и въ его тембрѣ много прельстительности для прекраснаго пола.

Поднимается защитникъ Путаницы, графъ Турусовъ.

Скажите, свидѣтель Канкановъ, вы въ прошлый зимній сезонъ пѣли въ Москвѣ?

— Въ Москвѣ.

— Это съ вами вышелъ такой случай, что вы на пари прошлись голымъ по Тверскому бульвару?

— Со мной.

— Разскажите, какъ это было.

— Да очень просто было. Пили мы съ купцами въ «артельномъ». И, сказать надо, нагрузились порядочно. Въ помраченіе чувствъ пришли. Купцы мнѣ и говорятъ: Канкановъ, говорятъ, ты во всей формѣ артистъ?—Во всей формѣ.—Можешь ты намъ всякое удовольствіе сдѣлать?—Могу.—По Тверскому голый можешь пройтись?—Могу.—Врешь, чортовъ сынъ.—Хоть объ закладъ—могу. Побились въ пятистахъ. Ну, я шарахнулъ коньяку графина два и тутъ же фантазію купцовъ выполнилъ.

— То есть, какъ же выполнили?

— А такъ, то есть, что отъ самаго памятника Александра Сергѣевича Пушкина и до Никитскихъ воротъ въ чемъ мать родила пропутешествовалъ.

— И ничего, никакихъ послѣдствій отъ такого путешествія для васъ не было?

— Послѣдствія были, какже. Послѣ того, дамскій полъ еще больше обожать меня началъ.

— Еще бы не обожать! Эдакаю душку да въ полной красотѣ увидать! раздается въ мѣстахъ для публики восторженное восклицаніе той самой тол-

стой блондинки, которую защитникъ Опереткинъ приглашалъ къ Понсэ въ обѣденный перерывъ. Предсѣдатель нетерпѣливо дергаетъ звонкомъ и, обратясь къ блондинкѣ, говоритъ строгимъ голосомъ.

— Предупреждаю, что тѣ лица изъ публики, которыя гласнымъ выраженіемъ своихъ личныхъ чувствъ мѣшаютъ отправленію правосудія, будутъ немедленно удалены изъ залы суда... Не угодно ли защитѣ предложить свидѣтелю еще какіе-либо вопросы?

— Скажите, свидѣтель Канкановъ, спрашиваетъ Опереткинъ:—сколько градусовъ было въ тотъ день, когда вы совершили ваше классическое путешествіе?

— Да порядочный морозецъ стоялъ. Градусовъ, я такъ полагаю, пятнадцать.

— Благодарю васъ. Прошу господъ присяжныхъ замѣтить эту цифру: пятнадцать градусовъ. Г. предсѣдатель, защита по отношенію къ эпизоду съ свидѣтелемъ Канкановымъ считаетъ вполнѣ исчерпанными всѣ свѣдѣнія, необходимыя ей.

— Садитесь, Канкановъ, говоритъ предсѣдатель.

— Пожалуйста, сюда, сюда, поближе ко мнѣ, Канкановъ! восклицаетъ толстая блондинка:—я страшно желаю съ вами познакомиться...

Опереткинъ ревниво хмурится. Но предсѣдатель, почувствовавъ внезапный приливъ галантности, которая составляетъ отличительное качество всѣхъ предсѣдателей, приказываетъ судебному приставу помѣстить Канканова поближе къ блондинкѣ.

IV.

Подсудимый Клубника выражаетъ желаніе заявить нѣчто по поводу приписываемаго ему, Клубникѣ, убійства Папильоткиной.

— Это не относится къ дѣлу, подсудимый, пренебрежительно внушаетъ ему предсѣдатель.— Потрудитесь внимательно слѣдить за допросомъ свидѣтелей. А ваши заявленія можете высказать потомъ: вамъ будетъ предоставлено послѣднее слово.

Вводятъ дюжину новыхъ свидѣтелей—кавалеровъ разнаго возраста, начиная отъ восемнадцатилѣтняго и кончая семидесятипяти-лѣтнимъ. Тутъ и правовѣды, и лицеисты, и литераторы, и офицеры разныхъ оружій, и статскіе, и тайные совѣтники. Всѣ эти кавалеры посѣщали покойную Папильоткину и призваны главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы удостовѣрить своими показаніями подлинную принадлежность покойной той мертвой ноги, которая была найдена въ ея квартирѣ. Судебный приставъ бережно беретъ ногу со стола вещественныхъ доказательствъ и предъявляетъ дюжинѣ. Нога тщательно набальзамирована, даже надушена, и обута въ тотъ самый чулокъ и башмакъ, въ которомъ она была найдена.

Двое правовѣдовъ поднимаютъ между собою споръ по поводу ноги.

— Это не Бертина нога, горячо и рѣшительно

говоритъ одинъ правовѣдъ:—у Бертиной ноги подъемъ былъ круче.

— Ахъ, все ты врешь, возражаетъ не менѣе горячо другой.—И почему ты могъ замѣтить, какой подъемъ у Бертиной? Вѣдь ты всего два раза былъ у Берты. И оба раза былъ сильно пьянъ.

— Неправда. Въ первый разъ, когда мы поѣхали къ Бертѣ отъ «Татаръ», я дѣйствительно былъ пьянъ. Тогда всѣ наши были пьяны. А во второй—ни въ одномъ глазѣ. Да и какъ же я могъ быть пьянъ: вѣдь мы тогда отправились къ Бертѣ прямо изъ училища вмѣсто того, чтобы приготовляться къ экзамену изъ энциклопедіи права. Развѣ ты не помнишь?

— Помню. А все-таки ты и тогда былъ пьянъ. Не вмѣстѣ ли съ тобой мы выдули тогда бутылку хересу, заѣхавъ по дорогѣ къ Одинцову.

— Позвольте, господа, наставительно вступается предсѣдатель въ горячій споръ молодыхъ людей,—позвольте. Вы, какъ будущіе служители юстиціи, болѣе чѣмъ кто либо другой должны сознавать, что въ стѣнахъ ея храма не мѣсто горячности и спорамъ. Правосудію подобаетъ съ полнымъ спокойствіемъ и всесторонне изслѣдовать дѣло и искать истину. Мы здѣсь и стараемся поступать именно такъ: всесторонне изслѣдуемъ и ищемъ. Вотъ почему я призывалъ васъ вооружиться полнымъ самообладаніемъ и показывать безъ малѣйшей горячности все, что вы знаете... Вы, свидѣтель, утверждаете,

что эта нога не принадлежитъ покойной Папильоткиной?

— Да, г. предсѣдатель, это не ея нога! съ убѣжденіемъ отвѣчалъ свидѣтель. У Берты нога была не такая.

— Но если это не ея нога, то чья же?

— По-моему, если судить по нѣкоторымъ признакамъ, напримѣръ, по щиколкѣ, это скорѣй нога Зоси.

— Зоси? какой Зоси? Бѣлокуренькой изъ «Фантазіи»? съ живымъ любопытствомъ восклицаетъ предсѣдатель и вдругъ спохватившись, что бѣлокуренькая Зося изъ «Фантазіи» совсѣмъ не относится къ дѣлу, краснѣетъ и смущается.

— Нѣтъ, не изъ «Фантазіи», господинъ предсѣдатель, развязно подхватываетъ юный правовѣдъ:— Зосю изъ «Фантазіи» я тоже знаю: и у ней тоже хорошенькая ножка. Но я говорю совсѣмъ про другую Зосю: брюнеточку, на Офицерской живетъ, прелесть дѣвочка... Особенно если...

— Свидѣтель, строго перебиваетъ предсѣдатель,— вы отвлекаетесь отъ вопроса, къ разрѣшенію котораго могутъ содѣйствовать ваши показанія. Брюнетка Зося, что живетъ на Офицерской, мнѣ кажется, точно такъ же не относится къ дѣлу, разсматриваемому здѣсь въ судѣ, какъ и бѣлокуренькая Зося... Тьфу! Я, то есть, хотѣлъ сказать...

— Позвольте, господинъ предсѣдатель, вдругъ вскакиваетъ даже съ нѣкоторою стремительностью

Опереткинъ:—въ виду важнаго показанія свидѣтеля о сходствѣ ноги, признаваемой за ногу Папильоткиной, съ ногой другого лица, извѣстнаго свидѣтелю, я бы просилъ судъ вызвать это лицо для показаній, которыя могутъ бросить неожиданный свѣтъ на разсматриваемое дѣло...

— Я присоединяюсь съ своей стороны къ ходатайству моего товарища по защитѣ, заявляетъ графъ Турусовъ.—Тѣмъ болѣе, что въ удовлетвореніи этого ходатайства судъ не встрѣтитъ никакихъ затрудненій, такъ какъ лицо, которое мы просимъ вызвать въ качествѣ новаго, чрезвычайно важнаго, свидѣтеля, находится здѣсь, среди публики.

— Вы говорите, г. защитникъ, что Зося съ Офицерской находится въ судѣ? не безъ любопытства спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да, г. предсѣдатель. Я даже успѣлъ уже нѣсколько разъ съ нею перемигнуться.

— Это не относится къ дѣлу... Г. товарищъ прокурора, прошу васъ дать заключеніе: находите ли вы возможнымъ допустить въ качествѣ свидѣтельницы Зосю съ Офицерской, присутствующую здѣсь, среди публики?

— Обвинительная власть, небрежной скороговоркой и съ полнымъ убѣжденіемъ въ своемъ знаніи всѣхъ тонкостей дѣла заявляетъ товарищъ прокурора,—обвинительная власть ничего не имѣетъ противъ ходатайства защиты о вызовѣ свидѣтельницы

Зоси. Въ разъясненіяхъ по рѣшеніямъ кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената статьи уголовнаго судопроизводства 7.777,777, особы прекраснаго пола, особенно живущія въ районѣ Офицерской и Вознесенскаго проспекта, безпрепятственно допускаются къ свидѣтельству на судѣ, но съ соблюденіемъ такого ограниченія: свидѣтельство такихъ особъ должно строго ограничиваться только тѣми обстоятельствами, которыя подлежатъ судебному разбирательству. Такъ, въ настоящемъ случаѣ свидѣтельница, о вызовѣ которой ходатайствуетъ защита, можетъ быть допрашиваема только насчетъ ея ноги. Судъ, по точному смыслу сенатскаго разъясненія, не можетъ допрашивать свидѣтельницу ни о чемъ другомъ: напримѣръ, о ея таліи, рукахъ, плечахъ и прочихъ частяхъ тѣла.

Отколовъ однимъ духомъ эту тираду, товарищъ прокурора самодовольно садится на свое мѣсто.

— Г. судебный приставъ, говоритъ предсѣдатель,— пригласите въ залу засѣданія г-жу Зосю съ Офицерской, находящуюся среди публики.

Госпожа Зося съ Офицерской предстаетъ передъ взорами судей и присяжныхъ. Всѣ взгляды устремлены на новую, непредвидѣнную предварительнымъ слѣдствіемъ свидѣтельницу. Слышны сдержанныя восклицанія въ публикѣ: «Какая душка!» Защитникъ Опереткинъ принимаетъ одну изъ своихъ самыхъ граціозныхъ и поразительныхъ позъ: ноги забрасы-

ваетъ на барьеръ скамьи подсудимыхъ, а тѣломъ перетягивается черезъ столъ, на который опираются руками. Въ этой позѣ Опереткинъ походитъ на распростертаго дракона, готоваго броситься на жертву.

Съ глубокимъ вниманіемъ ждутъ показанія Зоси, долженствующаго, по заявленію защитника Опереткина бросить неожиданный свѣтъ на таинственное и ужасное преступленіе.

— Ваше имя—Зося? важно спрашиваетъ предсѣдатель и, наклонившись къ своему товарищу, вполголоса прибавляетъ:—Прехорошенькая канашка.

— Зося.

— Вы живете на Офицерской?

— Да-съ.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Я такъ-съ...

— То есть, какъ же такъ?

— Такъ-съ... Ничѣмъ-съ...

— На что же вы живете? У васъ есть средства?

— Да-съ.

— Какія же?

— Разныя-съ, болѣе собственныя...

— Гм... ну, хорошо... Г. судебный приставъ, предъявите ногу, находящуюся на столѣ вещественныхъ доказательствъ, свидѣтельницѣ.

Приставъ предъявляетъ Зосѣ ногу. Она съ ужасомъ отворачивается. Вся публика замерла въ ожиданіи.

— Вглядитесь хорошенько въ эту женскую ногу,

свидѣтельница, торжественно возглашаетъ предсѣдатель:—быть можетъ это ваша нога?

— Какъ-съ—моя нога?! съ испугомъ и недоумѣніемъ восклицаетъ Зося.

— Отвѣчайте прямо и искренно. Судъ желаетъ отъ васъ знать, свидѣтельница, не ваша ли это нога? еще торжественнѣе и настойчивѣе вопрошаетъ предсѣдатель.

— Но у меня-съ своихъ двѣ въ цѣлости! съ наивной рѣзвостью восклицаетъ Зося и вдругъ быстрымъ, граціознымъ движеніемъ приподнимаетъ довольно высоко плиссе своей юбки и показываетъ двѣ маленькихъ и стройныхъ ноги въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, распитыхъ букетами и обутыхъ въ изящныя бронзовыя ботинки.

Общее остолбененіе.

— Ай да штука капитана Кука! Въ самомъ дѣлѣ, какъ же у свидѣтельницы можетъ быть третья нога, когда свои двѣ въ цѣлости? вопрошаетъ предсѣдатель, съ недоумѣніемъ поглядывая на судей, прокурора, присяжныхъ, защитниковъ, и затѣмъ вдругъ звонко хлопаетъ себя по лысинѣ.

— Ахъ, господа, господа, камъ мы, однако, опростоволосились.

Весь залъ прыскаетъ со смѣху, какъ одинъ человѣкъ. Предсѣдатель пытается было схватить звонокъ, но невольно хватается за собственный животъ, такъ какъ увлеченный общей веселостью, онъ чувствуетъ

неудержимый порывъ смѣха. Минутъ на пять храмъ юстиціи превращается въ театральный раекъ, плѣненный самымъ возбуждающимъ фарсомъ. Опомнившись, предсѣдатель потрясаетъ неистово звонкомъ и грозитъ публикѣ удаленіемъ за произведенный безпорядокъ. Смѣхъ замолкаетъ, но не вдругъ: все еще тутъ и тамъ слышатся его замирающіе пароксизмы. Двое изъ присяжныхъ просятъ позволенія у предсѣдателя удалиться по случаю коликъ въ животѣ. Предсѣдатель отказываетъ.

— У меня у самого колики, господа, говоритъ онъ наставительно.—Однако я не прерываю отправленія правосудія... Не имѣетъ ли защита со своей стороны предъявить что либо къ свидѣтельницѣ Зосѣ?

— Да! господинъ предсѣдатель, восклицаетъ Опереткинъ: — я просилъ бы судъ разрѣшить мнѣ поцѣловать каблучки ботинокъ прелестныхъ ножекъ свидѣтельницы.

Товарищъ прокурора заявляетъ протестъ противъ такого желанія защитника и обзываетъ его даже неприличнымъ. Предсѣдатель соглашается съ представителемъ обвинительной власти.

— Прошу занести слова г. товарища прокурора въ протоколъ! съ негодованіемъ кричитъ Опереткинъ.—Обвиненіе не только стѣсняетъ свободу защиты, но выражаетъ рѣзкое порицаніе самымъ законнымъ ея побужденіямъ и правамъ!

V.

Приступаютъ къ допросу тридцати кухарокъ, жившихъ у подсудимаго Клубники. Предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что отставной коллежскій совѣтникъ Клубника, въ продолженіе своего болѣе чѣмъ полувѣкового существованія, состоялъ въ амурныхъ сношеніяхъ со многими особами прекраснаго пола, причемъ большинство этихъ особъ оказались кухарками, находившимися у него въ услуженіи и соединявшими, такимъ образомъ, полезную роль съ пріятною. Всѣ эти кухарки—число которыхъ доходило до тридцати—вызваны въ судъ по требованію обвинительной власти въ качествѣ живыхъ уликъ чудовищной безнравственности подсудимаго Клубники. Товарищъ прокурора накидывается съ необыкновеннымъ азартомъ на каждую свидѣтельницу изъ тридцати и, можно сказать, пронизываетъ бывшихъ кухарокъ подсудимаго инквизиціонными взорами и вопросами. Допросъ происходитъ въ такомъ родѣ. Передъ судомъ предстоитъ семидесятилѣтняя старуха, похожая съ виду на старый заштопанный чулокъ: время и нужда, очевидно, прошлись по ней вволю.

— Свидѣтельница, васъ зовутъ Маврой? строго спрашиваетъ прокуроръ, бросая пронзительные взгляды на престарѣлую стряпуху.

— Маврой, батюшка, Маврой.

— Вы по профессіи кухарка?

— Кухарки. Мы съ измалѣтства, батюшка, кухарки.

— Вы знаете Клубнику?

— Клубнику? Можно, батюшка, можно сготовить. Со сливками, а не то такъ дутый пирожокъ можно.

— Я говорю не про дутый пирогъ, морщась и видимо сердясь на глупость свидѣтельницы, внушительно объясняетъ товарищъ прокурора,—я говорю про коллежскаго совѣтника Клубнику. Понимаете?

— Понимаю, батюшка, понимаю. Мы не токмо что про коллежскаго совѣтника, мы и про генерала можемъ состряпать. Живали въ кухаркахъ и у генераловъ, какъ-же. Вотъ въ позапрошломъ году у генерала Ябедникова жила. Хорошій былъ господинъ, во всемъ хорошій. Одно вотъ только: форпмаковъ ему никакъ, батюшка, угодить не могла. Какъ ты ему не сготовь, а безпримѣнно скричитъ: селедку, старая чертовка, перепустила. А чего, прости Господи, селедку...

— Постойте, свидѣтельница Мавра, прерываетъ прокуроръ.—Слушайте внимательнѣй, что я вамъ говорю, и отвѣчайте только на то, о чемъ я васъ спрашиваю... Вы жили въ кухаркахъ у отставного коллежскаго совѣтника Акакія Поликарповича Клубники?

— У Акакія Поликарповича? Запамятовала, батюшка, вотъ уже запамятовала. У совѣтника палаты Павскакія Семеновича живала, точно. А у

Акакія Поликарповича — вотъ ужъ и не помню чтой-то.

— На предварительномъ слѣдствіи, говоритъ прокуроръ, обращаясь какъ бы въ пространство, къ невидимому образу богини правосудія, парящему передъ нимъ, — на предварительномъ слѣдствіи свидѣтельница показывала, что, сорокъ пять лѣтъ тому назадъ, она жила у подсудимаго Клубники въ кухаркахъ и подсудимый состоялъ съ свидѣтельницей въ незаконныхъ отношеніяхъ. Прошу прочитать показаніе свидѣтельницы.

Читается показаніе, данное Маврой на предварительномъ слѣдствіи. Изъ этого показанія видно, что Мавра, дѣйствительно, въ 1839 году проживала въ кухаркахъ у подсудимаго и была увлечена имъ къ незаконному амуру.

— Вы видите, свидѣтельница Мавра, вразумительно говоритъ товарищъ прокурора, — что вамъ невозможно отрицать факта, который вы сами признали на предварительномъ слѣдствіи. Я разумѣю фактъ любовнаго увлеченія съ подсудимымъ Клубникой, имѣвшій мѣсто сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Разскажите же здѣсь, на судѣ, откровенно и послѣдовательно всѣ подробности этого факта. Припомните всѣ обстоятельства: какъ это случилось? гдѣ это случилось? въ какой день и часъ? Не смущайтесь ложною скромностью, весьма понятной въ ваши преклонные годы и при вашемъ обществен-

номъ положеніи, но тѣмъ не менѣе излишней и, можно сказать, въ настоящемъ дѣлѣ даже вредной, ибо она расходится съ интересами правосудія. Еще разъ предлагаю вамъ, свидѣтельница Мавра, разсказать точно и откровенно о вашихъ амурныхъ сношеніяхъ съ подсудимымъ Клубникой, бывшихъ почти за полвѣка.

Однако, свидѣтельница Мавра, къ общему сожалѣнію судей, присяжныхъ и публики, не въ состояніи удовлетворить требованіе прокурора: она совсѣмъ растерялась отъ его рѣчей, стоитъ разиня ротъ и рѣшительно не можетъ взять въ толкъ, чего отъ нея хотятъ. Видя, что съ свидѣтельницей ничего нельзя подѣлать, предсѣдатель приглашаетъ ее садиться.

Вызвана вторая свидѣтельница изъ тридцати кухарокъ—Акулина Разбитная. Это развязная бабенка, лѣтъ двадцати пяти. Одѣта въ платьѣ съ огромнымъ турнюромъ; на головѣ высокая шляпа, немножко сбившаяся на одинъ бокъ. Товарищъ прокурора съ полминуты присматривается къ новой жертвѣ и вдругъ набрасывается на нее съ пущей энергіей.

— Свидѣтельница Акулина Разбитная! Вы знаете подсудимаго Клубнику?

— Оченно даже превосходно ихъ знаю, бойко отвѣчаетъ Акулина.

— Вы жили у подсудимаго въ кухаркахъ въ прошломъ году. Подсудимый на другой же день ва-

шего поступленія на мѣсто сдѣлалъ вамъ предложеніе увлечься съ нимъ амуромъ. Вы согласились. Разскажите суду, какъ это было?

— Это даже довольно стыдно при публикѣ разсказывать, господинъ прокуратъ, отвѣчаетъ свидѣтельница съ искусственнымъ жеманствомъ.

— Не заботьтесь, свидѣтельница, о стыдѣ, наставительно замѣчаетъ предсѣдатель. — Чувство стыда не должно имѣть мѣста на судѣ. Здѣсь, предъ лицомъ представителей судебной власти и общественной совѣсти, вы смѣло и не стѣсняясь можете говорить все. Это необходимо въ интересахъ правосудія и истины. Быть можетъ вы чувствуете естественную слабость при воспоминаніи о фактѣ увлеченія? Подобныя воспоминанія всегда волнуютъ особъ прекраснаго пола. Въ такомъ случаѣ вы можете давать ваше показаніе сидя. Г. судебный приставъ, предложите свидѣтельницѣ стулъ.

Приставъ, съ ловкостію, свойственною всѣмъ приставамъ, подаетъ стулъ Акулинѣ. Она садится, покачивая головой, съ видимой претензіей на граціозную разслабленность. Она, очевидно, сознаетъ свою интересность и старается быть какъ можно болѣе жантильной.

— Но какого же рода желательнымъ разсказомъ возможно мнѣ удовольствовать васъ, господинъ прокуратъ? томно спрашиваетъ Акулина, бросивъ на прокурора нѣжный взглядъ.

— Пожалуйста, свидѣтельница, не называйте меня прокуратомъ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ восклицаетъ прокуроръ.—Извольте сообщить суду, какими способами подсудимый Клубника довелъ васъ до паденія?

— Способовъ никакихъ-съ не было. Безъ всякихъ способовъ-съ, господинъ прокуратъ... ахъ, извините-съ, больше не буду, вамъ это одно неудовольствіе доставляетъ...

— Вы говорите, подсудимый Клубника соблазнилъ васъ легко?

— Очень-съ даже легко. Потому, какъ они баловники старые и дѣло это имъ даже до безконечности хорошо извѣстно...

— Когда совершилось ваше паденіе?

— То есть, какъ-съ?

— То есть, въ какое время? Днемъ? вечеромъ?

— Да вотъ, какъ я имъ утрось сапоги внесла въ кабинетъ, тутъ они и объяснились въ любви...

— Долго ли продолжалась ваша любовь съ подсудимымъ Клубникой?

— Три мѣсяца-съ. Поколь я у нихъ въ куфаркахъ жила.

— Что было причиною вашего взаимнаго разрыва?

— Ничего больше какъ опять же баловство ихнее... Въ тѣ поры они себѣ другую подругу приглядѣли: сосѣдская куфарка Василиса сердце имъ побѣдила. Они и сманили ее къ себѣ. А мнѣ, какъ обыкно-

венно съ нашей сестрой, разсчетъ дали. Только и всего.

Въ такомъ родѣ идетъ весь допросъ тридцати свидѣтельницъ-кухарокъ. По окончаніи этого допроса слѣдуетъ чтеніе стиховъ и дневника подсудимой Путаницы. Но публика и присяжные слушаютъ разсѣянно этотъ дневникъ: они знаютъ, что, по окончаніи чтенія, должна послѣдовать экспертиза и съ нервнымъ волненіемъ ждутъ появленія двухъ экспертовъ-альфонсовъ: Содержанцева 1-го и Содержанцева 2-го.

VI.

Чтеніе стихотвореній, найденныхъ вмѣстѣ съ дневникомъ подсудимой дѣвицы Перепетуи Путаницы, вызываетъ неожиданный «инцидентъ». Таковыхъ стихотвореній при дѣлѣ оказалось два, подъ №№ первымъ и вторымъ

№ 1.

Душеньку часокъ не видя,
Думалъ—вѣкъ ужъ не видалъ.
Жизнь свою возненавидя,
Льзя ли жить мнѣ, я сказалъ.

№ 2.

Боюсь, брусничная вода
Мнѣ не надѣлала-бъ вреда.

По прочтеніи секретаремъ этихъ двухъ пьесъ,

предсѣдатель обращается къ подсудимой съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Подсудимая Перепетуя Путаница! Вы давно пишите стихи?

— Да, очень давно. Я съ десяти лѣтъ почувствовала даръ и тогда же написала первое стихотвореніе.

— Феноменально! замѣчаетъ предсѣдатель какъ бы въ сторону.—Разскажите суду, какъ это было?

— Очень просто было. Мамаша меня высѣкла. А я взяла сейчасъ бумажку и написала:

Ахъ, зачѣмъ, мамаша, сѣчь?
Больше было бы эфекту,
Еслибъ дать дитѣ конфекту.

— Недурно для десятилѣтней музы. Съ этихъ поръ вы и пошли писать стихи?

— Съ этихъ поръ и пошла.

— Двѣ пьесы, находящіяся при дѣлѣ и сейчасъ прочитанныя здѣсь, на судѣ, сочинены вами?

— Мною отъ первой строки до послѣдней, гордо отвѣчаетъ дѣвица Путаница.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ возбуждаетъ внезапный громкій протестъ въ мѣстахъ для публики. Четыре молодыхъ поэта самой послѣдней формаціи: Младенцевъ, Черезъ-заборъ-перелѣзинскій, Скрипансонъ и Дудкинсонъ (послѣдніе два изъ еврейчиковъ) громко вопіютъ, что подсудимая Путаница облыжно приписываетъ себѣ авторство чужихъ твореній, что пьеса подъ № 1 сочинена совсѣмъ не Путаницей, а истекла

изъ совокуннаго вдохновенья четырехъ музъ: первая строка пьесы «Душеньку часокъ не видя» принадлежитъ Младенцеву, вторая Черезъ-заборъ-перелезинскому, третья Скрипансону, а послѣдняя Дудкинсону. Вмѣстѣ съ четырьмя юными пѣвцами вскакиваютъ два поэта-эстетика сороковыхъ годовъ, высокіе, съ длинными сѣдыми кудрями, съ вдохновенными взорами, устремленными въ даль и въ высь, какъ будто они въ пространствѣ созерцаютъ крестъ Ивановской колокольни. Оба почти разбитыми, но энергическими голосами заявляютъ, что вторая пьеса, изъ прочитанныхъ на судѣ, точно также принадлежитъ не дѣвицѣ Путаницѣ, а величайшему изъ русскихъ пѣвцовъ, Александру Сергѣевичу Пушкину, и что присвоеніе дѣвицей Путаницей двухъ божественныхъ строкъ Пушкина есть съ ея стороны «глубочайшая ложь» и «поруганіе святыхъ идеаловъ искусства». Эти неожиданныя заявленія молодыхъ и старыхъ пѣвцовъ производятся ими съ такимъ громкимъ и стремительнымъ одушевленіемъ, что предсѣдатель сначала теряется, безмолвствуетъ и бездѣйствуетъ. Пользуясь безмолвіемъ и бездѣйствіемъ предсѣдателя, еврейчики Скрипансонъ и Дудкинсонъ успѣваютъ довольно подробно и отчетливо развить передъ судомъ, что такъ какъ дѣвица Путаница, присвоеніемъ себѣ пьесы «Душеньку часокъ не видя», совершила нѣкоторымъ образомъ похищеніе гонорара, слѣдовавшаго по всѣмъ правамъ настоящимъ авто-

рамъ этой пьесы, то они просятъ возмѣстить этотъ гонораръ имъ зависящими отъ суда мѣрами.

Предсѣдатель, опомнившись, наконецъ, отъ смущенія, прекращаетъ протестъ поэтовъ звонкомъ и, обращаясь къ товарищу прокурора, проситъ его дать заключеніе о неожиданномъ «инцидентѣ» съ прочитанными стихотвореніями подсудимой Путаницы.

Товарищъ прокурора даетъ заключеніе въ такомъ смыслѣ: неожиданныя заявленія поэтовъ, находящихся среди публики, о присвоеніи подсудимой Путаницей авторства твореній, ей не принадлежащихъ, не могутъ имѣть для суда никакого существеннаго значенія по ихъ неумѣстности, несвоевременности и бездоказательности. Что касается требованія дѣтей Феба изъ евреевъ, гг. Скрипансона и Дудкинсона, о возмѣщеніи похищеннаго будто бы у нихъ подсудимою Путаницей гонорара за сочиненіе ихъ «Душеньку часокъ не видя», то таковое требованіе, по точному разъясненію Сената, ст. 666.666,666, § 13, въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, должно быть предъявляемо не къ суду, а къ «Товариществу М. О. Вольфъ», въ періодическомъ изданіи котораго, именующемся «Новью», безпрепятственно помѣщаются и оплачиваются сообразнымъ гонораромъ всевозможныя «первоклассныя» произведенія современныхъ «первокласныхъ авторовъ», и «все это за 12 р. 50 к. въ годъ безъ доставки и за 14 руб. съ пересылкою и доставкою».

Секретарь суда читаетъ дневникъ подсудимой Путаницы слѣдующаго содержанія:

«10 мая. Зашла завтракать къ Палкину. Познакомилась съ околодочнымъ. Послѣ завтрака поѣхали въ «Биржевую». Время прошло незамѣтно. Брюнетъ. Зовутъ Васей. Просилъ денегъ. Сказала, что нѣтъ и не знаю гдѣ достать. Совѣтовалъ украсть.

«11 мая. Зашла пообѣдать въ греческую кухмистерскую по Гороховой. Познакомилась съ околодочнымъ. Послѣ обѣда поѣхали въ гостинницу «Роза». Время шло пріятно. Блондинъ. Зовутъ Петей. Просилъ денегъ. Узнавъ, что не имѣю, совѣтовалъ кого нибудь ограбить.

«13 мая. Зашла поужинать въ «Малый Ярославецъ». Познакомилась съ околодочнымъ. Поѣхали въ гостинницу «Европа». Время прошло восхитительно. Шатенъ. Зовутъ Гришей. Просилъ денегъ. Узнавъ, что не имѣю, совѣтовалъ кого нибудь убить».

— Подсудимая! обращается предсѣдатель къ дѣвицѣ Путаницѣ по окончаніи чтенія.—Изъ вашего дневника, обнимающаго цѣлый мѣсяцъ, видно, что вы успѣли познакомиться съ тридцатью околодочными разныхъ участковъ. Объясните суду: почему вы знакомились исключительно съ околодочными?

— Они мнѣ по вкусу, г. предсѣдатель.

— Гм., по вкусу. Конечно, на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Но мнѣ кажется, что это нѣсколько однообразно—все околодочные да околодочные, каж-

дый день... Смѣю думать, что современные кавалеры и другихъ профессій могли бы внушить вамъ не менѣе раціональные совѣты для добыванія денегъ. Впрочемъ, это ваше дѣло... Садитесь... Г. судебный приставъ, распорядитесь пригласить въ залу экспертовъ-альфонсовъ Содержанцева 1-го и Содержанцева 2-го.

VII.

Общее напряженное ожиданіе. Предшествуемые судебнымъ приставомъ, входятъ Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й. Оба плотные, съ лоснящимися красными лицами. На ходу торопливо дожевываютъ жирныя сардинки, которыми закусили сейчасъ лишь пропущенныя въ буфетѣ четыре рюмки очищенной. Оба въ куцыхъ пиджакахъ съ закругленными фалдами, въ розовыхъ галстукахъ, узкихъ, обтянутыхъ панталонахъ голубоватаго цвѣта и лакированныхъ ботинкахъ, похожихъ на лодки, съ необычайно длинными и острыми носками. Бедра у обоихъ крутыя и затылки квадратные съ жирной складкой. Въ глазахъ «безпокойная ласковость взгляда», невольно заставляющая тѣхъ, на кого устремлена эта ласковость, ощупывать, цѣло ли портмонэ въ карманѣ. Оба блондины съ расчесанными посрединѣ длинными бакенами и тщательно примазанными капулями. Входятъ нагло и развязно. Кто то изъ публики, при

появленіи ихъ, вдругъ запѣваетъ на извѣстный мотивъ выхода Аяксовъ въ «Еленѣ»:

Вотъ мы пришли величаво, шли величаво
Два мерзавца вдругъ.

Остальная публика подхватываетъ. Содержанцевы улыбаются: они довольны гласнымъ привѣтомъ ихъ извѣстности. Предсѣдатель звонитъ. Все утихаетъ.

— Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й! торжественно возглашаетъ предсѣдатель.—Вы призваны помочь правосудію вашими свѣдѣніями. Какъ альфонсы-спеціалисты, вы можете способствовать къ разъясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, возбуждающихся въ разсматриваемомъ дѣлѣ... Скажите, Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й, какой средній размѣръ годового содержанія полагается такимъ кавалерамъ, какъ вы?

— Средній размѣръ, господинъ предсѣдатель? сладкимъ голосомъ повторятъ вопросъ Содержанцевъ 1-й.

— Да, средній размѣръ.

— Это зависитъ отъ разныхъ условій-съ. Во-первыхъ, отъ возраста-съ содержащей особы. Старыя особы платятъ обыкновенно больше-съ. Затѣмъ, во-вторыхъ, отъ средствъ, которыя имѣются у особы. Натурально-съ, каждый альфонсъ старается цапнуть сколько можно шире-съ.

— При этомъ, господинъ предсѣдатель, замѣчаетъ Содержанцевъ 2-й, — необходимо имѣть въ

виду также и то: простое ли содержаніе или соединенное съ шантажемъ. При удачномъ примѣненіи шантажа къ интимнымъ отношеніямъ можно получить гораздо болѣе.

— Да, конечно, конечно. Но судъ въ настоящемъ случаѣ имѣетъ въ виду только простое содержаніе, г. экспертъ, безъ шантажа. Представителямъ правосудія и общественной совѣсти необходимо знать средній размѣръ простого содержанія. Потрудитесь опредѣлить, такъ сказать, общую цифру, гг. эксперты.

— Общую-съ цифру? какъ бы раздумывая говоритъ Содержанцевъ 1-й и затѣмъ рѣшительно прибавляетъ: — да тысячи три въ годъ заработать можно-съ.

— Три тысячи! восклицаетъ предсѣдатель. Каково, однако же! Вѣдь это предсѣдательское жалованье. Вы, г. Содержанцевъ 2-й, подтверждаете цифру, опредѣленную вашимъ сотоварищемъ?

— Подтверждаю, г. предсѣдатель. Но при этомъ долженъ прибавить, что мой сотоварищъ, опредѣляя эту цифру, безъ сомнѣнія, не имѣлъ въ виду добавочныхъ статей содержанія, каковы: подарки, займы небольшихъ суммъ, безъ отдачи, конечно. Кромѣ того, иногда, при удобномъ случаѣ, можно и прямо стащить что нибудь, что плохо лежитъ у особы, съ которой находишься въ близкихъ отношеніяхъ. Ну, напримѣръ, брошку, браслетъ, вѣеръ,

полдюжины шелковыхъ чулокъ, мало ли что! Вѣдь если особа и догадается, то все-таки она не будетъ преслѣдовать человѣка, который ей милъ.

— Выгодная профессія, чрезвычайно выгодная профессія! восклицаетъ предсѣдатель и затѣмъ обращается къ Турусову и Опереткину: неугодно ли защитѣ предложить какой либо вопросъ господамъ-экспертамъ?

— Господамъ экспертамъ, спрашиваетъ Опереткинъ: — вѣроятно извѣстны адресы всѣхъ первоклассныхъ петербургскихъ кокотокъ?

— О, безъ сомнѣнія, господинъ защитникъ, радостно, въ одинъ голосъ отвѣчаютъ Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й.

— Такъ что эксперты не встрѣтятъ никакихъ затрудненій въ сообщеніи этихъ адресовъ защитѣ?

— Ни малѣйшихъ, г. защитникъ, любезно отвѣчаетъ Содержанцевъ 1-й.

— Если даже господамъ-защитникамъ необходима протекція, говоритъ заискивающимъ тономъ Содержанцевъ 2-й, то я и мой сотоварищъ можемъ содѣйствовать съ готовностью... У нѣкоторыхъ кокотокъ, по особой нашей рекомендаціи, защита можетъ воспользоваться даже даровыми визитами, у другихъ можетъ быть открытъ долгосрочный кредитъ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ, г. предсѣдатель, защита, въ моемъ лицѣ и въ лицѣ моего сотоварища графа Турусова, ходатайствуетъ о разрѣшеніи въ

обѣденный перерывъ посѣтить нѣкоторыхъ кокотокъ по адресамъ, которые ей будутъ указаны экспертами Содержанцевымъ 1-мъ и Содержанцевымъ 2-мъ.

— Напоминаю вамъ, г. защитникъ, говоритъ предсѣдатель, — что въ обѣденный перерывъ вы предполагали отправиться въ ресторанъ Понсэ съ какой-то роскошной блондинкой изъ публики...

— Да, г. прэдсѣдатель, предполагалъ. Но роскошная блондинка уже исчезла изъ зала засѣданія вмѣстѣ съ баритономъ Канкановымъ.

— А, ужъ исчезла? Какая проворная! Во всякомъ случаѣ, судъ не можетъ удовлетворить ходатайства защиты въ той мѣрѣ, въ какой защита желаетъ. Отпустить обоихъ защитниковъ къ кокоткамъ во время обѣденнаго пэрерыва слишкомъ рискованно: оба могутъ увлечься, закатиться на сутки, пожалуй, на двое сутокъ и, такимъ образомъ, своимъ отсутствіемъ прервать правильное теченіе правосудія. Вслѣдствіе такихъ соображеній, я полагалъ бы возможнымъ отпустить только одного изъ защитниковъ.

— Меня! живо подхватываетъ Опереткинъ.

— Нѣтъ, г. предсѣдатель, меня! не менѣе живо восклицаетъ графъ Турусовъ.

— Г. товарищъ прокурора, прошу дать ваше заключеніе, говоритъ предсѣдатель.

— По точному смыслу разъясненія ст. уголовн.

и гражд. судопроизводства, которую я запамятовалъ въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, т. е. когда повѣренные сторонъ одновременно выражаютъ желаніе въ обѣденный перерывъ удалиться къ кокоткамъ, слѣдуетъ или соблюдать очередь, или же, при нежеланіи соблюденія очереди, предоставить рѣшенію жребіемъ, кому изъ повѣренныхъ надлежитъ воспользоваться льготой, предоставленной закономъ, причемъ имѣющій воспользоваться выпавшей ему по жребію льготой долженъ сообщить предсѣдателю мѣстонахожденіе тѣхъ кокотокъ, къ коимъ онъ полагаетъ отправиться.

— Орелъ или рѣшотка? говоритъ Опереткинъ, обращаясь къ Турусову и вынимая изъ жилетнаго кармана двугривенный.

— Орелъ.

— Опереткинъ бросаетъ двугривенный на столъ вещественныхъ доказательствъ.

— Рѣшотка! радостно восклицаетъ онъ. — Мнѣ! мнѣ!

И вдругъ ноги адвоката моментально вздергиваются вверхъ и онъ не только «быстрой ножкой ножку бьетъ», но даже пробѣгаетъ при этомъ на рукахъ отъ стола вещественныхъ доказательствъ къ своему мѣсту. Дамы изъ публики неистово аплодируютъ и захлебываются отъ восторга. Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й мучительно завидуютъ великому адвокату. Предсѣдатель расцвѣ-

таетъ: онъ очень доволенъ, что засѣданіе передъ обѣденнымъ перерывомъ закончилось столь эфектно.

— Господа-эксперты Содержанцевъ 1-й и Содержанцевъ 2-й, обращается предсѣдатель съ благосклонной улыбкой къ альфонсамъ, — вы можете отправиться къ вашимъ дамамъ. Судъ благодаритъ васъ за сообщеніе тѣхъ полезныхъ свѣдѣній, которыми онъ обязанъ вашей опытности. Эти свѣдѣнія помогутъ уразумѣть суду, представителямъ общественной совѣсти и защитѣ нѣкоторыя стороны въ настоящемъ дѣлѣ, до сихъ поръ казавшіяся не совсѣмъ ясными. Вы посильно послужили правосудію, подѣлившись тѣмъ, что̀ вамъ дали наука и практика альфонсизма. Еще разъ благодарю васъ.

Эксперты кланяются и выходятъ съ торжествомъ. Содержанцевъ 1-й на ходу успѣваетъ плѣнить одну купчиху изъ публики, а Содержанцевъ 2-й — стащить изъ кармана судебнаго пристава серебряный портсигаръ.

Перерывъ засѣданія на три часа.

VIII.

По возобновленіи засѣданія, вызываются шесть эксиертовъ, свѣтилъ медицинской науки: Разболтай-Попугаевъ, Попугай-Разболтаевъ, Маньяковъ, Христіанъ Ивановичъ (изъ «Ревизора») и Рамоли-

сментовъ. Шестой экспертъ — докторъ Пышногрудова-Пылкомыслова — не могъ явиться въ судъ по случаю приспѣвшихъ родовъ.

Экспертъ Попугай-Разболтаевъ.

«Экспертиза, господа судьи и господа присяжные, какъ вамъ извѣстно, должна быть основана на данныхъ науки. Наука проницательна. Тамъ, гдѣ обыкновенный взглядъ не видитъ ничего или, такъ сказать, одинъ кукишъ, наука видитъ все, наука чортъ знаетъ, что видитъ. Я человѣкъ науки. Я призванъ, какъ экспертъ, сказать свое мнѣніе о характерѣ преступленія, разбираемаго здѣсь, на судѣ. Я долженъ руководствоваться тѣми данными, которыя относятся къ моей спеціальности. Но такихъ данныхъ нѣтъ. Что мнѣ предъявляютъ, какъ эксперту медику? Мертвую ногу. Чортъ ли мнѣ въ этой ногѣ? Что я съ нею стану дѣлать? Подъ соусомъ, что ли, ѣсть? Что я могу вамъ сказать о ней? Ну, мертвая нога — и больше ничего. Набальзамирована. Пахнетъ мускусомъ. Обута въ чулокъ и ботинку. Вотъ и все. Но все это видите вы и сами, хотя вы не спеціалисты. Если-бы я не былъ человѣкъ науки, мнѣ бы оставалось сдѣлать одно: бросить эту ногу на столъ вещественныхъ доказательствъ, какъ я это дѣлаю (бросаетъ ногу) и сказать: прощайте, господа, я знаю не больше, чѣмъ вы, о томъ, кому принадлежитъ

эта нога и какимъ образомъ она отдѣлена отъ того цѣлаго, часть котораго составляла. Но я человѣкъ науки и проницателенъ, какъ сама наука. Вотъ почему я бросаю эту ногу и не смущаясь, съ великимъ апломбомъ начинаю пѣть пѣсню, какъ говорится, совсѣмъ изъ другой оперы. Позвольте васъ спросить, господа судьи и присяжные, какое значеніе имѣетъ эта мертвая, вяленая нога рядомъ вотъ съ этой живой и скверной рожей, которую вы видите воочію здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ?»

Экспертъ энергическимъ жестомъ указываетъ на подсудимаго Клубнику. Всѣ поражены и устремляютъ взоры по направленію перста эксперта. Краткая пауза.

«Да, вотъ гдѣ наука можетъ и должна прочитать ясно всю исторію преступленія, разбираемаго вами,— на этой скверной рожѣ, а не на мертвой ногѣ? Чья эта рожа? Подсудимаго, отставнаго коллежскаго совѣтника Клубники. Уже самая фамилія преступника показываетъ на преобладающія свойства его натуры, вѣроятно, перешедшія къ нему путемъ наслѣдственности. Что удивительнаго, если Клубника любилъ клубнику? Что удивительнаго, если, увлекаемый гнусными клубничными наклонностями, онъ въ одинъ прекрасный вечеръ довелъ свой афродіастическій жаръ до того, что злодѣйски убилъ одну изъ многихъ жертвъ своего сладострастія и затѣмъ въ изступленіи оторвалъ у ея трупа ногу. Для науки

такой случай не представляетъ ничего невозможнаго; напротивъ, она можетъ указать такихъ случаевъ сколько угодно. Слѣдуя ясному и точному указанію науки, я вполнѣ допускаю такой случай и объясняю его такъ, какъ объяснилъ, а не иначе. Прямой и короткій, вполнѣ научный выводъ изъ всего того, что я сказалъ, будетъ слѣдующій: бросьте вы къ чорту мертвую ногу и закатайте на каторгу, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій, обладателя живой и скверной рожи, на которую я, какъ человѣкъ науки, не могу смотрѣть безъ отвращенія. Если даже нога эта оторвана не имъ, а кѣмъ-нибудь другимъ, такъ все-таки же его слѣдуетъ сослать на каторгу за его рожу. Брррр, какая поганая клубничная рожа!»

Энергическая, прочувствованная, полная неумолимой логики и ясности рѣчь Попугай-Разболтаева производитъ глубокое впечатлѣніе на судей, присяжныхъ, публику. Слышится общій шопотъ: «блестящая, безпощадная экспертиза». Защитникъ подсудимаго Клубники соловѣетъ. Защитникъ подсудимой Путаницы ликуетъ.

Экспертъ Разболтай-Попугаевъ.

«Я никакъ не могу согласиться съ тѣми доводами, которые выставилъ мой почтенный коллега въ своей блестящей, но тѣмъ не менѣе по-моему совершенно произвольной экспертизѣ. Произвольность

ея, какъ мнѣ кажется, произошла отъ невѣрной точки отправленія, взятой моимъ почтеннымъ коллегой. Онъ обратилъ главное свое вниманіе — употребляю его мѣткое и опредѣленное выраженіе — на «поганую рожу» подсудимаго Клубники и, идя отъ этой рожи, создалъ яркую гипотезу преступленія. Но, господа судьи и господа прясяжные, вниманію экспертизы предлежитъ мертвая нога, а не клубничная живая рожа. Клубничная рожа--опять-таки пользуюсь прекраснымъ выраженіемъ моего почтеннаго коллеги — это изъ другой оперы. А мертвая нога—это прямо изъ той оперы, которую мы слушаемъ здѣсь на судѣ и о которой мы призваны высказать свое мнѣніе, какъ эксперты. Поэтому сосредоточимся только на мертвой ногѣ. Что прежде всего мы видимъ, сосредоточившись на ногѣ? Что она отсѣчена отъ тѣла, которому принадлежала. Уже самое слово «отсѣчена» намекаетъ на сѣчку. А вамъ извѣстно изъ показанія подсудимой Путаницы, что именно сѣчкой она и произвела операцію надъ покойной Папильоткиной. И это показаніе вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы видимъ: нога не оторвана въ порывѣ сладострастія, какъ утверждаетъ мой почтенный коллега, а именно отсѣчена и притомъ несомнѣнно сверху. А если сверху отсѣчена, то значитъ отсѣчена непремѣнно подсудимою Путаницей. Вы знаете, безъ сомнѣнія, какъ рубятъ сѣчкой капусту: не сбоку, не снизу, а непремѣнно сверху. Иначе

сѣчкой и нельзя рубить. Вотъ единственный вѣрный и вполнѣ научный выводъ изъ сопоставленія показаній Путаницы и характера отсѣченной поверхности ноги. Да, я убѣжденъ непреложно, что нога отсѣчена и отсѣчена сѣчкой. Это не гипотеза, господа судьи и господа присяжные, подобная гипотезѣ моего почтеннаго коллеги—это наглядная истина. Если-бы я, съ своей стороны, хотѣлъ идти по пути гипотезы, то я могъ бы указать вамъ много данныхъ, косвенно подтверждающихъ непреложность истины, выведенной моей экспертизой. Я могъ бы, напримѣръ, сообщить вамъ предположеніе, гдѣ пріобрѣтена та сѣчка, которою подсудимая Путаница произвела отсѣченіе ноги. По-моему, сѣчка могла быть пріобрѣтена въ магазинѣ желѣзныхъ вещей Растеряева. Проходя мимо этого магазина, я видѣлъ тамъ прекрасныя сѣчки, которыми можно отсѣчь не только ногу, но даже и голову. Но, повторяю, отсѣчь непремѣнно сверху, а не какъ нибудь иначе. Вотъ мое убѣжденіе, основанное на двадцатипятилѣтнемъ научномъ опытѣ рубки капусты. Я произвожу рубку капусты каждый годъ въ количествѣ трехсотъ кочней, причемъ сотню я, какъ благоразумный хозяинъ, отдѣляю на шинковку, а двѣсти рублю мелко-на-мелко. Изъ шинкованной капусты я приготовляю борщъ—весьма хорошій, здоровый, питательный и вкусный бульонъ, если въ мѣру положить въ него ветчины и сосисекъ. Изъ мелко

срубленной капусты у меня приготовляются обыкновенно кислыя щи. Какъ человѣкъ науки, я больше ничего не имѣю сказать вамъ, но въ сказанномъ убѣжденъ совершенно: хоть бейте меня пестомъ по головѣ, а изъ нея идеи моей не выбьете. Не упускайте же изъ вида главныхъ доводовъ, вытекающихъ изъ моей экспертизы: нога отсѣчена не «клубничной рожей», а подсудимой Путаницей, отсѣчена непремѣнно сверху и непремѣнно сѣчкой».

Защитникъ подсудимой Путаницы, графъ Турусовъ, желаетъ нѣкоторыхъ объясненій отъ эксперта, заранѣе извинившись передъ публикою, что ему придется объясняться на спеціальномъ языкѣ науки, мало понятномъ большинству. Онъ, конечно, не медикъ, но, занявшись настоящимъ дѣломъ, счелъ долгомъ ознакомиться съ нѣкоторыми научно-медицинскими свѣдѣніями, которыя онъ и намѣренъ приложить въ объясненіяхъ съ экспертомъ. Публика съ интересомъ прислушивается къ этимъ словамъ защитника и преисполняется глубокаго вниманія.

— Скажите, г. профессоръ, начинаетъ графъ Турусовъ,—при вашей экспертизѣ ноги покойной Папильоткиной, вы не употребляли ларингоскопическаго изслѣдованія?

— Не понимаю, въ недоумѣніи отвѣчаетъ экспертъ.

— Не понимаете. Хорошо. Края поверхности от-

рѣзанной ноги не представляютъ воздѣйствія на контагій?

— Не понимаю, еще съ большимъ недоумѣніемъ повторяетъ экспертъ.

— Не понимаете. Ага! Но отношенію къ отрѣзанной, по вашимъ словамъ, сѣчкою ногѣ вы не замѣтили интерстиціальной, склерозной и фибринозной пнеймоніи? Бронхектазія и эмфизема тутъ не имѣли мѣста?

— Рѣшительно ничего не понимаю! восклицаетъ экспертъ уже съ отчаяніемъ.

— Г. экспертъ, съ надменною насмѣшкой восклицаетъ адвокатъ, — кажется, понимаетъ только то, что относится къ рубкѣ капусты, а не къ медицинѣ! Я удивляюсь, что онъ не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ медицинскихъ терминовъ.

— Да позвольте, чортъ возьми, г. защитникъ, вѣдь вопросы, которые вы сейчасъ предлагали — это дикій наборъ терминовъ, не имѣющій ни малѣйшей связи и слысла.

— Такъ что же, г. экспертъ, я, по вашему, медицину, что ли, изучать обязанъ? Будетъ того, если я васъ и публику безсмысленно огорошу десяткомъ-другимъ мудреныхъ спеціальныхъ словъ: для моей цѣли этого совершенно достаточно.

Предсѣдатель прекращаетъ споръ, возникшій между защитникомъ и профессоромъ Разболтай-Попугаевымъ. Слѣдуетъ экспертиза Христіана Ивановича

(изъ «Ревизора»). Христіанинъ Ивановичъ на всѣ вопросы предсѣдателя, товарища прокурора и защиты «издаетъ звукъ отчасти похожій на букву *и* и нѣсколько на *е*». Защитникъ Опереткинъ проситъ присяжныхъ обратить особое вниманіе на этотъ звукъ.

Экспертъ профессоръ психіатріи Маньяковъ.

«Моя экспертиза легче, чѣмъ экспертиза моихъ почтенныхъ сотоварищей. Они призваны сдѣлать свои заключеніе о мертвой ногѣ. Я призванъ сдѣлать заключеніе о головѣ подсудимой Путаницы. Заключеніе это не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей. Говоря кратко и ясно, голова дѣвицы Путаницы находится не въ порядкѣ. Съ такой головой можно посягнуть не только на отсѣченіе ноги, но даже на приготовленіе изъ отсѣченной ноги рагу и приглашеніе друзей позавтракать этимъ блюдомъ. Подсудимая Путаница, по устройству своей головы, принадлежитъ къ весьма распространенному въ наше время типу психопатическихъ дѣвицъ и дамъ. По-моему, съ ней толковать нечего: отпустить ее на всѣ четыре стороны и пусть она дѣлаетъ что взбредетъ въ ея ненормальную голову: пусть рубитъ, колетъ, рѣжетъ кого ей заблагоразсудится. Вотъ единственный выводъ, какой можетъ дать современ-

ная психіатрическая наука о современныхъ Путаницахъ».

Слѣдуетъ экспертиза престарѣлаго акушера Рамолисментова. Но эксперта, который вошелъ вмѣстѣ съ прочими своими коллегами въ залъ засѣданія, не оказывается на-лицо. Его долго ищутъ. Наконецъ, легкое сопѣнье выдаетъ его присутствіе; оказывается, что онъ прикурнулъ за столомъ вещественныхъ доказательствъ и заснулъ. Его будятъ. Проснувшись, онъ съ улыбкой осматривается кругомъ и говоритъ старческимъ, разслабленнымъ голосомъ: «мнѣ бы чего нибудь сладенькаго». Ему напоминаютъ, что онъ призванъ въ судъ въ качествѣ эксперта.

— А, а... Ну, что-жъ, я готовъ, спрашивайте, я готовъ. Только поскорѣй бы, поскорѣй бы, потому что я очень хочу сладенькаго... Да вотъ присѣсть бы... А то слабъ, слабъ... стоять-то ужъ не могу. Года, охъ, года! Вѣдь еще съ покойнымъ Вильгельмъ Вильгельмовичемъ товарищами были.

— Съ какимъ Вильгельмъ Вильгельмовичемъ?

— Да съ Гуфеландомъ. Вотъ еще Макробіотику-то сочинилъ. Какъ же. Товарищи.

Эксперту подаютъ стулъ. Онъ садится и опять мгновенно засыпаетъ. Его снова будятъ. Судебный приставъ преподноситъ ему мертвую ногу и проситъ обратить на нее вниманіе.

— А? Что? говоритъ Рамолисментовъ съ младенческою улыбкою. Нога? Ногу мнѣ подаете? На что?

А я было думалъ котлетку, молъ. Котлетку-то бы лучше. Телячью. Съ сладкимъ соусомъ...

— Что вы можете сказать, ваше высокопревосходительство, объ этой ногѣ? почтительно спрашиваетъ предсѣдатель,

— О ногѣ? Ничего... Нога. Въ чулочкѣ, хе, хе, хе.

— Какая это нога, по-вашему: мужская или женская?

— Какая? А не разберу, право. Кажется, какъ будто женская. Не разберу теперь. Прежде, хе, хе, прежде сразу бывало разбиралъ: пяточку бывало завидишь или щиколотку, ну, и того... духомъ-то и взыграешь. А нынче ужъ нѣтъ этого, нынче не разберу, не могу.

— Можетъ ли, по вашему мнѣнію, мужчина войти въ такой любовный ражъ, чтобы убить женщину и изрѣзать ея трупъ?

— Любовный ражъ? Что такое любовный ражъ? Не помню. Забылъ. Да и совсѣмъ этого не нужно, любовнаго-то ража. Пустяки все это. Прежде это, бывало, любилъ я. А теперь нѣтъ. Пустяки это говорю. Лучше тепленькаго бульонцу, котлеточку, компотцу изъ грушъ... да, да,.. компотцу.

Экспертъ снова засыпаетъ. Не смотря на всѣ усилія, его никакъ не могутъ разбудить и приходится вынести эксперта изъ зала засѣданія.

Экспертъ Попугай-Разболтаевъ заявляетъ предсѣдателю, что, сходивъ въ буфетъ, выпивъ тамъ рюмку хереса и съѣвъ два бутерброда, онъ внезапно

прозрѣлъ истину и измѣнилъ высказанное имъ мнѣніе, что ногу оторвалъ подсудимый Клубника. Онъ соглашается теперь съ мнѣніемъ своего почтеннаго коллеги, Разболтай-Попугаева, что ногу отсѣкла подсудимая Путаница, притомъ непремѣнно сѣчкой и «сверху». Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ своей экспертизы онъ остается при прежнемъ заключеніи: у подсудимаго Клубники прескверная рожа и его слѣдуетъ закатать на каторгу.

Предсѣдатель объявляетъ судебное слѣдствіе оконченнымъ. Перерывъ до утра.

IX.

Засѣданіе возобновилось въ 11 часовъ утра. Предсѣдатель намѣревается предоставить слово обвинительной власти. Вдругъ судебный приставъ заявляетъ, что ревельская гражданка, отставная кокотка Мина Карловна Килька, вызванная въ качествѣ помощницы при экспертизѣ Содержанцева 1-го и Содержанцева 2-го и не потребованная во вчерашнее засѣданіе по забывчивости суда, выражаетъ претензію на таковой съ ней поступокъ и требуетъ категорическаго отвѣта: нужна она суду или нѣтъ?

— Не нужна, рѣшительно объявляетъ предсѣдатель: — пусть убирается съ своими претензіями откуда пришла.

Оба защитника протестуютъ и даже очень горячо.

Компетентныя разъясненія отставной кокотки Кильки, по мнѣнію защитниковъ, могли бы имѣть огромный интересъ, если не для дѣла, то для публики, жаждущей скандальныхъ эпизодовъ на судѣ.

— Ахъ, господа, господа, кротко усовѣщиваетъ горячащихся защитниковъ предсѣдатель: — какъ это вы не понимаете, что фактъ непоявленія въ числѣ экспертовъ Кильки выгоденъ для васъ же.

— Въ какомъ же отношеніи выгоденъ? восклицаютъ оба защитника.

— Да вѣдь этотъ фактъ — вѣрный поводъ кассаціи. А кассація для васъ всегда лафа: по крайней мѣрѣ лишній разъ языкомъ побалуете, лишній разъ краснорѣчіемъ себя прославите.

Защитники, смекнувъ «суть дѣла», отказываются отъ протестовъ. Слово предоставлено товарищу прокурора.

Товарищъ прокурора.

«Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Неизвѣстно какого года, мѣсяца и числа, въ домѣ подъ нумеромъ 666, совершено ужасное, кровавое преступленіе. Злодѣйски убита дама, Берта Францова Папильоткина. Замѣтьте: убитая была не простая дама, а дама, пріятная во многихъ отношеніяхъ. Она никому не дѣлала зла, она, напротивъ, всѣмъ и каждому, по мѣрѣ силъ своихъ, стремилась доставить удоволь-

ствіе. Къ ней, говоря словами поэта прошлаго времени, «шелъ воинъ, купецъ и пастухъ». Современный поэтъ, конечно, прибавилъ бы: «и адвокатъ», и онъ былъ бы правъ, такъ какъ вы слышали здѣсь, на судѣ свидѣтельское показаніе прислуги покойной, что въ числѣ другихъ гостей Папильоткиной, свидѣтельница видѣла одного изъ защитниковъ по настоящему дѣлу. И вотъ эта-то пріятная во многихъ отношеніяхъ дама въ одинъ прекрасный вечеръ убита злодѣйскою рукою и, какъ говоритъ Кузьма Прутковъ въ комедіи «Опрометчивый Турка». «все, что было въ ней пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нею». Да, господа судьи и господа присяжные,— все, за исключеніемъ, однако же, мертвой ноги. Эта мертвая нога передъ вами, эта мертвая нога должна послужить намъ той путеводительной нитью, по которой мы обязаны на нашихъ живыхъ ногахъ придти къ виновникамъ ужаснаго преступленія».

Крѣпко придерживаясь за мертвую ногу, обвинитель прежде всего подступаетъ къ тому изъ подсудимыхъ, у котораго ученый экспертъ Попугай-Разболтаевъ призналъ «скверную клубничную рожу». Обвинитель вполнѣ согласенъ, что рожа у подсудимаго Клубники точно скверная и что отъ обладателя подобной рожи можно ждать всякаго злодѣйства. Обстоятельства, выясненныя слѣдствіемъ, какъ нельзя лучше подтверждаютъ такое мнѣніе, изреченное представителемъ науки. Пока-

заніе честнаго шкинера Вейнемейнена Калевалы о томъ, что онъ, Калевала, выпивалъ въ день, какъ онъ выражается, «ринадцать такановъ» водки, служитъ подавляющей уликой для подсудимаго Клубники. Если Вейнемейненъ Калевала, бѣдный и честный финскій простолюдинъ, выпивалъ тринадцать стакановъ русской водки въ день, то можно себѣ представить, какое количество этой водки истреблялъ отставной коллежскій совѣтникъ Клубника, человѣкъ состоятельный и съ развратными наклонностями и вкусами. А тридцать свидѣтельницъ кухарокъ, «которыя прошли здѣсь передъ взорами подсудимаго, какъ тѣни королей, потомковъ Банко, передъ убійцей Макбетомъ»—эти тридцать свидѣтельницъ еще ли недостаточно говорятъ о томъ, какое чудовище разврата и порока представлялъ всю жизнь подсудимый Клубника? Можно ли хоть одну секунду усомниться, что человѣкъ подобнаго безнравственнаго закала способенъ покуситься на самое ужасное злодѣйство, какое только доступно человѣческому воображенію; на оторваніе ноги у любимой женщины, той самой ноги, которую онъ, быть можетъ, не разъ лобызалъ въ порывѣ страстнаго восторга и для которой самъ покупалъ ботинки въ Гостиномъ дворѣ, въ магазинѣ Целибѣева!»

Развивая свою мысль, обвинитель рядомъ необычайно логичныхъ и сильныхъ доводовъ, въ родѣ изложенныхъ, доказываетъ несомнѣнное участіе под-

судимаго Клубники въ злодѣйскомъ убійствѣ Папильоткиной и въ оторваніи мертвой ноги у ея трупа. Чѣмъ произведена операція отнятія ноги—сѣчкой или какимъ другимъ орудіемъ—это обвинитель считаетъ несущественною подробностью. Быть можетъ, сѣчкой и даже сѣчкой, купленной въ магазинѣ Растеряева,—какъ это предполагаетъ экспертъ Разболтай-Попугаевъ; быть можетъ какимъ либо другимъ рѣжущимъ орудіемъ. Важенъ фактъ преступленія, а не средства, которыми оно совершено. А фактъ передъ нами на-лицо: мертвая нога, вопіющая къ небу о возмездіи.

Подсудимую Путаницу обвинитель считаетъ пособницей преступленія. По всей вѣроятности, она помогала подсудимому Клубникѣ въ злодѣйскомъ разсѣченіи трупа покойной Папильоткиной, помогала изъ-за денегъ, памятуя тѣ совѣты, которые ей были преподаны ея интимными кавалерами-околодочными. Впрочемъ, подсудимая Путаница почти невмѣняема по мнѣнію обвинительной власти: это современная психопатическая натура и передъ ней слѣдуетъ преклониться съ сожалѣніемъ къ ея несчастному, болѣзненному развитію, даже выдать ей формальное дозволеніе на безнаказанное содѣяніе и впредь всякихъ гадостей и всякихъ пособничествъ гадостямъ.

Столько же пространную, сколько блестящую свою рѣчь обвинитель закончилъ такъ: «Моя задача исполнена, я сказалъ все, что мнѣ предписывала моя обя-

занность. Изъ того матеріала, который дало намъ судебное слѣдствіе, я камень за камнемъ слагалъ передъ вами зданіе обвиненія. На самой вершинѣ этого зданія, господа судьи и господа присяжные, я водружаю въ видѣ флагштока мертвую ногу, которую я беру со стола вещественныхъ доказательствъ. Эта мертвая нога всѣми своими пятью пальцами указываетъ вамъ на преступника, сидящаго здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. Еслибы эта мертвая нога могла говорить, она, конечно, проговорила бы только эти слова: «исполните вашъ долгъ» и «на каторгу на пятнадцать лѣтъ!» Я кончилъ».

X.

Защитникъ графъ Турусовъ началъ свою рѣчь похвалой предварительному слѣдствію. Въ нѣкоторыхъ органахъ печати было выражено, что предварительное слѣдствіе по настоящему дѣлу велось съ возмутительной небрежностью. Такое мнѣніе печати, по мнѣнію защитника, показываетъ только то, что наша печать вообще суется туда, гдѣ ее не спрашиваютъ. Случится, напримѣръ, адвокату сказать вздоръ на судѣ, нарядиться въ павлиньи перья, будучи на самомъ дѣлѣ вороной,—печать сейчасъ тутъ: разъяснитъ читателямъ, что адвокатъ мололъ вздоръ, ощиплетъ съ него перья, ему не принадлежащія, и онъ является совсѣмъ не величественнымъ павли-

номъ, а жалкой вороной. Въ настоящемъ дѣлѣ мы видимъ то же самое: печать старается увѣрить, что слѣдствіе по дѣлу убійства Папильоткиной велось крайне небрежно и въ доказательство этой небрежности выставляетъ на видъ то обстоятельство, что слѣдователь, занявшись ногой, такъ сказать, прозѣвалъ цѣлый трупъ Папильоткиной, который былъ украденъ у него изъ-подъ носа неизвѣстно кѣмъ. Какія жалкія нападки! Какія невѣжественныя разсужденія профановъ! Проницательность слѣдователя и искусное веденіе имъ слѣдствія именно и выразились въ томъ, что, не имѣя въ рукахъ трупа, онъ по одной его части, по мертвой ногѣ, воспроизвелъ, такъ сказать, все цѣлое, всю исторію преступленія, подобно тому, какъ естествоиспытатель по одному зубу ископаемаго животнаго воспроизводитъ весь его остовъ.

Воздавая похвалу предварительному слѣдствію, защитникъ не можетъ воздержаться и отъ панегирика слѣдствію судебному: оно доказало воочію, съ какимъ экстреннымъ вниманіемъ, съ какою добросовѣстностью и широтою взгляда судъ отнесся къ настоящему дѣлу. Можно сказать, цѣлая галлерея свидѣтелей прошла здѣсь передъ взорами судей, присяжныхъ и публики. Мы видѣли даже представителя оперетки, который пропѣлъ на судѣ одинъ изъ игривѣйшихъ мотивовъ. Мы слышали тридцать интереснѣйшихъ признаній тридцати кухарокъ, признаній о самыхъ затаен

ныхъ, самыхъ интимныхъ случаяхъ съ ними. А экспертиза двухъ альфонсовъ, Содержанцева 1-го и Содержанцева 2-го? Сколько помнитъ защитникъ, это еще первый примѣръ вызова такого рода экспертовъ въ судъ, примѣръ, который, надо думать, не останется втунѣ для будущихъ процессовъ. Словомъ сказать: судъ сдѣлалъ, кажется, все возможное для того, чтобы обставить сухое и неважное дѣло столь живыми и увлекательными аксессуарами, что оно все время судебнаго слѣдствія вызывало живое увлеченіе въ публикѣ.

Послѣ этого похвальнаго предисловія графъ Турусовъ приступилъ къ тщательному анализу доводовъ обвиненія. По его мнѣнію, въ отношеніи подсудимаго Клубники доводы эти не выдерживаютъ никакой критики. Ссылаясь на мнѣніе эксперта Попугай-Разболтаева, обвиненіе утверждаетъ, что физіономія подсудимаго Клубники производитъ впечатлѣніе «скверной рожи». По глубокому убѣжденію защитника, такое мнѣніе несправедливо.

— Для представителя обвинительной власти и для профессора-эксперта, можетъ быть, рожа отставного коллежскаго совѣтника Клубники кажется скверной, такъ какъ они оба ничего не получатъ съ подсудимаго. Но для защиты, имѣющей въ виду получить отъ подсудимаго гонораръ въ случаѣ обвиненія тысячу рублей, а въ случаѣ оправданія—пять тысячъ—для защиты эта «скверная рожа» представляется

отнюдь не скверной, а почти ангельской. И почему же субъективное впечатлѣніе защиты менѣе основательно, чѣмъ субъективное впечатлѣніе представителя обвинительной власти и «эксперта»? Почему, я васъ спрашиваю, гг. присяжные? Взгляните сами на подсудимаго Клубнику. Что вы видите въ лицѣ его скверная, я не говорю уже злодѣйскаго? По моему, это милое, честное, доброе лицо, съ немного раскосыми глазами, конечно, и приплюснутымъ и угреватымъ носомъ. Но въ этихъ раскосыхъ глазахъ я, при всемъ моемъ стараніи, ничего не могу прочитать, кромѣ ожиданія отъ васъ рѣшенія участи; а на этомъ багровомъ и угреватомъ носѣ я читаю исторію многихъ амурныхъ увлеченій, свидѣтельствующихъ лишь о нѣжности души подсудимаго, нѣжности, способной только предохранять отъ преступленія, а отнюдь не наталкивать на него. И эту душевную нѣжность хотятъ въ немъ истолковать какою-то гнусною чертою неистоваго сладострастія! Сюда приводятъ тридцать кухарокъ, которыми увлекался нѣжный сердцемъ подсудимый и которыя сами были увлечены его нѣжностью. Каждой изъ этихъ тридцати кухарокъ обвиненіе даетъ по камню и говоритъ: Мавра, вержи твой камень въ Клубнику! Акулина, вержи твой камень въ Клубнику! Дарья, вержи твой камень въ Клубнику! Но онѣ, эти кухарки, прошедшія по выраженію прокурора, какъ тѣни передъ убійцей-Макбетомъ,—онѣ исполняютъ

совсѣмъ не то, на что ихъ поощряетъ обвиненіе. Онѣ всѣ здѣсь единогласно заявляютъ только одно: подсудимый быстро возгарался къ нимъ нѣжностью и быстро покорялъ ихъ сердца. Что же тутъ преступнаго и безнравственнаго? Кто изъ насъ можетъ сказать, положа руку на сердце, что онъ никогда не увлекался точно также кухарками? Кухарки, господа судьи и господа присяжные, иногда бываютъ прелестны, и я самъ разъ въ молодые годы плѣнился одной кухаркой до того, что...

— Г. защитникъ, перебиваетъ предсѣдатель,— мнѣ кажется, это не относится къ настоящему дѣлу— ваши увлеченія въ молодости съ кухарками.

— Ахъ, но это было бы такъ интересно выслушать отъ графа! раздается чей-то дамскій голосъ изъ мѣстъ для публики.

Предсѣдатель звонитъ и предлагаетъ защитнику продолжать его рѣчь. Графъ Турусовъ продолжаетъ.

— Изъ всего, что я сказалъ и, надѣюсь, доказалъ вамъ, господа судьи и присяжные, вы могли убѣдиться, что подсудимый Клубника, котораго злодѣйскую черноту такъ расписало вамъ обвиненіе, на самомъ дѣлѣ является нѣжнымъ, воркующимъ голубкомъ, воркующимъ хотя бы даже и съ кухарками— не все ли это равно? И вотъ этому воркующему голубю приписываютъ преступленіе ужасное, злодѣйство кровавое—отсѣченіе мертвой ноги у дамы пріятной во многихъ отношеніяхъ Берты Папильоткиной!

А между тѣмъ тутъ, рядомъ съ воркующимъ нѣжнымъ голубемъ Клубникой, сидитъ хищная птица—подсудимая Перепетуя Путаница, и обвиненіе пропускаетъ мимо глазъ эту хищную птицу, настоящую злодѣйку, настоящую виновницу преступленія, отсѣкшую роковой сѣчкой одинъ изъ лучшихъ членовъ прекраснаго тѣла Берты Папильоткиной. Да, господа судьи и господа присяжные, если вы хотите знать, кто въ настоящемъ дѣлѣ виновникъ и убійца, то я укажу вамъ его: это Перепетуя Путаница!

— Позвольте, г. защитникъ! прерываетъ графа Турусова предсѣдатель.—Вѣдь вы являетесь здѣсь на судѣ защитникомъ подсудимой Путаницы. Какимъ же образомъ вы направляете вашу защиту къ обвиненію вашей кліентки?..

— Какъ—защитникомъ подсудимой Путаницы? съ недоумѣніемъ восклицаетъ графъ Турусовъ и вдругъ, какъ бы опомнившись, хватаетъ себя изо всей силы ладонью по лбу.

— Тьфу! вѣдь дѣйствительно такъ, г. предсѣдатель. Я спутался и вообразилъ, что мнѣ надо защищать Клубнику, а не Путаницу.

— Какъ же вы это такъ, г. защитникъ? говоритъ предсѣдатель, разводя руками.

— Ничего, я сейчасъ все это поправлю, г. предсѣдатель, однимъ пріемомъ поправлю. Позвольте мнѣ продолжалъ рѣчь.

— Продолжайте.

— Все мною сказанное, важно утверждая на носу пенсне, начинаетъ графъ Турусовъ,—все мною сказанное о томъ впечатлѣніи, какое производитъ внѣшность подсудимаго Клубники, разумѣется, слѣдуетъ понимать условно. «Поганая рожа» Клубники можетъ казаться ангельскимъ ликомъ, его развратное поведеніе идеальнымъ по чистотѣ и невинности; но это возможно только тогда, когда имѣется въ виду гонораръ въ пять тысячъ за оправданіе подсудимаго; такому впечатлѣнію можетъ поддаться только тотъ, кто имѣетъ въ виду упомянутый гонораръ. Рисуя сейчасъ передъ вами благопріятными красками подсудимаго Клубнику и имѣя въ виду именно вышесказанное условіе, я ставилъ себя на мѣсто его защитника. Но теперь я схожу съ этого, непринадлежащаго мнѣ мѣста, становлюсь на свое и начинаю присматриваться къ подсудимому Клубникѣ, какъ безпристрастный и нелицепріятный аналитикъ. Присматриваюсь, и съ моихъ устъ излетаетъ невольно то самое характерное и правдивое восклицаніе, какое излетѣло изъ устъ ученаго многоуважаемаго эксперта, выразительно крикнувшаго намъ на всю залу: «брр! какая скверная, клубничная рожа!..»

Защитникъ опровергаетъ далѣе все высказанное имъ въ пользу подсудимаго Клубники, доказываетъ его несомнѣнную виновность и полную невинность дѣвицы Перепетуи Путаницы. Въ числѣ аргументовъ за высоконравственное поведеніе подсудимой,

графъ Турусовъ поражаетъ всѣхъ особенно однимъ: онъ указываетъ на то обстоятельство, что Путаница, какъ видно изъ ея дневника, все свое время проводила въ обществѣ околодочныхъ и находилась подъ ихъ вліяніемъ; могла ли же посягнуть на преступленіе женщина, такъ сказать, постоянно и страстно преданная лицамъ, которыя по своему назначенію являются охранителями порядка и предупредителями преступленія?

Защитникъ Клубники Опереткинъ съ своей стороны сказалъ прекрасную рѣчь, глубоко заинтересовавшую публику, особенно дамскую. Рѣчь его, впрочемъ, относилась не къ защитѣ подсудимаго Клубники, а совсѣмъ къ другому предмету. Опереткинъ живо и увлекательно передалъ разные пикантные эпизоды своего время-препровожденія у кокотокъ, которыхъ онъ посѣтилъ въ обѣденный перерывъ. Въ заключеніе знаменитый адвокатъ сдѣлалъ сальтомортале и прокатился колесомъ, за что былъ осыпанъ громкими рукоплесканіями.

XI.

По окончаніи рѣчей защиты, предсѣдатель обратился къ подсудимымъ съ приглашеніемъ о «послѣднемъ словѣ». Подсудимый Клубника сказалъ кратко: «Небесами и преисподней клянусь, что въ убійствѣ Папильоткиной невиновенъ. Съ кухарками въ амуръ

вступалъ—это точно, а чтобы ногу отрывать—и въ мысляхъ эдакой пакости никогда не имѣлъ». Подсудимая Путаница заявила: «Въ настоящемъ дѣлѣ невиновна и могу доказать свое alibi. Все, что прежде говорила о своемъ пособничествѣ въ убійствѣ Папильоткиной—все это соврала. Совсѣмъ не тѣмъ въ послѣднее время была занята, а гораздо болѣе интереснымъ—болгарскій переворотъ дѣлала.

— Какъ болгарскій переворотъ? въ изумленіи спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да, съ Петкой Каравеловымъ. Вѣдь дѣвица-то, что пашу Крестовича арестовала—вѣдь это я Перепетуя Путаница. Какъ же. Безъ меня не могло это обойтись. Петко пріѣзжалъ сюда. Я съ нимъ познакомилась у Палкина. Поѣхали потомъ въ Филиппополь, въ гостинницу «Усладни нумераты». Время прошло очаровательно. Петко цѣлый чугунъ размазни гречневой съѣлъ. Потомъ и говоритъ: «теперь надо дѣлать переворотъ. Сейчасъ придетъ Баттенбергскій». Пришелъ Баттенбергскій. Красивый такой, бравой наружности, хоть бы въ околодочные. Петко его спрашиваетъ: «что-жъ, говоритъ, Баттенбергскій, мы готовы. Я вотъ ужъ и размазни цѣлый чугунъ съѣлъ. Ну, а вы готовы?» — Я, говоритъ Баттенбергскій, — тоже готовъ. — «Ну, я, говоритъ Петко,—пойду тамъ подстрою, а вы вотъ съ дѣвицей тутъ время проведете покуда». Петко ушелъ, а мы съ Баттенбергскимъ упоительно время провели.

Баттенбергскій денегъ у меня просилъ на перевротъ. Я сказала, у меня нѣтъ.—«А вы бы заняли у Англіи», говоритъ... Потомъ Петко вернулся.—«Теперь ваше дѣло: Крестовича арестовывать пора». Ну, поѣхала я, арестовала Крестовича, привезла его въ гостинницу «Усладни нумераты». Старикъ разнѣжился очень. Время прошло не безъ шалостей. Потомъ опять Петко пришелъ и все кричалъ тутъ: «Я первый человѣкъ въ Болгаріи! Я всей Европѣ покажу! Я за поясъ Европу заткну. Я заставлю объединить насъ!» Много кричалъ, а потомъ спросилъ еще чугунокъ размазни, съѣлъ и успокоился. Вотъ какъ все это было, господа присяжные.

На разрѣшеніе присяжныхъ поставлено было 6 вопросовъ. Присяжные вынесли отвѣты черезъ три часа. Приводимъ вопросы и отвѣты параллельно, для большой ясности.

1-й вопросъ. Было ли неизвѣстнаго года, мѣсяца и числа, въ домѣ подъ № 666, совершено убійство дамы пріятной во многихъ отношеніяхъ, Берты Папильоткиной?

Отвѣтъ. Да, было.

2-й вопросъ. Ежели было, то не съ отсѣченіемъ ли мертвой ноги?

Отвѣтъ. Да, съ отсѣченіемъ, но безъ снисхожденія.

3-й вопросъ. Ежели было совершено убійство съ отсѣченіемъ ноги, то кѣмъ оное совершено: подсудимымъ Клубникою или подсудимой Путаницей!

Отвѣтъ. Подсудимымъ Клубникою.

4-й вопросъ. Ежели Клубникою или Путаницей совершено убійство и притомъ съ отсѣченіемъ ноги, то не сѣчкою ли произведено отсѣченіе?

Отвѣтъ. Да, сѣчкою.

5-й вопросъ. Ежели сѣчкою, то не въ магазинѣ ли желѣзныхъ вещей Растеряева купленной?

Отвѣтъ. Да, въ магазинѣ Растеряева, но заслуживаетъ снисхожденія.

6-й вопросъ. Ежели на всѣ предложенные вопросы послѣдуютъ утвердительные отвѣты, то виновны ли вообще подсудимые. отставной коллежскій совѣтникъ Акакій Клубника и дѣвица Перепетуя Путаница?

Отвѣтъ. Нѣтъ, вообще не виновны, но не заслуживаютъ никакого снисхожденія.

По полученіи отъ старшины присяжныхъ отвѣтовъ, судъ удалился и послѣ краткаго совѣщанія вынесъ слѣдующій приговоръ.

«Отставного коллежскаго совѣтника Акакія Клубнику, виновнаго въ обладаніи скверной клубничной рожей и убійствѣ дамы пріятной во многихъ отношеніяхъ Берты Папильоткиной, на основаніи всѣмъ извѣстной статьи улож. о наказаніяхъ, сослать въ каторжныя работы на пятнадцать съ четвертью лѣтъ. Дѣвицу Перепетую Путаницу, на основаніи той же статьи и согласно полному отсутствію здраваго смысла, считать по суду оправданною, съ предоста-

вленіемъ ей свободнаго и непремѣннаго участія какъ въ нынѣшнемъ болгарскомъ переворотѣ, такъ и въ будущихъ. Даму пріятную во многихъ отношеніяхъ Берту Папильоткину считать по суду убитой.

XII.

— Какъ считать убитой, г. предсѣдатель, когда я жива?! вдругъ раздалось восклицаніе въ мѣстахъ для публики. Всѣ взоры обратились туда, откуда послышались эти слова, и всѣ увидѣли красивую полную даму съ роскошнымъ бюстомъ и пріятной улыбкой, которая приподнялась со скамейки.

— Какъ живы, что такое? Кто вы такая? въ изумленіи спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да-съ, я жива, я Берта Папильоткина.

— Какимъ же образомъ вы живы, когда вы убиты и даже приговорены считаться убитою по суду? Какимъ образомъ вы живы, когда мы имѣемъ здѣсь, на столѣ вещественныхъ доказательствъ, вашу мертвую ногу?

— Да это не моя-съ нога. У меня обѣ ноги цѣлы и если вамъ угодно, я могу показать ихъ хоть до самыхъ колѣнокъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же показывать... Но объясните намъ, однако, какъ же это вы живы, когда вы были убиты и разсѣчены сѣчкой «сверху», какъ доказалъ намъ здѣсь экспертъ Разболтай-Попугаевъ.

Берта Папильоткина объясняетъ, что никогда ее

никто не убивалъ и не разсѣкалъ сѣчкой. Дѣло произошло такъ: въ вечеръ неизвѣстнаго числа къ ней зашелъ одинъ изъ ея любимѣйшихъ альфонсовъ, медицинскій студентъ Карлъ Зильбергрошъ. Предполагая ночевать у Палильоткиной, какъ это онъ нерѣдко дѣлалъ и прежде. онъ принесъ съ собой мертвую женскую ногу, взятую имъ изъ амфитеатра для препарированія. Ради шутки, онъ обулъ эту ногу въ чулокъ и башмакъ Берты. Въ это время Берта получила телеграмму изъ Риги, въ которой извѣщалось, что ея маменька умираетъ и требуетъ ее къ себѣ. Берта рѣшилась тотчасъ же ѣхать и попросила студента Зильбергроша ей сопутствовать. Они уѣхали съ вечернимъ поѣздомъ въ Ригу, пробыли тамъ все время, — вернулись только теперь, за полчаса назадъ, узнали, что въ судѣ происходитъ дѣло о мертвой ногѣ, и поспѣшили явиться для разъясненія настоящей сути этого дѣла.

— Но позвольте, говоритъ предсѣдатель, выслушавъ этотъ разсказъ, — а какъ же вашъ трупъ?

— Какой трупъ, г. предсѣдатель?

— Да тотъ, что былъ завязанъ въ кулькѣ и похищенъ у судебнаго слѣдователя?

— Въ кулькѣ былъ трупъ, только не мой, улыбаясь объясняетъ Берта,—тамъ была... свиная туша, которую я купила въ этотъ день, намѣреваясь ее посолить въ прокъ...

Общее остолбенѣніе.

Впрочемъ, дѣло о мертвой ногѣ отнюдь не окончилось этими разъясненіями Берты Папильоткиной. Оно пошло на кассацію въ высшую инстанцію. Высшая инстанція кассировала приговоръ суда по отношенію къ подсудимымъ Клубникѣ и Путаницѣ, но признала правильнымъ установленіе факта убійства дамы пріятной во многихъ отношеніяхъ. Такъ что Берта Папильоткина, хотя и жива, даже больше чѣмъ жива — даетъ жизнь другимъ, но все-таки считается по суду убитою.

РОМАНЪ ВЪ КИСЛОВОДСКѢ

ПРЕЛЮДІЯ.

I.

У Аргунина потухла сигара. Онъ потянулся къ бронзовой спичечницѣ, стоявшей на столѣ, медленно зажегъ ее, раскурилъ сигару снова и взглянулъ искоса на Елену Николаевну.

Она лежала на диванѣ, подобравъ подъ грудь подушку, и поигрывала ея бархатной кисточкой. Насмѣшливая улыбка не покидала ея полныхъ, чувственныхъ губъ, открывавшихъ бѣлые и ровные зубы

— Такъ ты не согласна? лѣниво и небрежно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень настойчиво проговорилъ Аргунинъ.

— Нѣтъ, коротко отвѣчала она и, переставъ улыбаться, приблизила кисточку подушки ко рту и прикусила ее бѣлыми, блестящими зубами.

Аргунинъ чуть-чуть повелъ своими широкими,

можно сказать, могучими плечами и принялся усиленно сосать сигару.

— Я не понимаю тебя, началъ онъ помолчавъ,— не понимаю, почему ты ломаешься. Капризъ, что ли? Вѣдь согласись, я резонно разсуждаю. Разойтись намъ надо же. А коли надо, такъ разойдемся теперь. Самое время: мы относимся другъ къ другу какъ разъ настолько спокойно, чтобы разстаться безъ ссоръ и безъ дрязгъ. Лучше же друзьями разстаться — такъ вѣдь?

— Да.

— Ну, а коли такъ, за чѣмъ же дѣло стало?

— Ты мнѣ необходимъ.

— Для чего?

— Такъ.

— Что за отвѣтъ, Леня? Вѣдь «такъ»,—это глупое слово и больше ничего. Нуженъ же какой нибудь резонъ.

— Вовсе не нуженъ... Какіе тутъ резоны... Ну, да если ты непремѣнно хочешь, я скажу тебѣ: я тебя люблю.

Аргунинъ засмѣялся.

— Лестно слышать. Но позволь не повѣрить.

— Какъ хочешь... Я говорю искренно.

— Положимъ... гм... Но вѣдь, однако, не такъ уже какъ прежде любишь?

— Такъ же... Больше даже...

— Ого, даже больше! Съ которыхъ же это поръ

твоя любовь crescendo пошла? Съ тѣхъ поръ, вѣроятно, когда, кромѣ меня, у тебя еще два любовника?

— Что это — ты упрекаешь? усмѣхнулась Елена Николаевна, слегка приподнявъ голову и повернувъ лицо къ нему.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я просто, какъ выражаются у насъ въ газетахъ, констатирую фактъ.

— И что-жъ удивительнаго, помилуй, что я тебя люблю... Ну, два любовника, кромѣ тебя, ну что же такое: что тутъ особеннаго?

— Ничего особеннаго, конечно... Однако, все-таки же... Положимъ, меня ты любишь больше этихъ двухъ — я нумеръ первый. Чудесно. А затѣмъ, кто же нумеръ второй?

— На что тебѣ это? Не все ли равно...

— Нѣтъ, все-таки оно интересно... Астафьевъ или Мирскій? Вѣрно Астафьевъ? Онъ блондинъ, а я знаю, у тебя къ блондинамъ пристрастіе.

— Ты-то вѣдь, однако же, вотъ не блондинъ.

— Я что — я не въ счетъ... Такъ кто же изъ двухъ нумеровъ второй, кто — третій? Кто изъ нихъ для тебя лучше?

— Ахъ, право, не знаю... Дай подумать, лѣниво улыбаясь и закрывая глаза, сказала молодая женщина, и затѣмъ черезъ секунду, быстро приподнявъ темные рѣсницы, шутливо прибавила:

— Оба хуже.

II.

Она весело взглянула на Аргунина, ожидая, что тотъ разсмѣется на ея отвѣтъ. Но Аргунинъ не разсмѣялся. Онъ всталъ, бросилъ сигару въ пепельницу и молча принялся ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и чуть-чуть пощелкивая зубами. Его темные усы и борода пошевеливались отъ движенія рта и на лбу ложилась складка все мрачнѣе и мрачнѣе. Прошло нѣсколько минутъ обоюднаго молчанія.

— Ты нынче что-то скученъ? попробовала прервать молчаніе Елена Николаевна.

— Нѣтъ, вотъ что, Леня! сказалъ онъ, быстро шагнувъ къ дивану, и, присѣвъ на край его, началъ играть тонкими, шелковистыми завитками волосъ на нижней части затылка Елены Николаевны. — Вотъ что я тебѣ хотѣлъ сказать: такъ дальше нельзя, такъ я не могу, не хочу...

— Чего нельзя? Чего ты не можешь, не хочешь? съ удивленіемъ взглянула она на него.

— Не хочу дольше такихъ нашихъ отношеній... Видишь что: право, это безнравственно и съ твоей, и съ моей стороны...

— Вотъ какъ! Давно ли это ты сталъ защитникомъ нравственности? Я прежде за тобой этого качества не знала. Лучше ужъ намъ нравственность

оставить въ покоѣ, какъ ты думаешь? Будемъ говорить просто и прямо: я тебѣ надоѣла?

— Вовсе нѣтъ. Ты это знаешь лучше меня.

— Стало быть, не въ этомъ причина твоего желанія прервать, какъ ты выражаешься, «наши отношенія»? Не въ этомъ? Подумай хорошенько.

— Нечего и думать. Разумѣется не въ этомъ.

— Ты ревнуешь меня? Къ кому? Къ этимъ двумъ— къ Астафьеву и Мирскому? Тебѣ непріятно, что они ухаживаютъ за мною?

Елена Николаевна проговорила всѣ эти вопросы быстро, какъ будто съ досадой, немного приподнявшись и измѣнивъ свое лѣнивое положеніе; блѣдныя щеки ея начинали разгораться и, какъ бы въ соотвѣтствіе ея оживленію, Аргунинъ тоже встрепенулся и, мѣняя прежній намѣренно-вялый тонъ, проговорилъ, энергично мотая головой:

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Все это вздоръ, совершенный вздоръ.

— Однако, ты подозрѣваешь меня. Ты это сказалъ сейчасъ.

— Ну, что сказалъ! По моему тону ты поняла, что я говорю шутя и сама тоже отвѣтила шуткой.

— Хорошо. А все-таки: можетъ быть ты хочешь, чтобы я прогнала совсѣмъ и того, и другого. Чтобы они не ухаживали за мною, а?

— Ахъ, опять вздоръ. Чортъ съ ними, пусть ухаживаютъ сколько хотятъ, если только тебя это тѣшитъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Я тебя не понимаю? Почему это ты требуешь себѣ отставки и хочешь меня въ отставку? Почему ты вдругъ сталъ тяготиться «нашими отношеніями»? Даже безнравственность въ нихъ какую-то началъ открывать?.. Ахъ, глупая—вдругъ спохватилась она—какъ было сразу не догадаться; ты влюбился въ кого нибудь?

И, говоря это, она съ торжествомъ заглянула своими блестящими и взволнованными глазами въ его лицо. Аргунинъ поморщился.

— Полно, не говори глупостей... женскихъ, сказалъ онъ серьезно, какъ будто обижаясь за себя.

— Почему же это женская глупость—моя догадка?

— Потому что... она ужъ слишкомъ обыкновенна по отношенію ко мнѣ. Кажется ты меня хорошо знаешь, даже слишкомъ хорошо, не правда ли? Я давно не занимаюсь этимъ пріятнымъ ремесломъ гимназистовъ. Слава Богу, достаточно пожилъ, чтобы быть гарантированнымъ хоть отъ такихъ вещей.

— Однако, шесть лѣтъ назадъ, когда влюбился въ меня, не былъ гарантированъ?

— Такъ вѣдь шесть лѣтъ тому!

— Что-жъ такое? Шесть лѣтъ терпѣлъ, да на седьмой, можетъ быть, и опять вздумалъ...

— Теперь моя очередь спросить тебя: ты меня подозрѣваешь?

— Нисколько. Я хотѣла знать, почему ты предлагаешь, такъ называемую, «разлуку». А ты, между

тѣмъ, все больше и больше скрытничаешь. Это скучно. Не играй роль какого-то таинственнаго героя. Выскажись, пожалуйста, опредѣленно и ясно, а то я, право, разсержусь, Николай!

Она приподнялась съ дивана, выпрямилась и сдвинула чуть-чуть брови. Въ ея глазахъ мелькнулъ недобрый огонекъ.

III.

Аргунинъ взялъ ее за руку.

— Почему... ты хочешь знать почему?.. Послушай, Леня: неужели ты не замѣчаешь, что за по слѣднее время мы стали относиться другъ къ другу съ странной апатіей... съ самой подлой апатіей? Неужели тебя это не тревожитъ? Какихъ еще поводовъ искать, когда между людьми, больше пяти лѣтъ жившими другъ для друга, душа въ душу, связанными вотъ какъ—онъ вложилъ пальцы своихъ рукъ одинъ въ другой и крѣпко зажалъ ихъ—и вдругъ съ каждымъ днемъ ростетъ равнодушіе, почти скука... Развѣ я не правду говорю, развѣ это не такъ? Признайся: развѣ это неправда?

— Правда, грустно отвѣтила она, опуская голову.

— Ну, вотъ видишь! Чего же намъ еще дожидаться и какихъ поводовъ искать, когда наши отношенія безъ всякаго повода надломились сами? Не лучше ли предупредить какіе нибудь другіе, глупые

и мелкіе поводы, за которыми, конечно, не станетъ дѣло при такомъ положеніи? Не лучше ли разстаться, разойтись, когда мы еще можемъ это сдѣлать безъ всякой нелѣпой путаницы? Безъ взаимныхъ оскорбленій и попрековъ, словомъ, безъ обычныхъ пошлостей разрыва, которыя кажутся драматическими только для тѣхъ, кто ими занятъ, а на самомъ дѣлѣ представляютъ вовсе не драму, а попросту дрянной скандалъ? Вотъ это я хотѣлъ давно сказать тебѣ и, наконецъ, сказалъ. Я не боюсь, что ты не поймешь меня, или поймешь иначе, мелко, фальшиво: я тебя знаю и уважаю. Но, скажу прямо, я боюсь, что ты струсишь передъ правдой того, что сама очень хорошо сознаешь и видишь, струсишь чисто по-женски и... и увильнешь отъ прямого выхода, отъ прямого рѣшенія...

Онъ продолжалъ говорить съ жаромъ и искреннимъ убѣжденіемъ, увлекаясь тѣми доводами и мыслями, о которыхъ онъ давно думалъ, которые онъ въ послѣднее время повторялъ самъ себѣ не разъ съ тайной горечью и страданіемъ. Она слушала его внимательно. Лицо ея становилось грустнѣе и грустнѣе, складки бровей обрисовывались все рѣзче и норой вздрагивали. Недобрый огонекъ, вспыхнувшій было въ ея глазахъ вначалѣ, когда Аргунинъ заговорилъ, постепенно погасалъ и смѣнился сосредоточенной, сдержанной думой и рѣшимостью...

Когда Аргунинъ кончилъ, она не вдругъ собра-

лась съ рѣчью, она молчала и какъ бы обдумывала, что сказать. Онъ замѣтилъ, что она блѣдна, смутился ея молчаніемъ и воскликнулъ съ невольной тревогой:

— Леня! Что ты? Что съ тобой?

Она, какъ будто испугавшись, что онъ сейчасъ начнетъ утѣшать ее и отрекаться отъ всего имъ высказаннаго, смягчать, извращать твердую и прямую правду уступчивой и уклончивой ложью,—она вдругъ круто измѣнила грустное и убитое выраженіе своего лица: загадочная, лукавая и вмѣстѣ задорная улыбка заиграла на ея губахъ и въ глазахъ.

— Ты правъ, сказала она, — ты правъ. Я сама давно это знала, я сама давно объ этомъ думала и... и даже горевала объ этомъ. Но знаешь что: я совсѣмъ не такъ рѣшила, какъ ты. Намъ вовсе не нуженъ разрывъ, то есть разрывъ такой, настоящій, окончательный. Совсѣмъ не нуженъ. Покуда нужно другое.

— Что же?

— Нужно просто и тебѣ, и мнѣ... провѣтриться.

— Какъ провѣтриться? не безъ удивленія спросилъ Аргунинъ.

— Такъ... на время. Ты уѣдешь куда нибудь. Я останусь здѣсь. Будемъ вдали другъ отъ друга дѣлать всякія глупости, какія всбредутъ въ нашу фантазію и какія пошлетъ намъ судьба. И при этомъ непремѣнно одно условіе... Нѣтъ, два условія, два:

первое, чтобы эти глупости дѣлать совсѣмъ свободно, совсѣмъ не стѣсняясь «нашими отношеніями», забывъ вовсе о нихъ на это время; второе, чтобы вести дневники всѣмъ этимъ глупостямъ... Понялъ ты, чего я хочу?

— Понялъ, но что же затѣмъ?

— Что затѣмъ — увидимъ. Объ этомъ послѣ будемъ думать, послѣ. Теперь покуда—провѣтриваться и ничего больше. Подуримъ, разставшись, мѣсяцъ-другой и если, провѣтриваясь вдали другъ отъ друга, не вывѣтримъ совсѣмъ нашу любовь... я хотѣла сказать: все это, наше прежнее, то...

— То опять сойдемся? почти весело подхватилъ Аргунинъ, заражаясь ея оживленіемъ.

— Да. А вывѣтрится—конецъ сказкѣ. Тогда обмѣняемся нашими дневниками на память и... разойдемся навсегда, утѣшивъ себя тѣмъ, что хотя наша любовь была не безъ радостей, за то «разлука будетъ безъ печали»... Не правда ли, я придумала это хорошо?

— Отлично... Только вѣдь все же я правъ былъ, когда сказалъ, что ты струсишь прямого выхода изъ тяжелаго положенія и по-женски увильнешь въ сторону...

— Нѣтъ, не правъ. Это не трусость съ моей стороны и не увертка. Это... это испытаніе. И кто въ концѣ концовъ будетъ правъ—окажется потомъ...

IV.

И оба въ самомъ веселомъ настроеніи начали обдумывать планъ «исправительной разлуки», какъ выразился Аргунинъ, начали рѣшать, куда ему ѣхать—заграницу или на югъ Россіи, гдѣ ей взять дачу; начали фантазировать заранѣе шутливые подробности будущихъ своихъ приключеній, будущихъ дневниковъ...

Странное дѣло: какъ только они истощили всѣ темы шуточныхъ фантазій о своемъ будущемъ времяпрепровожденіи въ разлукѣ, оба почувствовали вдругъ невольную грусть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольный возвратъ самыхъ яркихъ, самыхъ живыхъ порывовъ тѣхъ далекихъ, давно не вспоминавшихся дней взаимной привязанности, когда они увлеклись другъ другомъ и сошлись. Апатія чувства, въ послѣднее время начавшая закрадываться въ ихъ душу, начавшая разъѣдать ядовитой струей скуки ихъ свиданія, теперь, казалось имъ, вдругъ потеряла надъ ними свою мучительную власть. Они оживились давно не испытываемымъ ими волненіемъ, какъ бы отъ какой-то тайной надежды, что средство поправить ихъ ослабѣвшую связь найдено, что выдуманная ими разлука послужитъ только къ тому, что свяжетъ ихъ потомъ еще крѣпче. И безсознательно, невольно въ ихъ сердцѣ заговорилъ голосъ сожа-

лѣнія о томъ, что они должны добровольно наложить на себя эту разлуку. Но въ тоже время оба сознавали, что именно они должны это сдѣлать, что это необходимо, что такъ надо. Иначе апатія, тяжелое томленіе какого-то моральнаго надлома опять возобновится по-старому...

Аргунинъ первый поймалъ себя на этомъ странномъ чувствѣ и попробовалъ выразить его издѣваясь надъ самимъ собою.

— Знаешь что, Леня, сказалъ онъ, притворно смѣясь, — намъ надо, какъ говорится, скорѣе привести въ исполненіе приговоръ надъ самими собою. Иначе мы, пожалуй, не выдержимъ и... нашъ планъ разлуки не состоится.

— Представь, мнѣ тоже пришло это въ голову, сказала она совершенно серьезнымъ тономъ.

— Вотъ видишь. По пословицѣ мы, какъ хорошіе умы, встрѣчаемся...

— Собираясь разставаться, подхватила Елена Николаевна.

Оба разсмѣялись и вдругъ въ страстномъ порывѣ бросились другъ другу въ объятія...

Тѣмъ не менѣе, черезъ два дня они привели въ исполненіе задуманный ими планъ. Аргунинъ рѣшилъ, что онъ ѣдетъ на югъ Россіи, сначала на Кавказъ, потомъ, коли тамъ покажется скучно, въ Крымъ. Заграницу онъ не хотѣлъ: давно уже ему надоѣла эта «заграница», прославленная благород-

ными россійскими «интеллигентами» добраго стараго времени, а въ сущности очень скучная, съ очень узенькими рамками обязательныхъ наслажденій и развлеченій извѣстными и переизвѣстными красотами природы, «святыми чудесами», безвкусно-чинными табльдотами, продажными женщинами, мѣщанскими нравами и прочими непремѣнными аттрибутами. На югѣ Россіи онъ былъ давно, въ первые годы юности. Ему хотѣлось провѣрить теперь свои молодыя впечатлѣнія. Да ужъ если и скучать въ путешествіи, такъ скучать какъ слѣдуетъ, по-россійски, безъ всякихъ табльдотныхъ и кафе-ресторанныхъ европейскихъ развлеченій...

Елена Николаевна поселилась на дачѣ въ Павловскѣ.

ДНЕВНИКЪ АРГУНИНА.

I.

Кисловодскъ, іюль.

...Я пріѣхалъ въ Кисловодскъ въ самыхъ первыхъ числахъ іюля, какъ разъ къ началу сезона. Липы кисловодскаго парка еще цвѣли и въ теплomъ, мягкомъ воздухѣ южныхъ ночей разливали свой упоительный ароматъ.

Переночевавъ въ гостинницѣ, я на другой же день перебрался въ одну изъ тѣхъ гостепріимныхъ и скромныхъ меблированныхъ комнатъ, которыя предлагаютъ «курсовымъ» каждый домъ по Тополевой аллеѣ. Я вообще ненавижу гостинницы. Заграничныя гостинницы возмущаютъ меня своимъ образцовымъ порядкомъ и кельнерами такого благороднаго и величественнаго вида, какой можно было встрѣтить развѣ только у министровъ добраго стараго времени, когда министры непремѣнно выходи-

ли изъ рядовъ «вельможъ». Русскія гостинницы, наоборотъ, возмущаютъ меня образцовымъ безпорядкомъ и сырыми простынями. Ничего не можетъ быть хуже на свѣтѣ сырыхъ простынь, развѣ только однѣ, такъ называемыя, «сырыя» женщины...

Я занялъ двѣ комнаты маленькаго домика, прятавшагося въ глубинѣ двора среди бѣлыхъ акацій и пирамидальныхъ тополей. Домикъ этотъ блеститъ снѣжною бѣлизной своей штукатурки, которая подъ яркими лучами солнца просто рѣжетъ глаза. Темно-лиловыя тѣни отъ деревьевъ перебѣгаютъ по стѣнамъ и крышѣ рѣзкими полосами и брезжущими пятнами. Крохотная терраска, на которую выходитъ одна изъ двухъ комнатъ, занятыхъ мною, густо заткана почти сплошною листвою дикаго винограда. У «крыльца съ ступенью шаткою» почти постоянно лежитъ, растянувшись на горячемъ пескѣ, черный щенокъ, носящій оригинальную кличку Дуная, и бродятъ шептунъ съ четырьмя шептунихами *).

Кромѣ моихъ апартаментовъ, въ домикѣ еще три комнаты расположенные смежно съ моими и отдѣленныя отъ нихъ тоненькими деревянными перегородками, такъ что я могу слышать все, что говорится у моихъ сосѣдей. Пока, впрочемъ, у меня еще только одинъ сосѣдъ, помѣщающійся въ ком-

*) Особая порода домашнихъ утокъ.

натѣ налѣво, а двѣ другія, направо, стоятъ пустыя и ждутъ постояльцевъ.

Сосѣдъ мой—отставной генералъ и очень оригинальный человѣкъ. Онъ поселился въ домикѣ ранѣе меня недѣлей. Какъ только я въѣхалъ, онъ познакомился со мною безъ всякихъ проволочекъ чрезъ какіе нибудь полчаса. Вошелъ ко мнѣ прямо, какъ къ старому пріятелю, и пріятнымъ, хотя нѣсколько хриплымъ басомъ, вопросилъ меня:

— Николай Петровичъ Аргуринъ? Изъ Петербурга.

Я утвердительно отвѣтилъ на оба вопроса.

— Знаю. Рекомендуюсь: всероссійскій генералъ Павелъ Петровичъ.

— Отчего же всероссійскій.

— Оттого, что по всей Россіи меня знаютъ. И вы должны знать.

Дѣйствительно оказалось, что я если и не зналъ до сихъ поръ лично Павла Петровича, то слышалъ о немъ въ Петербургѣ отъ разныхъ лицъ, которыя его знали. Я припомнилъ и назвалъ ему фамилію одного изъ такихъ лицъ: Скосырева.

— Знаю. Что за личность! Имѣлъ состояніе. Герштейнъ его разорилъ.

— Какой Герштейнъ?

— Да вотъ жидъ Герштейнъ, ну, тотъ, что съ Алешкой Любецкимъ за шантажъ судился и родную мать заложилъ въ ссудную кассу.

— Не слыхалъ.

— Какъ же, я всегда какъ встрѣчаюсь съ нимъ на Невскомъ, такъ прямо ему въ рожу и говорю: здравствуй, мерзавецъ! Не обижается.

— Не обижается?

— Не смѣетъ, подлецъ. Потому, знаетъ, что правда Я разсмѣялся.

— Постойте, Павелъ Петровичъ, вѣдь это о васъ тоже я слышалъ, какъ вы въ Аркадіи отдѣлали этого... издателя шантажнаго листка... какъ бишь его?

— Кутузкина? Какъ же. Не въ Аркадіи это было а въ Озеркахъ. Прошлымъ лѣтомъ. Сижу я на музыкѣ съ пріятелемъ. Нѣмецъ какой-то игралъ на флейтѣ. И прескверно игралъ, надо вамъ сказать, только губы оттягивалъ удивительно. Я все на эти губы его смотрѣлъ, какъ онъ это оттягивать выучился. А впереди меня Кутузкинъ сидитъ и съ нимъ какая-то эдакая, знаете, дама, шляпка у нея какъ башня. Вертитъ она этой башней то туда, то сюда и мѣшаетъ мнѣ губы нѣмца видѣть. Досадно, просто. Я и говорю пріятелю: «и зачѣмъ только этакія башни на головѣ носятъ. Воспретить бы циркулярнымъ предписаніемъ». А Кутузкинъ услыхалъ, всталъ, обернулся и обращается ко мнѣ: «вы, говоритъ, генералъ, невѣжливы, вы обидѣли мою даму?» — Какую, говорю, даму, что тебѣ отъ меня нужно? — «Вы, говоритъ, не смѣйте со мною такъ обращаться, я знаю вашу фамилію». — Знаешь мою фамилію? Такъ что-жъ, что знаешь мою фа-

милію? Мою фамилію въ ресторанахъ татары знаютъ, а мнѣ-то что за дѣло. — «Я, говоритъ, не татаринъ, вы должны меня знать». — Извини, будь ты хоть, жидъ, не знаю тебя, да и знать не хочу. — «Я, говоритъ, издатель «Притончика», я Кутузкинъ! и, знаете, съ такимъ это гордымъ и достойнымъ видомъ. Ну, тутъ я вспылилъ. — Не называйся, кричу ему, не называйся! Стыдись громко произносить свою фамилію въ публичномъ мѣстѣ! Не называйся! Что вы думаете, обидѣлся на меня. — «Я про васъ въ моей газетѣ напишу, я завтра напечатаю!» — Пиши, печатай, что хочешь, въ своей поганой газетѣ, чортъ тебя совсѣмъ возьми!..—Такъ ни съ чѣмъ онъ и отъѣхалъ...

— Ну, однако же, строго вы обошлись съ этимъ литераторомъ...

— Съ литераторомъ! Развѣ это литераторы! Это разбойники. Я вотъ тоже въ Москвѣ одного такого зналъ, Сапогова, такъ тотъ, каторжникъ, хуже еще Кутузкина. И преоткровенный подлецъ, самъ про себя всякія гадости разсказываетъ, да еще себя по животу гладитъ: словно кашу съ масломъ ѣстъ. Что за прохвостъ! Образцовый. Разъ свою карьеру мнѣ разъяснялъ въ подробностяхъ, такъ я ахнулъ. «Я, говоритъ, самородокъ, талантъ! Я въ кабакѣ за стойкой началъ, а теперь вотъ какую газету издаю! Москвой руковожу, всему купечеству поперегъ горла сталъ: вытрясай мошну; подавай, что потребую, а

не то мораль такую пущу—мало, что на тебя, а и на жену, и на дочерей, и на тещу, и на свояченицу. Выше еще этого пойду: бабушку и дѣдушку опозорю, коли живы, а умерли, такъ и надъ покойниками надругаюсь. Дураки, говоритъ, толкуютъ—это печатный шантажъ. Такъ что же, что шантажъ? Эка, подумаешь, слово страшное выдумали. Я вонъ этимъ шантажемъ дома наживаю, такъ что-жъ мнѣ отъ своего благополучія отказаться изъ-за пустого-то слова? Я еще изъ ума-то совсѣмъ не выжилъ». Вотъ вѣдь какъ, мерзавецъ, свою подлость превозноситъ.

— Неужто такъ прямо, не стѣсняясь?

— Прямо. Да развѣ онъ стѣсненіе какое понимаетъ? Онъ гордъ этимъ, каналья, онъ подлостью-то своей бравируетъ. Вотъ вы не повѣрите, а онъ мнѣ самъ разсказалъ, какъ его купцы высѣкли.

— Да не можетъ же быть!

— Было. «Писалъ я, говоритъ, въ позапрошлый сезонъ о господахъ-купцахъ вволю. И очень, говоритъ, просто писалъ. Этакимъ вотъ манеромъ, напримѣръ: «Парамону Сидоровичу, въ Зарядьѣ. Присматривай за молодкой. Съ приказчиками шалитъ». Или вотъ этакъ: «Акиму Степановичу, на Зацѣпѣ. Жениться собираешься, а не знаешь, что невѣстато съ изъянцемъ». Большой это интересъ въ газеткѣ моей между купечествомъ имѣло. Мало того, что тысячами раскупали въ розничную, а и при-

ватно еще ублаготворяли! кто изъ робости, чтобы и на него пасквиль не вышла, а кто и за то, чтобы я на недруга пасквиль припечаталъ. Чудесно шло дѣло. Только конецъ не совсѣмъ хорошъ вышелъ. Сговорились господа-купцы промежь себя мнѣ острастку дать. И исполнили дѣло въ лучшемъ видѣ. Люблю я, видите, рыбку ловить. Разъ сижу этакъ лѣтней ночью въ лодкѣ, одинъ-одинешенекъ, посреди Царицынскаго пруда, да карасиковъ полавливаю. Вдругъ-шасть: въ двухъ ладьяхъ привалили двѣ ватаги. Ну, говорятъ, Семенъ Семеновичъ, печаталъ ты про насъ пакости въ газетинѣ своей, за то долженъ ты принять наказаніе.—«Помилуйте, господа-купцы», говорю.—«Никакъ невозможно тебя, подлеца, помиловать. Спущай одежду». Ну, что будешь дѣлать: разоблачился. Тутъ же, на лодкѣ, и отбарабанили.

— И про самого себя такія вещи разсказываетъ?

— Да еще какъ разсказываетъ! Съ удовольствіемъ... А вы говорите «литераторы». Вотъ какіе это литераторы-то. Просто...

Генералъ докончилъ энергическимъ ругательствомъ.

II.

Благодаря «всероссійскому генералу», который въ недѣлю, прожитую имъ ранѣе меня въ Кисловодскѣ, уже зналъ почти всѣхъ «курсовыхъ», я скоро озна-

комился съ разными забавными «личностями», какъ любилъ выражаться мой сосѣдъ.

Вечеромъ, въ седьмомъ часу, мы съ генераломъ вышли въ паркъ «на музыку». Вечеръ стоялъ знойный, но прекрасный, тихій. Весь паркъ пестрѣлъ и шумѣлъ гуляющей толпой. На кругу, близь галлереи, оркестръ терцевъ гремѣлъ мотивы изъ «Трубадура», «Сомнамбулы» и «Вильгельма Телля», вальсы, польки и попури изъ русскихъ пѣсенъ. Музыканты-казаки въ своихъ живописныхъ черкескахъ коричневаго, сѣраго и бѣлаго цвѣта, съ патронами на груди, съ золотой перевязью, кисточки которой эфектно закинуты на спину, молодцовато выводили на скрипкахъ и прочихъ инструментахъ аріи Верди, Беллинни и Россини, конечно никогда не воображавшихъ, что «сыны степей» не только услаждаются ихъ музыкой, но даже сами исполняютъ ее. Вокругъ оркестра тѣснились кучки любопытныхъ слушателей, мужчинъ и дамъ. Иныя дамы, впрочемъ, не столько внимали игрѣ музыкантовъ, сколько заглядывались на интересныхъ артистовъ. Казаки-артисты это отлично понимали и не безъ кокетства позировали передъ дамами, заломивъ шапки и бросая порой косвенные взгляды совсѣмъ мимо нотъ, разложенныхъ предъ ними на пюпитрахъ.

Часть публики сидѣла на скамьяхъ, разставленныхъ по обѣимъ сторонамъ большой аллеи, подъ тѣнью громадныхъ липъ и акацій. Другая часть

двигалась взадъ и впередъ, кочуя на небольшомъ пространствѣ отъ зданія галлереи до казенной гостинницы. Дамы разряженныя въ лѣтніе костюмы, поднимали пыль платьями, кавалеры дымили папиросами и сигарами. Легкая скука и монотонность царили въ движеніи гуляющей толпы. Словомъ, совсѣмъ такъ, какъ гдѣ нибудь «на музыкѣ» въ Павловскѣ, Петергофѣ, въ Озеркахъ.

На площадкѣ передъ казенной гостинницей разставлены были зеленые столы, за которыми группы любителей «винтили», не теряя золотого времени даромъ. Тутъ, въ этихъ группахъ, встрѣчались часто военные кители, небрежно разстегнутые на распашку, слышались безпрестанно восклицанія: «пасъ, пасъ, пасъ», «человѣкъ карты!», раздавались горячіе споры увлеченныхъ игроковъ. Съ высокой террасы гостинницы сбѣгали порою лакеи-имеретины, разносившіе чай, кофе, рюмки съ коньякомъ. Горячее южное солнце, пробиваясь яркими лучами сквозь листву, обливало всю картину двигающейся и сидящей толпы веселымъ, играющимъ свѣтомъ и неожиданно набрасывало сверкающіе блики то на яркое перо дамской шляпки, то на зеленое сукно стола, уставленнаго стаканами съ чаемъ, которые горѣли какъ прозрачные янтари, то на красныя, потныя лица спорившихъ игроковъ, то на узлистые, покрытые древней корой стволы деревьевъ.

Мы присѣли съ генераломъ на одну изъ скамеекъ.

Генералъ покуривалъ сигару изъ громаднаго пёнковаго мундштука, изображающаго голову негра, и громко, нимало не стѣсняясь, подвергалъ своей рѣзкой критикѣ проходящихъ.

— Вотъ, смотрите, указывалъ мнѣ генералъ на проходившаго мимо съ красивой и очень развязной дамой старца, почтеннаго вида, съ дипломатическимъ лицомъ, въ сѣдыхъ изящныхъ бакенбардахъ,—вотъ, смотрите, воръ идетъ.

— Какой воръ?

— Какъ же. Это вѣдь Свентицкій. Извѣстный. Изъ поляковъ. Ну, тотъ, что губернаторомъ въ —ской губерніи былъ. Всю губернію обокралъ. Онъ на сѣверѣ воровалъ, а родной братъ на югѣ. Оба наворовались—вотъ какъ, до отвала. Экая рожа скверная какая!

Старецъ, услышавъ «скверную рожу», громко пущенную по его направленію, на мгновеніе косится въ сторону и затѣмъ отвернувшись, начинаетъ усиленно любезничать съ своей спутницей.

— И съ кѣмъ гуляетъ! Публично! Этакая скотина!

— А кто же это съ нимъ—эта дама?

— Какъ кто? Развѣ не знаете? Наша петербургская. Жена шулера Многотруднаго. Въ процессѣ шантажистовъ недавно отличалась. Сюда прибыла. У нихъ тутъ, въ Пятигорскѣ, цѣлая компанія. Работаютъ. Вотъ такихъ старыхъ дураковъ, какъ Свентицкій, обчищаютъ. Влюбился. Ухаживаетъ. Розовый

галстучекъ носитъ. Серенады ей подъ окнами на гитарѣ разыгрываетъ... Ну, никакъ и его высокопревосходительство, тайный совѣтникъ, Артишокинъ выползъ. Онъ и есть. Здравствуйте, ваше высокопревосходительство!

На этотъ окликъ къ намъ подошелъ нѣкто тучный, съ слоновыми ногами, съ громадными крашеными усами, казавшимися еще больше отъ отпущенныхъ подъусниковъ и поздоровался съ генераломъ.

— Ну, что, ваше превосходительство, какъ печень?

— Ничего, слава Богу. Вотъ ессентучки пью, по три стаканчика. Облегчаетъ.

— Облегчаетъ? А правительство все порицаете?

— Правительство я порицаю. Не могу. Вижу, все не то дѣлается, что нужно.

— Ну, конечно. Все глупости правительство дѣлаетъ.

— Вотъ, вотъ и я говорю: именно глупости все дѣлаютъ.

— Какъ же не глупости! Вотъ первая глупость: васъ тайнымъ совѣтникомъ сдѣлали...

— Ну, ну, вы все шутите, ваше превосходительство.

— Какой шучу! Слышите, шучу? обратился ко мнѣ генералъ, какъ бы отдаваясь на мой судъ. Я ему говорю, что у насъ дураковъ напрасно высокими чинами награждаютъ, а онъ: вы все шутите...

Господинъ съ подъусниками только разсмѣялся на милыя рѣчи генерала и, сдѣлавъ ему любезно ручкой, отчалилъ отъ нашей скамейки и пошелъ за гуляющей толпой, грузно переступая своими слоновыми ногами.

— Этакая дубина! Ахъ, Господи! Откуда у насъ такіе дураки выходятъ? продолжалъ аттестовать порицателя правительства генералъ. Вѣдь, видите, глупъ какъ: совсѣмъ олухъ царя небеснаго. А тоже изъ недовольныхъ. Порядки, говоритъ, теперь нехороши. При «насъ» лучше были. Дѣйствительно лучше. При нихъ даже такимъ идіотамъ, какъ онъ, взятки тысячами давали. Нынче ужъ идіотамъ-то не даютъ, а подлецамъ только настоящимъ... А вонъ, изволите видѣть, черкесъ изъ Апраксина идетъ. Эй, ты, черкесъ! Поди, поди сюда. Покажись!

Послѣднія слова генерала относились къ молодому блондину, съ толстымъ, добродушнымъ лицомъ, щеки котораго лоснились и сіяли самымъ русскимъ румянцемъ, а мягкій мясистый носъ какъ бы соревновалъ съ ними въ блескѣ. Блондинъ былъ одѣтъ въ черкеску кофейнаго цвѣта, въ шелковый голубой чекмень, обшитый позументами. На груди множество патроновъ, сверкающихъ серебряной отдѣлкой. Талья стянута ремнемъ, унизаннымъ серебряными пуговицами и бляхами. На головѣ бѣлая барашковая папаха. Услышавъ зовъ генерала, молодой человѣкъ, глупо улыбаясь, приблизился къ намъ.

— Что это ты такимъ дуракомъ разрядился? привѣтствовалъ его генералъ.

— Костюмировался въ здѣшнюю одежду-съ, Павелъ Петровичъ.

— Вижу, что костюмировался. Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ же это ты костюмировался?

— Мы это съ Сеней Синебрюховымъ вздумали-съ. Здѣсь многіе костюмируются. Для интересности-съ. Какъ бы на подобіе чеченцовъ-съ.

— Для интересности! Скажите пожалуйста! Вотъ поглядите на осла: рекомендую. Въ Апраксиномъ на ситцахъ публику обмѣриваетъ, а здѣсь чеченцемъ ходитъ. Ты бы хоть аршинъ, дуракъ, замѣсто шашки-то подвѣсилъ. Ну, посмотри ты на свою рожу: какое въ тебѣ «подобіе»? Поросенка въ тебѣ подобіе. А ты—чеченцемъ! Выдрать бы васъ съ Сенькой-то обоихъ вмѣстѣ. Да и выдеретъ отецъ-то въ Питерѣ. Погоди. Ужъ за это я тебѣ ручаюсь. Я ему разскажу про твои маскарады.

— Что же-съ, папенька за это обижаться не станутъ. Они могутъ-съ разсудить, что это для нашего удовольствія-съ.

— Онъ разсудитъ тебя. Увидишь. Ну, ступай! Гуляй, дуракъ, чеченцемъ.

Блондинъ, ухмыляясь и шутливо прикладывая руку къ папахѣ по-военному, отошелъ. Генералъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ лестныхъ аттестацій апраксинскому чеченцу, какъ вдругъ, въ то самое

время раздался нѣсколько гнусливый и пришепетывающій голосъ:

— Какъ здоровье вашего превосходительства?

III.

Передъ нами стоялъ тонкій, испитой франтъ, съ крохотными усами, защипнутыми по концамъ въ иголочки, въ свѣтло-сѣромъ, ударяющемъ почти въ голубой цвѣтъ, сьютѣ и такомъ же фетрѣ, въ полосатой сорочкѣ и пестромъ батистовомъ галстучкѣ въ видѣ бабочки. Изъ-подъ обтянутыхъ панталонъ виднѣлись бѣлые англійскіе башмаки съ желтыми кожаными носками, невѣроятно узкими и загнутыми кверху. Въ одномъ глазу франта сверкалъ монокль на тоненькомъ шнурочкѣ; другой онъ прищуривалъ съ самой старательной презрительностью.

— А, князь, здравствуйте! насмѣшливо морщась и оглядывая фигурку франта съ головы до ногъ, проговорилъ генералъ. — Ну, что? Какъ?

— Завтра уѣзжаю. Въ Виши.

— Что-жъ такъ? Три дня только погостили и ужъ уѣзжаете? Не понравилось здѣсь?

— Помилуйте, я не могу больше. Это чортъ знаетъ что такое. Что за общество! Что за дамы! Какіе костюмы! Какая музыка! Фиштръ! Невообразимо!

Франтъ съ досады вырвалъ монокль изъ глаза, весь передернулся, презрительно повелъ усами и съ

удивительной быстротой взбросилъ опять монокль въ глазъ, поймалъ его съ ловкостью фокусника и зажалъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «посмотрите на меня, какой я душка».

— Такъ для какого чорта вы сюда ѣхали? грубо спросилъ генералъ, переводя взглядъ то на франта, то на меня и видимо желая обратить мое вниманіе на дурацкое ломанье обладателя монокля.

— Какъ для какого чорта, ваше превосходительство? Мнѣ всѣ кричали тамъ: поѣзжайте, князь.— Кавказъ, горы, минеральныя воды! Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Кисловодскъ—это прелесть. Восхитительныя мѣста! Природа!—Хороши восхитительныя мѣста! Дамы въ истоптанныхъ туфляхъ на музыку ходятъ. Рожи, куда ни взглянешь—все рожи. Одѣваться не умѣютъ. Моды допотопныя... Хороша природа! Только жарко — и больше ничего. Я думалъ, по крайней мѣрѣ, тутъ море есть. Но никакого моря не нашелъ.

— Какъ море, какое море? съ искреннимъ изумленіемъ восклинулъ генералъ, вытаращивъ глаза.

— Какое море? Ну, конечно, голубое, красивое море, вотъ такое, какъ въ Италіи, въ Біаріцѣ...

— Позвольте, да гдѣ же вы это думали тутъ найти море?

— Да въ Кисловодскѣ, ну, вообще тутъ... А между тѣмъ, и моря никакого нѣтъ. Одна скука и дикость, дикость и скука. Пренепріятно. Нѣтъ, завтра же

вонъ отсюда и уже больше меня не заманятъ не эти наши Кавказы. Благодарю. Дамы на музыкѣ въ стоптанныхъ пантуфляхъ!.. Фиштръ! Прощайте.

Франтъ граціозно мотнулъ ручкой генералу, махнулъ моноклемъ и быстро удалился, какъ бы испугавшись, что генералъ выпалитъ въ него шрапнелью своихъ крѣпкихъ словъ. И дѣйствительно, во-время убѣжалъ франтъ отъ Павла Петровича: тотъ еще не могъ опомниться отъ изумленія, произведеннаго въ немъ словами франта о поискахъ моря около Кисловодска. Но какъ только генералъ очнулся, такъ шрапнели посыпались съ страшною силою.

— Нѣтъ, каковъ подлецъ, а? краснѣя отъ гнѣва и выпячивая грудь, почти закричалъ генералъ. Каковъ подлецъ, я васъ спрашиваю? Видали вы гдѣ нибудь этакихъ мерзавцевъ? Ахъ ты!...

Тутъ генералъ произнесъ нѣсколько столь неприличныхъ звуковъ, что двѣ дамы, сидѣвшія съ нами рядомъ на скамейкѣ, въ испугѣ сорвались съ нея, точно птицы, и мгновенно упорхнули.

— Моря пріѣхалъ искать въ Кисловодскѣ! Какова географія, а? А вѣдь князь! Считаетъ себя человѣкомъ высшаго общества! Ахъ, ты, прохвостъ! И вѣдь все вретъ, каналья, что моря и природы сюда искать пріѣхалъ. Все вретъ. Въ Желѣзноводскѣ купчиху искалъ, чтобы попасть на содержаніе. Знаю. Ну, вотъ ту, Балабаеву, милліонщицу, что съ актеришкомъ опереточнымъ путалась въ позапрошломъ

году. Съ княжествомъ своимъ подъѣхать къ ней хотѣлъ. Увивался, подлецъ, до омерзительности. Да не выгорѣло. Вотъ онъ и пошелъ моря искать на минеральныхъ водахъ. И куда ему на содержаніе. Да еще къ купчихѣ! Вѣдь она его на одну ладонь посадитъ, другой прихлопнетъ — только мокренько останется... Море! Въ Кисловодскѣ море! Вотъ скотина-то. Тьфу!

Генералъ плюнулъ, выпустилъ еще одинъ разъ шрапнель и затѣмъ прибавилъ, какъ бы немного облегчившись:

— Ну, чортъ съ нимъ, мерзавцемъ. Пойдемте въ казенную гостиницу чай пить.

Мы пошли.

IV.

На верхней площадкѣ передъ гостинницей, подъ развѣсистыми липами было разставлено нѣсколько столовъ, вокругъ которыхъ сидѣли группы мужчинъ и дамъ. Кто ѣлъ, кто пилъ чай, кто кахетинское или шампанское съ нарзаномъ, кто услаждался мороженымъ. Лакеи въ черныхъ фракахъ, съ салфетками на плечѣ или въ махающей, какъ будто для баланса, лѣвой рукѣ, раскраснѣвшіеся выбѣгали съ террасы гостинницы, выходящей на площадку, и разносили стаканы, тарелки, бутылки. Звуки музыки доносились сюда снизу и перемѣшивались со зву-

каньемъ посуды, вилокъ и ножей, съ громкими разговорами. Неподвижныя вѣтви пышныхъ липъ висѣли въ знойномъ воздухѣ будто утомленныя, усталыя...

Мы присѣли около одного изъ столовъ. «Всероссійскій генералъ» остановилъ пробѣгавшаго мимо лакея суровымъ, почти грознымъ окликомъ:

— Эй, ты, поди сюда!

Лакей подошелъ.

— Какъ тебя зовутъ? Ахметъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Петро.

— Какъ? воззрившись на лакея и «грозя очами», переспросилъ Павелъ Петровичъ.

Лакей повторилъ.

— Петро! Почему Петро? Говорилъ бы дуракъ просто Петръ, а то Петро. Ты кто: черкесъ, что ли?

— Осетинъ.

— Видно сразу. Хорошо. Ну, осетинъ-Петро, принеси ты намъ чаю и коньяку. Да хорошаго. Есть у васъ хорошій коньякъ? Небось, нѣту?

— Помилуйте-съ, какъ не быть.

— Ладно. Ну, тащи скорѣй.

— Ессентуки пьете, такъ коньякъ-то не подобало бы, ваше превосходительство! весело закричалъ генералу какой-то благообразный и полный, съ пышною бородою брюнетъ, засѣдавшій съ компаніей стола черезъ два отъ насъ.

— А, докторъ! Здравствуйте! отозвался генералъ, глянувъ въ сторону говорившаго. Не разрѣшаете?

— Не годится.

— Все равно. Я вѣдь съ чаемъ.

— И съ чаемъ не годится.

— Вретъ, обратился уже ко мнѣ генералъ съ убѣжденіемъ: вретъ. Всѣ эти, подлецы-доктора врутъ. Какой вредъ отъ коньяку? Отъ коньяку всегда польза. Одно скверно: нѣтъ тутъ у нихъ коньяку порядочного. Вотъ кахетинское — ничего. Да знаете что? Вмѣсто чая, не разопьемъ ли мы бутылочку, а?

— Жарко, Павелъ Петровичъ.

— Ничего. Эй, ты, какъ тебя... Куда онъ, мерзавецъ?.. Эй, Петро! Осетинъ-Петро, чортъ тебя возьми! возгласилъ генералъ такъ громко и свирѣпо, что съ террасы гостинницы къ намъ сорвались на зовъ не одинъ, а цѣлыхъ три осетина.

— Ну, что, дураки? Чего мечетесь, точно угорѣлые коты? привѣтствалъ генералъ прибѣжавшихъ лакеевъ.

— Изволили-съ звать? сказалъ одинъ.

— Да не васъ я звалъ, чортовые вы осетины! Петро мнѣ нужно. Скажите ему, дураку, чтобы шелъ сюда сейчасъ..!

Все чего потребовалъ генералъ, было поставлено передъ нами. Генералъ осмотрѣлъ опытнымъ окомъ бутылку и стаканы, распекъ Петро еще разъ за какую-то неисправность, причемъ призвалъ въ свидѣтели небо и адъ, что глупѣе осетиновъ-лакеевъ нѣтъ существъ на бѣломъ свѣтѣ, и подъ конецъ

почти любезно прибавилъ: «Ну, а теперь, Петро, убирайся къ чорту на рога».

Невдалекѣ отъ насъ, у стола, на которомъ блестѣлъ и искрился крюшонъ съ шампанскимъ, сидѣли два военныхъ и дама. Дама заинтересовала меня: шикарно разодѣтая въ бѣлую чичунчу съ пунцовой отдѣлкой изъ безчисленныхъ лентъ и бантовъ, она поражала красивымъ и оригинальнымъ лицомъ, съ тонкимъ и рѣзкимъ профилемъ характернаго восточнаго типа, съ большими какъ будто сіяющими глазами, которые оттѣнялись слегка нахмуренными, прямыми точно стрѣлы бровями. На бѣлый, маленькій лобъ спадала челка вьющихся волосъ блѣдно-золотистаго цвѣта. Изящная, нѣжная рука ея, сверкающая кольцами и браслетами, нервно поигрывала вѣеромъ, который она иногда прижимала къ лицу, оставляя открытыми только смѣющіеся дерзкіе и задорные глаза. Низко вырѣзанный корсажъ полуоткрывалъ сильно развитый и прекрасно сформированный бюстъ и розовую шею съ граціознымъ и кокетливымъ наклономъ.

Рядомъ съ дамой сидѣлъ казакъ огромнаго роста, съ могучими плечами, съ краснымъ разгорѣвшимся лицомъ, нѣсколько суровымъ, но тѣмъ не менѣе не лишеннымъ мужественной красоты. Онъ слѣдилъ влюбленными глазами за каждымъ жестомъ своей собесѣдницы, за каждымъ движеніемъ ея красивой головки и, повидимому, любовался ею до обожанія.

Другой военный, въ гусарской формѣ, представлялъ изъ себя маленькую, обточенную фигурку, съ юношескимъ розовымъ лицомъ, почти безъ всякихъ признаковъ растительности на губахъ и бородѣ. Онъ сидѣлъ напротивъ дамы. Впрочемъ, слово «сидѣлъ» не совсѣмъ точно опредѣляло положеніе гусарика: онъ безпрестанно ерзалъ на стулѣ, подскакивалъ, протягивался впередъ, двигалъ руками и ногами, вообще всей своей кругленькой фигуркой изображалъ какую-то игривую суетливость хорошенькой собачки. Недоставало только, чтобъ изъ-подъ куцой, плотно обтягивавшей его талію и бедра венгерки выглянулъ виляющій хвостикъ: тогда гусарикъ производилъ бы вполнѣ впечатлѣніе радостно взволнованнаго и желающаго изобразить ласковость песика.

Казакъ и гусарикъ щедро подливали изъ крюшона дамѣ и еще щедрѣе пили сами. Всѣ трое, повидимому, были очень весело настроены и безпрестанно смѣялись. Однако я замѣтилъ, что черные глаза дамы порой вдругъ принимали усталое, почти мрачное выраженіе и презрительно останавливались то на томъ, то на другомъ изъ ея собесѣдниковъ. Можно было побиться объ закладъ въ это мгновеніе, что ея собесѣдники надоѣли ей, кажутся скучными.

Когда мы сѣли за столъ и Павелъ Петровичъ началъ со свойственною ему шумливостью командовать и распекать лакеевъ, она мелькомъ оглянула насъ обоихъ изъ-подъ вѣера, чуть-чуть усмѣхну-

лась и шепнула что-то казаку, двинувъ бровями, какъ бы показывая въ нашу сторону. Взглядъ изъ-подъ вѣера и потомъ не разъ направлялся къ нашему столу.

V.

— Кто такая — не знаете, Павелъ Петровичъ? спросилъ я генерала.

— Знаю. Раньше меня пріѣхала. Недѣли двѣ ужъ здѣсь. Хорошенькая шельма, а?

— Да, очень красива.

— Изъ жидовокъ.

— Ну, вотъ; блондинка-то?

— Что-жъ это ничего. Бываютъ и блондинки изъ ихъ породы. Я вамъ говорю: изъ жидовокъ. Смотрите, какой носъ и глаза: навѣрно Ревекка Зодіаковна.

— Почему же—Задіаковна?

— Да вѣдь онѣ всѣ Зодіаковны. Я ихъ всегда такъ зову. И руки у ней жидовскія.

— Руки чудесныя.

— Да кто говоритъ: прелесть! А все-таки жидовскія.

— Отчего?

— А вы вглядитесь хорошенько — подъ браслетами-то вѣдь у ней рыжіе волосики. Вѣрный признакъ.

— Ну? Какъ это вы разсмотрѣли?

— Разсмотрѣлъ. Да и разсматривать не нужно было: я еще прежде узналъ, что она изъ жидовокъ. Таганрогская. Жена какого-то негоціанта. У нихъ тамъ все негоціанты. Украдетъ тысячъ десять — сейчасъ негоціантъ.

Павелъ Петровичъ, по своему обыкновенію, говорилъ такъ громко, что я началъ опасаться, какъ бы супруга таганрогскаго негоціанта не услышала откровенныя объясненія «всероссійскаго генерала».

— Что-жъ она лечиться, что ли, пріѣхала?

— Какой лечиться! Гулять пріѣхала (генералъ выразился гораздо болѣе опредѣленно и рѣзко). Вотъ уже этихъ двухъ шелопаевъ совсѣмъ обработала. Готовы, голубчики. Смотрите, какими дураками около нея вертятся. Казакъ-то этотъ за одной вдовой ударялъ тутъ. Дѣло совсѣмъ на мази было. Да вотъ появилась эта—онъ отъ вдовы-то отъѣхалъ.

— Ну, и что же, какъ?

— Да такъ, что въ пустую, кажется, играетъ.

— Въ пустую? Вы почему же такъ думаете?

— Да мнѣ вчера товарищи его говорили. Самъ, говорятъ, признавался: не выгораетъ дѣло. Что не предпринималъ—ровно ничего не выходитъ. Кольцо-гору верхомъ съ ней ѣздилъ смотрѣть, долину коварства и любви — мѣсто тутъ такое есть въ окрестностяхъ—вдвоемъ посѣщали. Не помогаетъ. О вдовѣ ужъ жалѣть началъ. Съ той, говоритъ, давно бы

ужъ блаженствовалъ, а эта только хвостомъ вертитъ.

— Кто же ему мѣшаетъ опять ко вдовѣ-то?

— Нельзя. Тамъ уже теперь другой. Тутъ вѣдь насчетъ женскаго пола не зѣваютъ. Точно перепелокъ ловятъ.

Я разсмѣялся.

— Неужто точно перепелокъ?

— Я вамъ говорю — точно перепелокъ, подтвердилъ генералъ.

— Да что-жъ онъ ужъ больно скоро побѣды-то надъ этой захотѣлъ?

— Какъ скоро? Двѣ-то недѣли ухаживаетъ — скоро? Тутъ, говорятъ, въ три дня иногда дамочки поддаются. Вѣдь зачѣмъ же онѣ и ѣдутъ въ Кисловодскъ, дамочки-то? Понятно—для амура. Чего же имъ долго-то канитель тянуть! Сезонъ-то и весь не великъ. Накупаются въ Нарзанѣ. Заиграютъ у нихъ... какъ это тамъ говорится?., ну, струны любви, что ли. Подавай кавалера. А кавалеровъ тутъ—какъ собакъ. Вонъ какіе, глядите: казачина-то. Вѣдь онъ ѣстъ ее глазами. Точно пирогъ передъ нимъ стоитъ.

— Ну, а тотъ, другой? Кажется, тоже изъ обожателей?

— Карманный-то гусарикъ? Гдѣ же этому! Ростомъ не вышелъ. Мальчишка. Она имъ казака-то дразнитъ. Только затѣмъ и подпускаетъ къ себѣ...

Между тѣмъ, особа, которую «всероссійскій гене-

ралъ» подвергалъ рѣзкой критикѣ, встала и, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ, пошла съ площадки. Ей какъ разъ пришлось проходить мимо нашего стола. Я наблюдалъ за нею. Она дѣлала видъ, что какъ будто совсѣмъ не примѣчаетъ насъ, отвернулась въ сторону и даже заслонила вѣеромъ лицо. Но вся эта игра была продѣлана или слишкомъ неискусно, или, вѣрнѣе, съ цѣлью дать замѣтить, что это именно намѣренная игра и что притворнымъ маневромъ незамѣчанія она хочетъ дать понять, что замѣтила. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось мнѣ, самъ не знаю почему. Когда поровнялась со столомъ, у котораго мы сидѣли, она, еще усиленнѣе стараясь не замѣтить насъ, обратилась къ казаку:

— Такъ значитъ завтра, Накатовъ, въ семь часовъ?

— Непремѣнно-съ.

— Скажите Джіани, чтобы для меня привелъ эту... ну, мою любимую лошадь...

— Амалата?

— Да, Амалата.

— Слушаю-съ.

— А какъ же я?.. И мнѣ позволите васъ сопровождать, Нина Павловна? забѣгая сбоку, спрашивалъ гусарикъ.

— Нѣтъ, вы, юноша, на этотъ разъ ужъ посидите дома. Я хочу быть вдвоемъ съ Накатовымъ.

Послѣднюю фразу она сказала нарочно громко и

при этомъ не утерпѣла, оглянулась-таки въ нашу сторону. Дальнѣйшей бесѣды я не слыхалъ: они спускались внизъ и исчезли за поворотомъ лѣстницы.

Мы роспили съ генераломъ кахетинское и отправились въ паркъ. Музыка уже окончилась. Музыканты собирали ноты и расходились. Публика покидала паркъ. Около продавца хлѣба, пирожковъ и масла, расположившагося подъ аркой въ галлереѣ, какъ разъ противъ самаго Нарзана, стояла толпа покупавшихъ булки и прочія принадлежности къ чаю.

Старикъ съ рѣдкой сѣденькой бородкой, не спѣша, съ младенческой улыбкой завертывалъ въ бумажные пакеты, что̀ требовали покупатели, и получалъ деньги.

— Сколько съ меня? спрашивалъ его кто нибудь.

— Двѣнадцать рубликовъ, отвѣчалъ старикъ. Покупатель подавалъ двугривенный.

— Восемь рубликовъ вамъ сдачи. Извините, восьми не случилось. Два рублика будетъ за вами.

И онъ сдавалъ гривенникъ. Покупатели, очевидно, знали неизмѣнную шутку старика считать копѣйки рублями и только благодушно улыбались на эту шутку...

Около рѣшетки, окружающей Нарзанъ, останавливались иные изъ проходящихъ и пили воду.

— Что-жъ, выпьемъ и мы съ вами нарзанчику, сказалъ генералъ.

— Пожалуй.

— Ну-ка, красавица, обратился генералъ къ «источ-

ницѣ», молодой дѣвушкѣ, одѣтой въ такъ называемый «русскій» костюмъ, — налей-ка всероссійскому генералу!

Источница, очевидно хорошо знакомая съ Павломъ Петровичемъ, съ улыбкой вставила двѣ кружки въ металлическія кольца, прикрѣпленныя на длинной палкѣ, погрузила ихъ въ кипящій источникъ, вынула и ловко подставила намъ. Мы взяли кружки и выпили.

— Хорошо. Освѣжаетъ.

Генералъ даже крякнулъ отъ удовольствія, любезно потрепалъ по плечу «источницу», но не преминулъ, однако же, ее слегка разбранить за то, что кружки, по его мнѣнію, содержатся не въ надлежащей чистотѣ, да кстати ужъ обругалъ и администрацію водъ, группныхъ врачей, содержателя кумыса, словомъ всѣхъ и вся. И удивительное дѣло: не смотря на внѣшнюю энергію, которую проявлялъ генералъ въ своихъ порицаніяхъ, въ его гнѣвѣ слышалась самая добродушная нота: онъ былъ шумливъ и бранчивъ на словахъ, а на дѣлѣ, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться потомъ, оказывался снисходительнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, покуда мы съ генераломъ проходили безконечную галлерею, она оглашалась выразительно произносимыми «мерзавцами» и «подлецами», прилагаемыми къ разнымъ виновникамъ всяческихъ безпорядковъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

VI.

На слѣдующій день съ обѣда пошелъ дождь. Вечеромъ на музыкѣ публика толпилась въ галлереѣ, куда, по случаю дождя, перешли и музыканты. Оркестръ раздавался въ невысокой галлереѣ слишкомъ громко и просто рѣзалъ бы уши, еслибы отчасти его звуки не заглушались говоромъ толпы, шумомъ и шарканьемъ сотни ногъ, ступающихъ по каменнымъ плитамъ. Въ галлереѣ было душно, особенно около Нарзана: въ воздухѣ распространялась угольная кислота отъ источника и смѣшивалась съ дыханіемъ людей.

Хотя послѣ музыки дождь пересталъ, но гуляющихъ въ паркѣ къ вечеру было очень мало. Въ большой аллеѣ, особенно въ началѣ ея, песокъ размокъ и гулять казалось нѣсколько рискованнымъ, особенно для дамъ. Часу въ десятомъ. когда паркъ совсѣмъ стемнѣлъ, въ немъ почти не попадалось ни души. Только рѣдкіе любители вечернихъ прогулокъ бродили около казенной гостинницы или шли туда поужинать...

А между тѣмъ, именно теперь-то и было чудесно гулять въ паркѣ. Освѣженныя дождемъ деревья клонили пышныя вѣтки подъ тяжестью капель дождя и, пробѣгающій порою теплый ночной вѣтерокъ, встряхивалъ ихъ и онѣ скатывались мелкими брызгами на песокъ дорожекъ. Во влажномъ воздухѣ

стоялъ ароматъ бальзамическихъ испареній отъ липъ. Среди темнаго навѣса листвы тамъ и сямъ сверкали, точно въ волшебной декораціи, огни фонарей, освѣщенныя окна казенной гостинницы и гостинницы «Паркъ». Откуда-то, издалека, доносился звонкій и свѣжій теноръ и въ ночной тишинѣ раздавались чудные звуки и чудныя слова! «Bella figlia del amore»...

Выбравъ подъ шатромъ старой липы сухую скамейку, я сѣлъ и вслушивался съ упоительный мотивъ Вердіевской оперы. Страстнымъ, ласкающимъ призывомъ разливалась пѣсня, то обрываясь и замирая, то съ новою силою звеня на высокихъ нотахъ. Наконецъ она смолкла и замерла совсѣмъ. Только говоръ потока, усиленнаго дождемъ и бѣгущаго съ шумомъ по каменьямъ, смутно переливался гдѣ-то тамъ, внизу подъ горой...

Я невольно замечтался. Мелькнули два-три воспоминанія изъ тѣхъ, которыя не забываются въ жизни. Вспомнилось дорогое лицо, слова любви и ласки; тихій шопотъ и то потухающій, то разгорающійся вновь блескъ усталыхъ глазъ... И ясно, какъ будто подъ самымъ ухомъ, раздались слова: «такъ завтра? Въ этотъ же часъ, да?» и потомъ шелестъ женскаго платья.

Я вздрогнулъ. Что это: галлюцинація слуха? Но галлюцинаціей были только слова, а шелестъ платья настоящей дѣйствительностью; въ темнотѣ аллеи

обрисовался силуэтъ женской фигуры. Она приближалась къ скамьѣ, гдѣ я сидѣлъ. Не смотря на темноту, я тотчасъ же узналъ эту фигуру: это была вчерашняя дама.

Она прошла мимо меня очень скоро, но пристально всмотрѣлась, причемъ даже наклонилась въ мою сторону и такъ близко, что ея платье едва не задѣло мнѣ колѣни.

«Ого, голубушка, подумалъ я: вѣрно на свиданіе спѣшить изволите? Напрасно генералъ сомнѣвался въ господинѣ Накатовѣ, что онъ въ пустую играетъ. Бьюсь объ закладъ, этотъ казачина гдѣ нибудь тутъ сидитъ и ждетъ васъ въ уютномъ мѣстечкѣ... Послѣдить развѣ немножечко за вашими амурами, душенька?..»

Но, разумѣется, подумавъ такъ про себя, я слѣдить не сталъ, а остался, гдѣ былъ, и только закурилъ сигару. И однако—такъ всѣ мы созданы—мнѣ вдругъ стало досадно на что-то. Легкое чувство зависти къ счастливцу, который ждетъ эту красавую женщину, торопившуюся къ нему, невольно прокралось въ мою душу. А вѣдь я совсѣмъ не зналъ ея и не имѣлъ никакого права завидовать. Но, вотъ, поди же...

Однако мои предположенія оказались, видно, несправедливыми: не прошло минуты, какъ я увидѣлъ ее уже возвращающеюся назадъ. Она шла теперь тише, шла прямо ко мнѣ и, къ моему удивленію, смѣло

и рѣшительно присѣла на другой конецъ той самой скамьи, на которой сидѣлъ я. Я молча воззрился на нее. Она откинулась на спинку скамейки и, нервно поводя плечами, закуталась плотно въ темную накидку, скрестивъ подъ нею руки. Въ темнотѣ я видѣлъ только рѣзкій очеркъ ея профиля и, казалось, угадывалъ усмѣшку на ея губахъ:

«Хорошо, голубушка, мелькнуло у меня въ головѣ, вы, кажется, ищете ночныхъ приключеній. Посмотримъ...»

Я нѣсколько минутъ соображалъ, какъ бы начать разговоръ не совсѣмъ пошлымъ образомъ. А впрочемъ, не все ли равно? Начну по общепринятой методѣ.

— Васъ не безпокоитъ моя сигара?

— Нѣтъ, сейчасъ же отвѣтила она, совершенно спокойно.—Я сама хотѣла курить. Дайте мнѣ огня.

Она достала маленькій портсигаръ и не спѣша взяла тоненькую папиросу. Я зажегъ спичку и подалъ ей. На секунду, при свѣтѣ спички, все ея красивое лицо озарилось, и я замѣтилъ, что оно было блѣдно. Она закурила и молча поблагодарила меня кивкомъ головы. Я сѣлъ поближе къ ней, чѣмъ прежде, но, однако же, и не очень близко, и тоже молчалъ. «Хочешь разговаривать, такъ продолжай теперь сама. Я починъ сдѣлалъ», подумалъ я.

Она вдругъ засмѣялась.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ я.

— Тому, что вы не выдумали чего нибудь поновѣе для начала разговора.

— А зачѣмъ было мнѣ выдумывать?

— Зачѣмъ? Хоть затѣмъ, чтобы показаться пооригинальнѣе, чѣмъ другіе.

— Я вовсе не претендую на оригинальность, во-первыхъ. А во-вторыхъ, для чего же мнѣ желать казаться оригинальнѣе передъ вами? Я вѣдь до сихъ поръ не имѣлъ удовольствія съ вами быть знакомымъ.

— А я васъ знаю...

— То есть, какъ же знаете?

— Вы Аргунинъ. Видите?

— Что вижу? Вижу, что вамъ сказали мою фамилію. Я во всякомъ случаѣ больше про васъ знаю. Вы изъ Таганрога. Васъ зовутъ Нина Павловна. Ваша фамилія Гальфтеръ.

Она опять засмѣялась.

— Я изъ жидовокъ, неправда ли? Здѣсь на водахъ сейчасъ все узнаютъ — всю біографію.

— Да. Особенно разныя романическія подробности.

— Ну, какія же романическія подробности вы знаете про меня?

— За вами ухаживаетъ казакъ Накатовъ, гусаръ Вержбицкій...

— И еще пять такихъ ухаживателей, какъ эти господа. Къ сожалѣнію, это правда.

— Зачѣмъ же—къ сожалѣнію? Я здѣсь всего два дня, видѣлъ васъ разъ два, но мнѣ кажется, что вы относитесь къ сказанной мною правдѣ совсѣмъ не съ сожалѣніемъ, а напротивъ—съ удовольствіемъ.

— Это вамъ такъ потому кажется, что вы уже успѣли заразиться здѣшнимъ воздухомъ сплетень и вѣрите въ нихъ.

— Позвольте, я не сплетнямъ вѣрю, а тому что самъ замѣтилъ.

— Что же вы замѣтили?

— По правдѣ сказать, ничего особеннаго. Однако, кой-что замѣтилъ.

— Напримѣръ?

— Ну, напримѣръ, хоть то, что господинъ Накатовъ въ васъ влюбленъ. И охъ, какъ влюбленъ!

— Такъ что же. Пускай. На здоровье.

— А вы?

— Что я?

— Какъ вы относитесь къ его пламенной страсти?

— Васъ это очень интересуетъ?

— Не очень. А немножко все-таки..!

— Никакъ.

— Это что же значитъ, по-вашему?

— Это по-моему вотъ что значитъ: онъ можетъ пылать страстью и ухаживать сколько угодно, но отъ меня не получитъ ничего.

— Мм... не получитъ ничего... Вотъ какая вы.

— Вотъ какая.

— И вы твердо въ себѣ увѣрены? Твердо надѣетесь на себя?

— Какой вы смѣшной. Конечно, твердо увѣрена и надѣюсь.

— То есть, въ чемъ увѣрены? Что господинъ Накатовъ ничего не получитъ? Пожалуй, этому и я повѣрю. Только вѣдь почему не получитъ? Потому что кто нибудь другой?...

— Ни одинъ, ни другой, никто изъ тѣхъ, кто за мной здѣсь ухаживалъ.

— Ого! Ну, позвольте спросить, если явится новый какой нибудь ухаживатель... Ну, напримѣръ, если я вздумалъ бы за вами ухаживать: тоже не получу ничего?

— Не знаю. Попробуйте.

— Что же мнѣ пробовать, если у васъ, можетъ быть, такая система, что вы любите только процессъ ухаживанія?

— Я вамъ не говорила, что у меня такая система.. А у васъ какая система? Вы что любите въ ухаживаніи?

— Скорый результатъ.

— Ну, теперь и я вамъ скажу: вотъ вы какой!

— А я вамъ также отвѣчу: вотъ-съ какой. Такъ какъ же: разрѣшаете мнѣ ухаживать за вами?

— Отчего же нѣтъ?

— И съ моей системой?

— Съ какой угодно.

— А васъ не пугаетъ она?

— Нисколько. Я вообще не изъ пугливыхъ дамъ.

— Вотъ это мы увидимъ. Коли вы не изъ пугливыхъ дамъ, пойдемте-ка сейчасъ дальше, въ глубину парка. Что—страшно?

— Ничуть. Пойдемте. Только куда же мы пойдемъ?

— Хотя на «великокняжескую» скамью—знаете?

— Знаю. Хорошо.

Она встала. Я подалъ ей руку.

— Погодите, сказала она,—мнѣ жарко, возьмите мою накидку.

Она сбросила черную шелковую накидку и порывисто подхватила меня подъ руку, прижимаясь голымъ горячимъ локтемъ. Въ темнотѣ я могъ разглядѣть, что она была одѣта въ легкомъ кашеміровомъ капотѣ съ откидными широкими рукавами, обнажившими руки почти до половины. Волосы ея развились отъ влажнаго воздуха и спадали на полныя покатыя плечи...

VII.

Въ паркѣ было совсѣмъ темно. Мягкій, теплый воздухъ, точно бархатъ, прикасался къ лицу. Истома южной ночи невольно обнимала и нѣжила. Мы нѣсколько минутъ молча шли по средней аллеѣ, поднимаясь въ гору. Рука Нины Павловны крѣпко

прижималась къ моей, и порой я чувствовалъ прикосновеніе ея стана и груди: она была безъ корсета и упругое молодое тѣло ощущалось сквозь тонкую ткань. Я старался разглядѣть лицо моей спутницы, близко наклонился къ нему, но напрасно: въ темнотѣ только виднѣлся неясный бѣловатый обликъ и блескъ глазъ...

— Ну, что-жъ это мы играемъ въ молчанку? прервала, наконецъ, наше безмолвіе Нина Павловна.— Хорошъ кавалеръ: пригласилъ на прогулку и молчитъ, какъ нѣмой.

— Я это нарочно, смѣясь отвѣтилъ я.

— Какъ нарочно? Для чего нарочно?

— Для того, чтобы дать вамъ случай одуматься и раскаяться.

— Въ чемъ раскаяться?

— Въ томъ, что вы рѣшились идти со мной ночью въ «уединенное мѣсто парка», какъ выражаются въ романахъ.

— Да что-жъ тутъ рѣшаться? Подумаешь, какая важность!

— Однако. Вѣдь вы меня совсѣмъ не знаете.

— Такъ что-жъ такое? Вотъ теперь узнаю.

— Да, когда уже будетъ для васъ поздно, когда...

— Что когда?

— Когда погибните.

— Какъ же это я погибну? Отъ васъ, что ли?

— Ну, да, отъ меня.

— Что же вы со мной можете сдѣлать?

— Все.

— Напримѣръ? Ограбить, что ли? Утопить въ прудѣ?

Нина Павловна засмѣялась и прибавила шутливо:

— Можетъ быть, я имѣла удовольствіе познакомиться съ петербургскимъ Рокамболемъ?

— Можетъ быть. Ничего не извѣстно, отвѣчалъ я съ комической мрачностью.

Она опять засмѣялась.

— Ну, тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ это интересно... Но, постойте, мы болтаемъ вздоръ и идемъ Богъ вѣсть куда. Куда вы сворачиваете?

— Какъ куда? Вѣдь вы хотѣли къ «великокняжеской скамейкѣ?

— Это вы хотѣли, а не я. Нѣтъ, я не пойду туда.

— Ага, испугались! А говорили, что не изъ пугливыхъ дамъ.

— Вовсе не испугалась, а далеко туда. И ужасно темно. Просто не видать дороги.

— Ну, ужъ сознайтесь, что струсили.

— Во всякомъ случаѣ, если и струсила, то не васъ, а за васъ.

— Какъ за меня?

— А такъ, что, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ тамъ ограбятъ и меня, да со мною вмѣстѣ и васъ, петербургскій Рокамболь. Теперь порядочно поздно. А тутъ, говорятъ, случается—пошаливаютъ...

— Будто? Я не слыхалъ... Не бойтесь, идемте.

— Нѣтъ... Подождите...

Она вдругъ остановилась и нервно вздрогнула.

— Что вы?

— Посмотрите... тамъ... вы ничего не видите?

— Гдѣ?

— Вотъ, вотъ тамъ... какая-то тѣнь?

— Какая тѣнь? Это просто скамейка.

— Ахъ въ самомъ дѣлѣ, скамейка. А мнѣ показалось, что человѣкъ.

— Видите, я правъ: вы начинаете трусить... О, женщины, женщины, какъ сказалъ Шекспиръ.

— Ну, оставьте ваши глупости.... Я не хочу идти дальше, сядемте здѣсь, на этой скамейкѣ. Куда тамъ еще забираться...

— Сядемте. Мнѣ все равно.

Она высвободила свою руку изъ моей и опустилась на скамью. Я присѣлъ рядомъ. Надъ нами спускалась навѣсомъ сплошная листва высокаго карагача и подъ этимъ навѣсомъ было до того темно, что мы едва различали другъ друга на самомъ близкомъ разстояніи.

— Здѣсь хорошо, груднымъ протяжнымъ тономъ сказала Нина Павловна и даже сладко вздохнула.

— «Здѣсь можно умереть вдвоемъ»... отъ скуки, шутливо докончилъ я, искажая извѣстный стихъ.

— Перестаньте болтать пошлости, съ нѣкоторымъ

неторпѣніемъ замѣтила она.—Давайте лучше говорить по душѣ... Вы можете говорить по душѣ?

— Иногда... отчего же. Только о чемъ же мы съ вами будемъ по душѣ говорить: мы еще такъ мало знакомы.

— Ну, вотъ, давайте знакомиться. Прежде всего о васъ будемъ говорить...

— По правиламъ вѣжливости, слѣдовало бы съ дамы начать...

— Все равно. Будемъ безъ правилъ. Я вообще ненавижу всякія принятыя правила въ жизни.

— Я — тоже. И сказалъ вамъ только такъ, для фразы.

— Пожалуйста, не говорите со мной для фразы. Такъ начнемъ съ васъ. Я васъ буду разспрашивать; приготовьтесь отвѣчать какъ на судѣ свидѣтель: одну правду.

— Слушаю-съ.

VIII.

— Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Конечно, не затѣмъ, чтобы лечиться?

— Представьте себѣ, что да — лечиться.

— Развѣ вы больны?

— Здоровъ какъ сорокъ тысячъ братьевъ, даже, пожалуй, какъ сорокъ тысячъ быковъ.

— Такъ отчего же вы хотите лечиться? Вѣрно отъ здоровья?

— Нѣтъ, видите... какъ бы вамъ это объяснить... Отъ гипертрофіи любви.

— Отъ че-е-го? протянула она и въ ея голосѣ послышалось нѣчто въ родѣ того ужаса, который возбуждали у купчихи Островскаго слова «металлъ» и «жупелъ»...

— Отъ гипертрофіи любви, повторилъ я, самъ смѣясь своему опредѣленію моей болѣзни и нарочно ударяя на медицинскій терминъ.

— Что такое гипер... гипер... какъ вы сказали? Пожалуйста, не говорите мнѣ мудреныхъ вещей. Изъ вашихъ двухъ словъ я поняла только одно.

— Любовь? Ну, еще бы!

Я продолжалъ смѣяться.

— Не смѣйтесь, а лучше, просто объясните мнѣ, что хотѣли сказать... Вѣдь можно просто объяснить?

— Разумѣется, можно. Но видите, что, Нина Павловна: для объясненія мнѣ пришлось бы вамъ разсказать одну мою исторію... интимную.

— Такъ разскажите.

— Извольте. Только съ условіемъ: вы мнѣ потомъ разскажите тоже свою интимную исторію...

— А если у меня ее нѣтъ?

— Ну, есть, какъ не быть. У всякой хорошенькой женщины есть, а ужъ у такой прелестной, какъ вы, и говорить нечего.

— Ну, пожалуйста, бросьте комплементы.

— Такъ принимаете мое условіе?

— Хорошо, хорошо. Разсказывайте скорѣй вашу интимную исторію. Я ужасно люблю интимныя исторіи.

— Да вѣдь моя совсѣмъ не интересна. Видите: я жилъ пять лѣтъ съ одной женщиной...

— Замужней?

— Разводкой. То есть не официальная разводка она была, а то, что называется соломенной вдовой: разъѣхалась съ мужемъ.

— Ну, ну?

— Ну, пять лѣтъ жили мы душа въ душу. Она меня любила, я ее. На шестомъ...

— Я догадываюсь: вы ее разлюбили?

— Нѣтъ.

— Такъ она васъ?

— Нѣтъ. Мы, видите ли... какъ бы это сказать? Ну, мы, по-просту, слишкомъ ужъ пріѣлись другъ другу и рѣшились разстаться.

— Надолго?

— Да насколько придется.

— Для чего же это?

— Чтобы провѣтриться.

— Такъ вы за этимъ сюда и пріѣхали — провѣтриваться?

— За этимъ.

— А что-жъ потомъ?

— Потомъ сойдемся опять. Разумѣется, въ томъ только случаѣ, если...

— Если ваша любовь не вывѣтрится совсѣмъ?

— Ну, да. Вы говорите точь-въ-точь, какъ говорили, мы, когда рѣшились разстаться.

— А скажите-ка: вы все это не соврали мнѣ? Не выдумали сейчасъ, экспромтомъ?

— Помилуйте, зачѣмъ же мнѣ врать и выдумывать?

— Мало ли зачѣмъ. Хотѣли порисоваться.

— Чѣмъ же тутъ рисоваться? Вотъ, позвольте спросить, какого вы мнѣнія обо мнѣ за мой поступокъ?

— Сказать правду, вы мнѣ кажетесь порядочнымъ... шелопаемъ.

— Видите. Сталъ ли бы я рисоваться такъ неудачно, чтобы заслужить себѣ такой нелестный титулъ.

— Ну, кто васъ знаетъ. Вы могли разсчитывать на другое впечатлѣніе.

— А какое теперь ваше впечатлѣніе? Вы меня осуждаете?

— Вообще—да. Судя по вашему разсказу, вы да и ваша любовь тоже...

Она замялась, какъ бы затрудняясь найти подходящее выраженіе.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Говорите прямо. Что же такое, по-вашему, я и моя любовь?

— Одного поля ягоды... петербургскаго...

— Гм... можетъ быть... Ну, разскажите же мнѣ теперь, какія ягоды ростутъ на вашихъ поляхъ — таганрогскихъ?

— Вамъ это интересно?

— Очень.

— Да что же вамъ разсказать. Вы хотите знать, зачѣмъ я пріѣхала сюда? Затѣмъ же, зачѣмъ и вы: лечиться. Только не отъ такой глупой болѣзни, какъ вы...

— Постойте, постойте: это потомъ — вы мнѣ объясните, зачѣмъ вы пріѣхали и отъ чего лечиться. А прежде вотъ что: во-первыхъ, я знаю, что вы замужемъ. Но сколько лѣтъ?

— Господи, какой вы любопытный. Четвертый годъ.

— Супругъ у васъ молодой?

— Молодой. Даже слишкомъ молодъ: двадцати семи.

— Слишкомъ молодъ. Хорошо. Дѣти есть?

— Нѣтъ.

— И не было?

— Да что вы, точно слѣдователь какой или докторъ разспрашиваете!

— Погодите, можетъ я и въ самомъ дѣлѣ окажусь докторомъ. Такъ не было дѣтей?

— Ну, не было.

— Такъ. А не должны ли быть въ непродолжительномъ времени? Вы не беременны?

— Послушайте, что вы за чудакъ? Что за глупый вопросъ? И къ чему это?

— Да позвольте, вы не смущайтесь, сейчасъ увидите къ чему. Такъ не беременны?

— Ахъ, отстаньте. Конечно, нѣтъ, и не думала.

— Отлично. Супруга пзволили дома оставить? Ради Бога, сдержитесь еще минутучку, не гнѣвайтесь, что я васъ допрашиваю — я сейчасъ кончу... Въ Таганрогѣ остался суиругъ?

— Богъ мой, какой вы странный человѣкъ... Нѣтъ, не въ Таганрогѣ. Уѣхалъ въ Крымъ.

— Ага! Сюда къ вамъ не прибудетъ?

— Не знаю.

— Не знаете. Такъ, такъ.

— Да что такъ, такъ?

— А вотъ что, Нина Павловна, сказалъ я, какъ будто нечаянно прикоснувшись къ ея рукѣ,—вотъ что: мнѣ не нужно вашихъ объясненій, зачѣмъ вы сюда пріѣхали. Я и такъ все знаю: вы въ разладѣ съ суиругомъ. Между вами и имъ есть женщина...

IX.

Когда я проговорилъ эти слова, я почувствовалъ, какъ ея рука дрогнула въ моей и она, какъ бы въ испугѣ, отшатнулась. Мнѣ казалось даже, что я вижу, въ темнотѣ ея расширенные отъ удивленія гла-

за. Признаться, я говорилъ ей все это немножко наобумъ. Мнѣ почудилось, что въ ея выраженіи о мужѣ: «даже слишкомъ молодой», прозвучала невольно горькая нотка. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я сообразилъ кое-что и рѣшилъ попытаться разыграть роль отгадчика: попаду, думалъ я, хорошо; нѣтъ — все обращу въ шутку. Но оказалось, что я, какъ говорятъ французы, ухватилъ быка прямо за рога.

— Послушайте, проговорила Нина Павловна, послѣ нѣсколькихъ мгновеній изумленнаго молчанія,— кто вамъ это здѣсь разсказалъ?

— Никто мнѣ, Нина Павловна, ничего здѣсь объ этомъ не разсказывалъ. Самъ я догался.

— Неправда. Почему вы могли догадаться?

— Вѣдь я сказалъ вамъ, что докторъ и притомъ самый дамскій докторъ. Вотъ вы лечиться сюда пріѣхали. Такъ ужъ лечитесь у меня. Лучше доктора вамъ не найти здѣсь.

— Вы все шутите и смѣетесь. Перестаньте. Мнѣ, право, не до шутокъ. Я сама не знаю, что со мной: вы совсѣмъ смутили и разстроили меня...

Въ ея голосѣ слышалась искренняя печаль, почти жалоба. Я снова взялъ ее за руку и, какъ бы съ невольной дружеской настойчивостью пожалъ ее.

— Простите меня. Я не хотѣлъ васъ огорчить. Если я отгадалъ кой-что въ вашей жизни, что вы считали тайной, это случилось, право, нечаянно. И зна-

ете что? Будемъ говорить серьезно. Вы, конечно, меня не знаете совсѣмъ, мы въ первый разъ встрѣтились другъ съ другомъ. И, однако, посмотрите, какъ все у насъ вышло: я сразу отгадалъ про васъ. Повѣрьте, это недаромъ. Или я очень ошибаюсь, или мы будемъ друзьми. Вамъ нуженъ человѣкъ, предъ которымъ вы могли бы высказаться, повѣрить ему все, что васъ смущаетъ, посовѣтоваться. Я не навязываюсь вамъ: вы меня совсѣмъ не знаете. Но не бойтесь быть откровенной со мной: вы въ этомъ не раскаетесь.

На нее видимо подѣйствовалъ мой искренній и участливый тонъ. Она тотчасъ же довѣрчиво поддалась мнѣ, и нашъ разговоръ, начавшійся легкой и шаловливой болтовней, вдругъ, сразу перешелъ въ настоящую дружескую откровенность. Конечно, Нина Павловна сначала немного поколебалась въ искренности и безкорыстности моего участія къ ней, безъ этого она не была бы женщиной. Но когда я разсѣялъ ея сомнѣнія двумя-тремя, въ сущности пустыми и парадоксальными доводами, дѣло пошло какъ по маслу: она передала мнѣ почти свою исповѣдь и притомъ такъ задушевно, точно мы въ самомъ дѣлѣ вѣкъ были знакомы.

X.

Ея интимная исторія оказалась, впрочемъ, одною изъ самыхъ обыкновенныхъ. Она вышла замужъ почти шестнадцатилѣтней дѣвочкой. Бракъ, разумѣется, былъ бракомъ по любви, то есть, вѣрнѣе, по легкомысленному увлеченію и съ ея стороны, и со стороны мужа. Ради замужества она бросила свою семью и даже перемѣнила религію: изъ еврейки сдѣлалась православной. Мальчишка-мужъ первое время въ ней души не чаялъ и быстро израсходовалъ всю ту глупую животную страстность, которая принимается юношами за любовь и испаряется какъ разъ тогда, когда наступаетъ утомленіе чувственности. Уже на другой годъ брака между супругами пошелъ разладъ. Мужъ сталъ скучать и легонько пошаливать на сторонѣ. Жена инстинктивно начала понимать, что онъ охладѣлъ къ ней. Сначала, разумѣется, тосковала, плакала, пыталась дѣлать сцены. Потомъ съ досады бросилась въ притворное кокетничанье съ разными добрыми друзьями мужа, которые въ такихъ случаяхъ всегда подвернутся и постараются услужливыми сплетнями раздуть легкій семейный разладъ въ невыносимыя и прямо враждебныя отношенія. Два года еще прошли въ перемежающейся лихорадкѣ взаимныхъ ссоръ и страстныхъ примиреній между супругами. И какъ разъ въ то время, когда молодая жена сформировалась изъ нерв-

ной и наивной дѣвочки въ женщину, мужъ совсѣмъ отшатнулся отъ нея, увлекшись пошлой интригой съ како-то ничтожной кокоткой изъ провинціальныхъ опереточныхъ звѣздъ. Кокотка завертѣла его до одуренія. Интрига была ведена грубо, нагло, гласно, почти на глазахъ у жены. Въ молодой женщинѣ оскорблено было все, что только можно оскорбить: самолюбіе, первые, еще свѣтлые, инстинкты любви, достоинство жены, уваженіе къ самой себѣ и къ мужу. Въ ея глазахъ человѣкъ, котораго она если не любила, то все-таки по-дѣтски, по институтски обожала, которымъ увлеклась—этотъ человѣкъ вдругъ разоблачился весь, выказался нравственной дрянью, пошлымъ, безхарактернымъ, низкимъ. Она не могла сладить съ своимъ положеніемъ и не хотѣла примириться съ нимъ изъ гордости. Она была возмущена и обнаружила рѣзкій протестъ. Вышелъ разрывъ, скандальный и горькій разрывъ. Мужъ уѣхалъ съ своей любовницей. Жена, разбитая нравственно, измученная, разстроенная, растерянная, рѣшила махнуть на него рукой и... и въ отместку ему за оскорбленное чувство начала бравировать, если не въ серьезъ, то хотя для виду, для молвы. Пусть мужъ узнаетъ, услышитъ и пойметъ, что она съ своей стороны тоже можетъ оскорбить, бросить въ него тою грязью, которою онъ забросалъ ее... На самомъ же дѣлѣ она жаждала успокоить свои возбужденные нервы, заглушить хоть чѣмъ нибудь, хоть искусственными

развлеченіями и выходками, глубокую тоску молодого сердца...

Она все это разсказала мнѣ несвязно, торопливо, съ лихорадочнымъ оживленіемъ и въ то же самое время — какъ это не противорѣчило общему тону нервнаго разсказа—съ какимъ-то дѣланнымъ равнодушіемъ, точно не о себѣ говорила, а о другой женщинѣ. Я вслушивался не столько во внѣшнія подробности ея разсказа—онѣ были очень обыкновенны, почти банальны, я много разъ слышалъ подобныя подробности отъ «дамъ, въ замужествѣ несчастныхъ»—я вслушивался въ ея голосъ, нѣжный, съ чудными грудными нотами, тихо дрожавшими въ ночной тишинѣ какимъ-то возбуждающимъ шопотомъ. Въ увлеченіи разсказомъ, она близко наклонялась ко мнѣ, касалась иногда меня рукой, колѣнами. Я не принадлежу къ числу разсчетливыхъ соблазнителей, которые хладнокровно готовы слушать все, что бы ни говорила передъ ними женщина, даже ея искреннія жалобы, даже рыданія, и думать въ это время о томъ только, какъ бы уловить «моментъ» для соблазна. Напротивъ, я способенъ увлечься самымъ полнымъ, моральнымъ участіемъ къ женщинѣ, забывъ обо всемъ остальномъ. Но, каюсь, на этотъ разъ, все то время, когда она говорила мнѣ свою «исповѣдь», я думалъ совсѣмъ не о томъ, какъ бы дружески ее утѣшить и успокоить. Ея милыя, наивныя жалобы почему-то дразнили мою чувствен-

ность, поднимали нервы. У меня неотступно стояла въ головѣ одна мысль: воспользоваться врасплохъ ея возбужденнымъ состояніемъ. Еслибы она могла видѣть въ темнотѣ, какая скверная улыбка блуждала у меня на губахъ, она бы разомъ прервала свою довѣрчивость и убѣжала отъ меня. «Чортъ знаетъ, думалъ я, это ужасно интересно, овладѣть ею сразу, теперь же. Какъ она отдастся! Какъ потомъ будетъ раскаяваться и въ то же время будетъ довольна, утѣшена. Какое наслажденіе дастъ она, обжегшись сразу на томъ огонькѣ, вокругъ котораго думаетъ игриво полетать съ цѣлью отмстить дураку-мужу, не умѣвшему оцѣнить такой прелести. Надо это сдѣлать съ нею, надо не дать ей опомниться и неожиданно взять ее, всю еще трепещущую отъ жгучей боли сердечныхъ ранъ и полную жаждою неиспытанныхъ еще чаръ жизни. Надо заставить ее забыть эту боль въ страстномъ увлеченіи, совсѣмъ новомъ для нея. Это все ужасно интересно, ужасно...»

И странное дѣло: въ то время, какъ я думалъ такъ про себя и волновался почти до замиранія сердца, мнѣ почему-то сдавалось, что и она чувствуетъ то же самое, что она сейчасъ склонится ко мнѣ, что она томится и ждетъ, ждетъ...

Я былъ правъ: она томилась, ждала и черезъ нѣсколько мгновеній все вышло такъ, какъ я разду-

мывалъ, все, за исключеніемъ конца: въ концѣ случилось нѣчто совершенно странное, почти даже дикое и неожиданное...

XI.

Выслушавъ признанія Нины Павловны о ея разладѣ съ мужемъ, я замѣтилъ ей тономъ самаго дружескаго участія:

— Вы почти все разсказали мнѣ про себя. Будьте искренни до конца и признайтесь: вѣдь вы тоже чай, увлекались, измѣняли супругу?

— Никогда! воскликнула она горячо и потомъ прибавила, какъ бы съ сожалѣніемъ: въ томъ-то и дѣло, что никогда, ни разу.

— Какъ ни разу? Быть не можетъ. Ну, а въ эти антракты, между ссорами и примиреніями? Когда—вы говорили—за вами ухаживали разные «друзья» мужа? Неужто вы не увлеклись ни съ кѣмъ? Хотя не изъ любви, а такъ, изъ досады на вѣтренность супруга, изъ злости, наконецъ просто изъ любопытства?

— Ахъ, конечно, дурачества были... Я позволяла себѣ и моимъ поклонникамъ всякій вздоръ... Ну, признанія, страданія, утѣшенія...

— Вздохи, охи, поцѣлуи и все прочее? подхватилъ я.

— Пожалуй, и поцѣлуи, но только безъ всего прочаго.

— Честное слово? Не вѣрю я вамъ, Нина Павловна.

— Какъ хотите. А я говорю правду.

— Да какъ же вы удержались? Вѣдь дѣло очень скользкое.

— Такъ вотъ и удержалась. Глупа, должно быть, была.

— Ну, а теперь какъ — поумнѣли?

— Теперь поумнѣла.

— Такъ что, если бы увлеклись кѣмъ нибудь, одними поцѣлуями ужъ не ограничитесь?

— Не знаю. Какъ случится.

— А хочется, чтобы случилось?

— Какой вы... Какъ смѣшно допрашиваете.

Она въ самомъ дѣлѣ разсмѣялась, немножко встрѣвоженнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышались взволнованныя нотки.

— Помилуйте, что вамъ тутъ кажется смѣшнымъ? Я совершенно серьезно говорю. Вѣдь, сознайтесь, конечно, вамъ было бы пріятно, еслибы явился какой нибудь этакій Мефистофель и вдругъ толкнулъ васъ на грѣхъ, такъ что вы бы и опомниться не успѣли?

Она чуть-чуть помолчала, какъ бы раздумывая о моихъ словахъ, и затѣмъ сдѣлала мнѣ лукавымъ тономъ именно тотъ вопросъ, какой я ожидалъ:

— Ужъ не вы ли хотите сыграть роль такого Мефистофеля?

— А что вы думаете?

Я близко наклонился, взялъ ее за обѣ руки и тихо, медленно пожалъ ихъ. Ея руки были горячи и слегка дрожали; она сдѣлала движеніе, желая отстраниться отъ меня.

— Перестаньте, тихо сказала она и потомъ, какъ будто отложивъ свою попытку отстраниться, осталась неподвижной и прибавила:

— Какія у васъ мягкія руки: точно женскія... А еще хочетъ быть Мефистофелемъ—съ такими-то руками.

— Да вѣдь Мефистофель-то ангеломъ былъ прежде, Нина Павловна, такъ у него руки именно должны быть мягкія и нѣжныя; а какъ вы думаете?

— Я ничего не думаю, а только вижу, что вы, въ самомъ дѣлѣ, начинаете, какъ чортъ, искушать меня. Ну, довольно, довольно. Оставьте ваше цѣлованіе рукъ: право, это глупо и я разсержусь на васъ.

— Сердитесь. Я очень люблю, когда женщина сердится.

— Что же для васъ хорошаго, если мы поссоримся съ первой же встрѣчи?

— Очень много хорошаго. На вторую встрѣчу будетъ примиреніе, а примиреніе всегда кончается поцѣлуями.

— Вотъ какъ! Вы уже о поцѣлуяхъ начинаете

думать? Даже, можетъ быть, уже и о «всемъ прочемъ», какъ вы выражаетесь? Слишкомъ скоро, господинъ Аргунинъ.

— Ну, что! Ничего: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Послушайте, да что вы вообразили, въ самомъ дѣлѣ? Пойдемте... Пора. Ужъ поздно.

Она видимо волновалась и сдѣлала движеніе встать. Я удержалъ ее.

— Подождите, Нина Павловна. Куда вы торопитесь?

— Спать.

— Въ такую-то ночь? Это преступленіе. И притомъ: мы только что дошли до интересныхъ вещей, а вы—спать...

— Нѣтъ, безъ шутокъ; я чувствую себя усталой... У меня ноютъ нервы... А съ вашими интересными разговорами Богъ знаетъ до чего дойдешь.

Въ ея голосѣ слышалась невольная тревога.

— Ну, вотъ, вижу, что вы такая, какъ всѣ.

И я комически пропѣлъ изъ дуэта Донъ-Жуана съ Церлиной:

«Ахъ, я боюсь всего!»

— А вы не такой, какъ всѣ? Разговорились съ участіемъ, какъ порядочный человѣкъ. Я было начала думать: какой милый... А вы вдругъ свернули на пустую игру, выказали себя ловеласомъ... Да еще, пожалуй, пошлымъ ловеласомъ...

— И все дѣло испортилъ? сказалъ я разсмѣяв-

шись. Поправлю, сейчасъ же поправлю. Перейдемте къ прежней искренности. Оставивъ всякіе ловеласническіе подходы, попробуемъ разсуждать по-дружески и резонно. Вотъ что я хотѣлъ васъ спросить, Нина Павловна: васъ мучаетъ тоска. Такъ вѣдь? Да?

— Да.

XII.

Я сталъ развивать передъ ней свою теорію. Она пріѣхала забыться, успокоить разбитые нервы. Хорошо. Если она влюбится, какъ слѣдуетъ, серьезно, со всякими перипетіями страсти, это только еще больше надломитъ ее, и безъ того уже надломленную. Это ее только измучаетъ и ничего не поправитъ.

— Къ чему это вы все ведете? перебила она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Подождите немножко. Вы увидите сейчасъ къ чему. Недаромъ я вамъ назвался дамскимъ докторомъ. Я хочу вамъ дать медицинскій совѣтъ: вамъ слѣдуетъ лечиться не сильными увлеченіями, а легкими. Вы согласны съ этимъ?

— Пожалуй, согласна, хотя вы говорите ужасный вздоръ. И какой вы докторъ? Вы смотрите на женщинъ просто какъ фатъ, какъ дурачащійся повѣса. Перестаньте пожалуйста.

— Вотъ, вотъ, такъ и зналъ! Начни говорить

серьезно, прямо резонно: сейчасъ—фатъ, повѣса... Очень вамъ благодаренъ. Ей-Богу, я обижусь.

— Какъ хотите. Только какъ же иначе о васъ думать? Вѣдь вы все это говорите зачѣмъ?

— Ну, ну, зачѣмъ?

— Понятно, зачѣмъ... Ахъ, господа, всѣ-то вы, всѣ на одинъ покрой... Вы совѣтуете мнѣ: займитесь легкой интрижкой. И ужъ, конечно, ни съ кѣмъ инымъ, какъ съ вами—такъ?

— Совершенно справедливо изволите разсуждать. И даже еще больше прибавлю: на любовь-то я не способенъ, то есть на настоящую любовь. На этотъ счетъ я, какъ говорится, былъ, да весь вышелъ. Ну, а на легкую интрижку, какъ вы сказали, я даже очень годенъ. Окажусь даже интереснымъ. Въ этомъ отношеніи не сомнѣвайтесь.

— Я и не сомнѣваюсь. Окажетесь такимъ же, какъ и другіе.

— Нѣтъ-съ, не такимъ, какъ другіе. Другіе-то васъ обманывать будутъ, пошло и грубо притворяться и ломаться и еще пошлѣе и грубѣе увлекаться. А я-то, вы видите, не обманываю ни себя, ни васъ, не притворяюсь, а съ перваго же раза оказываюсь откровеннымъ.

— Даже черезчуръ откровеннымъ... Господи, какой вы испорченный человѣкъ... Въ концъ испорченный. И, что всего хуже въ васъ: ваша испорченность можетъ нравиться, можетъ...

Она не договорила, какъ будто какая-то тайная мысль невольно переполнила ея душу и отвлекла ее куда то далеко.

— Что можетъ? спросилъ я.

Она продолжала молчать и думать. Я еще разъ настойчиво обратился къ ней.

— Что можетъ? Что вы хотѣли сказать?

— Увлечь, коротко, какимъ-то упавшимъ голосомъ отвѣтила она и, быстро поднявшись, прибавила:

— Довольно объ этомъ. Пойдемте. Вы меня взволновали вашими разговорами. Пойдемте.

Я порывисто схватилъ ее за руку и потянулъ къ себѣ. Она уступила и опустилась на скамью, какъ бы въ безсиліи покоряясь мнѣ.

— Куда идти. Подождите. Вы сами говорите, что взволнованы. Вамъ надо успокоиться...

Я чувствовалъ, что ея рука дрожитъ, и крѣпко сжалъ ее. Ея нервное волненіе, близость ея молодого тѣла, прикосновеніе котораго я ощущалъ—все это взволновало меня до одуренія. Я не могъ сдержать порыва страсти. Я наклонился къ ней, обнялъ ее и страстно сталъ цѣловать ея руки, шею. Она вся встрепенулась, какъ будто отъ испуга, пыталась вырваться, проговорила дрожащимъ, слабѣющимъ голосомъ: «ради Бога, мсье Аргунинъ... пустите меня... оставьте»... и затѣмъ, замирая и шепча: «ахъ, я не могу», не могу приникла ко мнѣ съ трепетнымъ, горячимъ и долгимъ поцѣлуемъ...

Вдругъ ея зубы судорожно сжались и я мгновенно почувствовалъ на своихъ губахъ рѣзкую, жгучую боль. Я отшатнулся отъ нея, какъ ужаленный.

— Нина Павловна, что съ вами?

Въ отвѣтъ я услышалъ рыданія. Она билась въ моихъ рукахъ, какъ подстрѣленная птица. Что такое съ нею? Въ испугѣ я нащупалъ въ боковомъ карманѣ портсигаръ, вынулъ спичку, зажегъ и освѣтилъ ея лицо: откинувшись на спинку скамьи, она лежала въ истерическомъ припадкѣ, съ блѣднымъ, какъ у мертвой, лицомъ, съ похолодѣвшими руками.

Нина Павловна, ради Бога, очнитесь, придите въ себя, говорилъ я, наклоняясь къ ней и стараясь удержать ее.

Она продолжала рыдать судорожно, неудержимо. И ея горячія слезы порой скатывались мнѣ на руки...

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ она очнулась, вздрогнула и быстро приподнялась.

— Боже мой, что такое, что со мною было? прошептала она въ испугѣ.

— Ничего. Съ вами сдѣлался нервный припадокъ.

— Ахъ, простите меня... я не знаю, что это такое... Я такъ разстроена... я совсѣмъ разбита... я больна... Бога ради, отведите меня, отведите домой!.. Скорѣй... пойдемте!

— Подождите. Вы едва стоите на ногахъ. Я сей-

часъ пойду, обмочу платокъ въ рѣчкѣ. Вамъ надо освѣжить голову.

— Ахъ, да, воды... пожалуйста... потерянно и жалобно говорила она.

Я хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я боюсь остаться одна... Не ходите, не надо... Теперь ничего... Все прошло. Я могу дойти. Дайте руку. Пойдемъ.

Она тяжело оперлась на мою руку, и я повелъ ее, поддерживая за талію. Она шла какъ больная, разслабленная, тяжело дыша. Нервныя рыданія, порой, опять подступали къ ней. Я ее успокаивалъ. Она пыталась говорить. Умоляла не осуждать ее, не думать о ней дурно, не смѣяться надъ ней. Конечно, она показалась смѣшной. И все это такъ глупо и дико вышло. Она сама не понимаетъ, что это такое съ нею было, какъ все случилось. Можетъ быть, это ея нервы. Или купанья въ нарзанѣ такъ странно подѣйствовали на нее. Надо посовѣтоваться съ докторомъ. Да, надо, непремѣнно. А то это Богъ знаетъ, что такое...

— Только не съ такимъ, каяъ вы, прибавила она уже не нервическимъ, а немножко даже насмѣшливымъ тономъ.

Я вздохнулъ свободнѣе. «Ну, слава Богу: наконецъ-то, кажется, отходитъ вся чепуха», подумалъ я про себя. Признаться, я, какъ Онѣгинъ, отъ юныхъ лѣтъ не только терпѣть не могъ «трагикомическихъ

явленій, дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ», но даже всегда боялся ихъ: они самого меня приводятъ въ нервное состояніе...

На ея замѣчаніе по поводу доктора, я отвѣтилъ ей въ ея же тонѣ:

— А развѣ я не оказался хорошимъ докторомъ? Право, я могу вамъ сказать, какъ Чацкій:

Я это вамъ сейчасъ явилъ
Моимъ усерднѣйшимъ стараньемъ
И прысканьемъ и оттираньемъ,
Не знаю для кого, а васъ я воскресилъ.

— Да, послѣ того какъ Богъ знаетъ до чего довели меня своими разговорами... Но перестанемъ шутить. Мнѣ, право, не до того. Въ самомъ дѣлѣ, вы доказали мнѣ, что вы... что вы... добрый.

— То-то вотъ и есть. А вы-то какая злая оказались: даже укусили меня.

— Ради Бога, не смѣйтесь надо мною. Пощадите меня. Я понимаю, что я Богъ знаетъ чѣмъ вамъ должна показаться... Но все это, увѣряю васъ, вышло я сама не знаю какъ...

Въ ея голосѣ опять заслышались слезы. Я постарался ее успокоить. Мы скоро дошли до гостинницы «Паркъ», гдѣ она жила. Было уже поздно. Заспанный швейцаръ отворилъ намъ дверь подъѣзда. Въ широкомъ корридорѣ горѣла одна лампа, слабо освѣщая его. Я довелъ Нину Павловну до ея номера.

— Благодарю. До свиданія. До завтра, сказала она, остановившись у дверей и протягивая мнѣ руку.

Я наклонился и поцѣловалъ ее; она отвѣтила мнѣ дружескимъ поцѣлуемъ въ лобъ.

— А не зайти ли мнѣ къ вамъ? Вѣдь можно? спросилъ я, удерживая ее за руку и смотря ей въ глаза.

Она вспыхнула.

— Будьте хорошій, какъ-то потупляясь, печально отвѣтила она: пощадите меня сегодня...

Въ ея голосѣ слышалась мольба. Она скользнула въ дверь и скрылась...

XIII.

Прійдя домой я долго не могъ заснуть. Нервы были взбудоражены. Передо мной проходили раздражающія воспоминанія встрѣчи съ Ниной Павловной, окончившейся такой странной сценой.

«Какая женщина, какая женщина!» твердилъ я, вызывая ея образъ въ своемъ воображеніи. Что такое было съ ней? Болѣзненный припадокъ? Порывъ нервной страстности? Какъ-то завтра покажется она мнѣ? Посмотримъ. А начало есть. И интересное начало. Стоитъ продолжать: съ этой женщиной не соскучишься. Одно вотъ скверно: это слезы, истерика. Дурная провинціальная замашка... Ну, да Богъ

дастъ, отъ этого отучится... Какое у нея лицо и глаза! Оригинальный типъ. Глаза и ротъ напоминаютъ «La bella di Tiziano» въ галлереѣ Питти, конечно, съ легкимъ оттѣнкомъ россійской простоты и тупости. Я, впрочемъ, люблю россійскую простоту и тупость въ нашихъ женщинахъ. Тутъ какая-то смѣсь покорной наивности и самой подлой разнузданности. Немножко восточнаго рабства и кокоточной свободы. Какъ она мило волновалась, когда сказала, что моя «искренность» можетъ «увлечь». И откуда въ нихъ это пониманіе? Вотъ, подумаешь: въ какомъ нибудь Таганрогѣ, какая нибудь провинціальная дамочка, и вдругъ въ ней оказывается инстинктивное стремленіе къ очень тонкому анализу страстныхъ влеченій. Удивительно. Загадка, загадка... И все это очень завлекательно и мило, и съ моей стороны можетъ очень гадко... Что такое гадко?.. Да: загадка — гадко. За-га-дка»...

На этомъ словѣ я заснулъ. Спалъ я тревожно и часто просыпался. Къ утру меня посѣтили какія-то смутныя, долго непрерывавшіяся грезы. Мнѣ казалось, что я спѣшу на театральное представленіе. Гдѣ-то высоко, высоко слышится музыка. Кажется, вальсъ «Il bassio». Нѣтъ, это изъ «Риголетто» тотъ самый страстный мотивъ: «Bella figlia del amore»... Значитъ представленіе началось. Надо спѣшить, а то опоздаешь. Куда же идти? Туда, туда, высоко. Вонъ лѣстница. Я иду по лѣстницѣ, тороплюсь, но

никакъ не могу добраться: на ногахъ точно пудовыя гири. Я дѣлаю страшныя усилія. Наконецъ, измученный, я добрался до верхней площадки. Вотъ дверь. Музыка слышна совсѣмъ близко. Сквозь просвѣтъ двери виденъ театральный залъ и даже мелькнулъ кончикъ малиновой занавѣси, складки которой подхвачены золотыми кистями. Вхожу въ дверь. Оказывается, это не мое мѣсто; я попалъ въ чужую ложу. Сидятъ какія-то три незнакомыя дамы въ черномъ. Одна изъ нихъ закрылась вѣеромъ и изъ-подъ него тихо шепчетъ мнѣ: «пощадите меня сегодня». Ахъ, чортъ возьми, я не туда попалъ. Ворочаюсь назадъ, внизъ по лѣстницѣ. Спускаться еще тяжелѣе, чѣмъ подниматься: ноги точно отнялись, онѣмѣли, я едва могу переступать. Я задыхаюся. И все меня мучаетъ неотступная мысль, что представленіе уже началось и кончится скоро и я ничего не увижу. Спустился, однако. Ну, слава Богу! Вышелъ съ лѣстницы на какой-то широкій, круглый дворъ. А, вотъ та дверь, которая ведетъ въ мою ложу, вонъ она на противоположномъ концѣ двора. Быстро перебѣгаю дворъ. Чрезвычайно радуюсь, что гири съ моихъ ногъ сняли, и я могу свободно двигаться. Бросаюсь опять въ дверь, опять лѣстница: одна, двѣ, три лѣстницы. Боже мой, да по которой же мнѣ идти? Ахъ, вотъ по этой. Почти лечу наверхъ. Вдругъ въ ужасѣ останавливаюсь, взглянувъ на свои ноги: я безъ сапогъ. Какъ же я войду такъ въ театръ? Гдѣ са-

ноги? Оглядываюсь: около меня груда сапогъ. Хватаю и начинаю надѣвать одни, другіе, третьи. Они узки, не лѣзутъ. «Тьфу, чортъ возьми, да что же это?» восклицаю я въ отчаяніи... и просыпаюсь.

— Тьфу, чортъ возьми, да что же это, какъ вы заспались сегодня? слышу я голосъ всероссійскаго генерала.

Кажется, это ужъ не во снѣ. Оглядываюсь: Павелъ Петровичъ, откинувъ занавѣску окна, снаружи засматриваетъ ко мнѣ своими строгими, но въ то же самое время и улыбающимися очами.

— Не стыдно, а? Спитъ до девяти часовъ! На водахъ! Музыку пронустилъ! Хорошъ!

— Ахъ, я дѣйствительно заспался, кажется...

— Кажется! Чего тутъ казаться. Вѣрныхъ девять часовъ. Я ужъ иронарзанился. И чай васъ пить ждалъ. А вчера обѣщались чай пить вмѣстѣ. Вставайте же. Какое масло! Прелесть!

— Извините, Павелъ Петровичъ. Вчера я поздно легъ...

— Знаю. Да гдѣ это вы заполуночничали? Я васъ въ казенной гостинницѣ искалъ! думалъ, вы ужинать пошли. Тутъ одинъ литераторъ желалъ съ вами познакомиться, такъ мы съ нимъ васъ вечеромъ все поджидали.

— Какой литераторъ?

— Да, вотъ, какъ его... чортъ его совсѣмъ возьми! Забылъ. Кочерыжкинъ или Балаболкинъ, что ли.

Эдакая какая-то фамилія... Непремѣнно просилъ познакомить съ вами. Въ Петербургѣ, говоритъ, о васъ много слышалъ.

— Ну, Богъ съ нимъ, съ литераторомъ.

— Да вы куда же это вчера пропали?

— Въ паркѣ гулялъ, потомъ на водопадъ ходилъ, солгалъ я.

— Ночью-то на водопадъ. Фантазія! Ну, вставайте же, вставайте. Приходите чай пить.

— Сейчасъ.

— А какъ же: нарзаниться развѣ не будете?

— Надо бы. Голова что-то тяжела.

— Не спите до девяти часовъ. Ну, ладно. Идите нарзаниться. Я подожду. Вѣдь вы скоро?

— Черезъ полчаса буду къ вашимъ услугамъ.

Генералъ ушелъ. Я поспѣшно одѣлся и побѣжалъ въ галлерею окунуться въ чистомъ нарзанѣ. Я вообще люблю холодную ванну, но ванна нарзана несравненна. Жаль, что здѣшній бассейнъ малъ, мелокъ и дурно устроенъ. Плавать почти невозможно, а какое это наслажденіе плавать въ нарзанѣ! При каждомъ вашемъ движеніи вода кипитъ и играетъ, точно шампанское. На поверхности кожи чувствуется легкое, пріятное покалываніе и масса мелкихъ золотыхъ пузырьковъ приникаетъ къ ней. Когда проводишь по кожѣ рукой, то ощущаешь какое-то странное впечатлѣніе: точно гладишь бархатъ.

Не смотря, однако же, на прелесть купанья, въ

бассейнѣ много купальщиковъ не бываетъ: не всѣ выносятъ двѣнадцати-градусную температуру источника...

Случилось въ этотъ разъ такъ, что я купался одинъ. Только подъ конецъ пришелъ какой-то пожилыхъ лѣтъ блондинъ, золотушнаго вида, съ тонкими, длинными ногами въ видѣ икса. Онъ остановился у края бассейна и началъ внимательно присматриваться, какъ я купаюсь.

— Экій вы счастливецъ, со вздохомъ зависти произнесъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Почему же счастливецъ?

— Да вотъ, купаетесь...

— Это счастье очень легко испытать и вамъ: стоитъ только заплатить двадцать коиѣекъ и рѣшиться...

— То-то вотъ рѣшиться-то. Не всякій можетъ рѣшиться. Да и рѣшился бы, такъ, пожалуй, не вынесешь. Я вотъ и въ двадцати-восьми-градусной ваннѣ едва пять минутъ высиживаю: въ боку у меня колетъ и голова кружиться начинаетъ. А ужъ тутъ, въ чистомъ-то, помилуйте: это мука, я полагаю, сущая. Пожалуй, и совсѣмъ умрешь.

— Я разсмѣялся.

— Такъ что же вы завидуете другимъ, коли, по-вашему, это мука?

— Ахъ, помилуйте, какъ-же-съ не завидовать: вы здоровье пріобрѣтаете, бодрость, а я не могу.

— Да развѣ вы нездоровы?

— Нѣтъ-съ, ничего, слава Богу. Только вотъ бодрости мнѣ нужно бы побольше. Этого нужно.

— Зачѣмъ же вамъ такъ занадобилась бодрость?

— Да, изволите видѣть, я женатъ. Три года. И супруга у меня, надо вамъ сказать, въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Прекрасная женщина, но, знаете, эдакая требовательность въ ней дамская. Зачѣмъ, говоритъ, ты такой развихляй.

— Какъ? спросилъ я, не совсѣмъ дослышавъ.

— Развихляй-съ. Это, понимаете, она такъ выражается, напримѣръ, про то, что у меня въ фигурѣ нѣтъ бодраго вида. Знаете, дамы бываютъ на этотъ счетъ прихотливы. А ужъ это не отъ насъ, отъ Бога-съ, фигура-то. Какъ вы полагаете: вѣдь отъ Бога?

— Ну, само собой отъ Бога.

— Ну, вотъ-съ. Я ей то же говорю. Да вѣдь у дамъ, коли капризъ, онѣ знать ничего не желаютъ. Жена, изволите видѣть, въ воображеніе себѣ взяла, что меня поправить на этотъ счетъ можно.

— То есть какъ же это поправить?

— Фигуру-съ мою. Тебѣ, говоритъ, надо брать минеральныя ванны. Тогда, говоритъ, у тебя видъ совсѣмъ другой будетъ. Какъ вы предполагаете, можетъ это случиться-съ?

— Что можетъ случиться?

— Что фигура у меня перемѣнится отъ минеральной воды.

— Ужъ не знаю, право. Вѣдь вы сказали, что берете теплую ванну изъ нарзана?

— Теплую беру-съ, аккуратно, каждый день.

— Что же, какъ?

— Да по мнѣ—ничего-съ. Никакого дѣйствія не оказываетъ.

— Никакого?

— Ни малѣйшаго. И жена тоже примѣчаетъ. Нѣтъ, говоритъ, какъ былъ ты развихляй, такъ развихляй и есть. Ты бы, говоритъ, попробовалъ цѣльный нарзанъ. Вотъ тогда...

— Что же, попробуйте, угодите супругѣ.

— Помилуйте, я бы съ охотою... Да смерть моя, боюсь. Вѣдь, говорятъ, какъ влѣзешь, такъ ошпариваетъ, словно крапивой стегаютъ.

— Полноте, что за вздоръ. Стоитъ разъ только, а потомъ привыкните.

— Жутко, охъ, жутко. Боюсь-съ. Вотъ такъ подойдешь, посмотришь, какъ другіе купаются, думаешь, авось примѣромъ соблазнишься. Нѣтъ, не могу дерзнуть. Постоишь, постоишь, да ни съ чѣмъ и отойдешь. А жена пристаетъ: что-жъ, купался? Нѣтъ, душенька, духа не хватаетъ. Ну, говоритъ, это съ твоей стороны даже просто подлость выходитъ... Вотъ какое положеніе-съ, посудите.

Я согласился, что положеніе въ своемъ родѣ хуже губернаторскаго...

XIV.

Около полудня я пошелъ къ Нинѣ Павловнѣ, думая застать ее дома; но разсчетъ мой оказался ошибочнымъ: я нашелъ ее въ бесѣдкѣ передъ гостинницей и притомъ не одну, а въ мужской компаніи.

Подходя къ бесѣдкѣ, я увидѣлъ цѣлую «живую картину». Нина Павловна въ изящномъ утреннемъ капотѣ матово-голубого цвѣта, съ отдѣлкой изъ русскихъ кружевъ, сидѣла на садовой скамейкѣ въ скромной позѣ невинной и трудолюбивой Маргариты. Тонкими пальцами лѣвой руки, которые казались ярко-розовыми отъ горячаго луча солнца, пробравшагося сверху, сквозь листву дикаго винограда, сплошь обвившаго бесѣдку, она придерживала кусокъ канвы съ начатой вышивкой. Обнажившаяся изъ-подъ широкаго рукава капота правая рука ея медленно и старательно выдѣлывала вышивальной иглой крестики узора. Глаза Нины Павловны были опущены на вышивку и все ея вниманіе, казалось, поглощено работой.

Сзади Нины Павловны, опираясь грудью на высокую спинку скамейки, стоялъ казакъ Накатовъ, покусывая усы крупными бѣлыми зубами. Гусарикъ Вержбицкій помѣщался просто на полу у ея ногъ и держалъ изящную ажурную корзинку съ шелками для вышиванія, ножницами и прочими принадлеж-

ностями дамской работы. По правую сторону Нины Павловны сидѣлъ, утрированно развалясь, точно изломавшись, закинувъ сухія и длинныя ноги одна на другую, тонкій и угловатый, узко, куцо и пестро одѣтый пожилой блондинъ, если судить по рыжей бородкѣ, такъ какъ волосы на его головѣ были подстрижены до возможнаго минимума и черепъ вслѣдствіе этого казался покрытымъ какимъ-то рѣдкимъ пухомъ неопредѣленнаго цвѣта. По лѣвую сторону, какъ будто въ симметрію изломавшемуся статскому, красовался не менѣе изломавшійся военный: это былъ высокій офицеръ, судя по академическому значку и аксельбантамъ, изъ штабныхъ, съ розовыми щеками, впадавшими въ синеву тамъ, гдѣ ихъ коснулась бритва, съ элегантными усами и не менѣе элегантнымъ капулемъ. Изъ-подъ бѣлаго, какъ снѣгъ, кителя, не смотря на «водяную» свободу и жару, все-таки застегнутаго на глухо, виднѣлись синіе панталоны съ толстымъ краснымъ кантомъ. Въ шикарномъ покроѣ панталонъ перемѣшивалась условная строгость военной формы съ нѣкоторой вольностью моднаго франтовства. Та же самая вольность проглядывала и въ томъ, что, вмѣсто сапогъ, ноги офицера облекались изящными башмаками съ пряжкой и со шпорами, которыми обладатель ихъ время отъ времени ловко побрякивалъ, производя совершенно «малиновый звонъ».

Вся эта группа видна была мнѣ, точно въ рамѣ,

въ просвѣтѣ входной стороны бесѣдки, свободной отъ окутывавшей ее листвы ползучихъ растеній и цвѣтовъ. Я немного пріостановился въ раздумьи, идти ли мнѣ въ эту незнакомую компанію или вернуться назадъ? Изъ бесѣдки доносились два голоса: одинъ дребезжащій и визгливый теноркъ, рѣзкая, надорванная интонація котораго невольно мнѣ напоминала ужасныя выкрикиванья петербургскихъ селедочницъ: «селедти голанскія, селедти»; другой, солидный, увѣренный баритонъ, съ утонченною чеканкою на каждомъ слогѣ, съ пріятнымъ, хотя, очевидно, искусственнымъ грасированіемъ. Теноркомъ взвизгивалъ статскій; баритономъ заливался офицеръ. Повидимому, у нихъ шелъ оживленный споръ.

— Согласитесь, однако, выкрикивалъ статскій, волнуясь такъ, что кровь бросалась ему не только въ лицо, но даже приливала къ черепу, и при этомъ страшно жестикулируя, почти, можно сказать, подергивая руками и ногами,—согласитесь, что у насъ всѣ эти такъ называемыя теперешнія реформы военныя—все это вздоръ, перемѣны неважныхъ мелочей, мундировъ, кантовъ, петличекъ и ничего больше. На Западѣ мы видимъ не то: на Западѣ...

— Позвольте—авторитетно и не горячась перебивалъ офицеръ,—позвольте: вы говорите, перемѣны мелочей. Въ военномъ дѣлѣ то, что вы считаете мелочами и притомъ мелочами неважными,—въ воен-

— Нѣтъ, не бывалъ. Но я участвовалъ въ коммиссіи по вопросамъ цѣлесообразнаго улучшенія вооруженія арміи.

— А, отрывисто молвилъ казакъ,—въ коммисіи...

— Да. И изучилъ всѣ детали вопроса... Итакъ, повторяю: мы различаемъ два момента — моментъ взмаха...

XV.

Но въ этотъ моментъ у входа въ бесѣдку появился вашъ покорный слуга. Неожиданное мое появленіе прервало интересную лекцію о шашкѣ новаго образца. Я раскланялся съ Ниной Павловной. Она протянула мнѣ руку и съ чуть-чуть дрогнувшей на ея губахъ усмѣшкой спросила меня:

— Какъ себя чувствуете послѣ вчерашней прогулки?

— Ничего. Какъ вы?

— Я дурно спала ночь.

Казакъ вдругъ какъ будто весь встрепенулся, метнулъ исподлобья взглядомъ на меня и потомъ перевелъ глаза на Нину Павловну.

— Развѣ вы вчера вечеромъ гуляли, Нина Павловна? спросилъ онъ.

— Да, гуляла. Съ мосье Аргунинымъ. Ахъ, вы, господа, кажется, еще не знакомы?

Она назвала мою фамилію и фамиліи компаніи. Двухъ, казака и гусарика, я зналъ; остальные ока-

зались: военный—капитаномъ Тюльпановымъ; статскій—литераторомъ Антрекотовымъ, тѣмъ самымъ, котораго всероссійскій генералъ утромъ, Богъ вѣсть почему, наименовалъ Кочерыжкинымъ и Болоболкинымъ. Всѣ мнѣ молча пожали руку, за исключеніемъ господина Антрекотова, который съ нѣкоторой какъ бы покровительственной важностью произнесъ:

— Я о васъ слышалъ.

Я изъявилъ радость по поводу этого обстоятельства и заявилъ, что я, къ моему сожалѣнію, не имѣлъ до сихъ поръ удовольствія слышать о немъ.

Литераторъ какъ-то вдругъ фыркнулъ, покосился и внезапно надулся. Водворилась пауза, какъ это почти всегда бываетъ у русскихъ при нежданныхъ знакомствахъ. Замолчали всѣ вдругъ, упорно и неловко, и въ этомъ молчаніи слышалось только постукиваніе зубовъ казака, который еще съ большимъ ожесточеніемъ принялся прикусывать усы. Наконецъ, гусарикъ прервалъ молчаніе.

— Нина Павловна! внезапно воскликнулъ онъ, точно пѣтухъ молодой запѣлъ.

— Что, юноша?

— Когда же мы на Бермамутъ прогулку устроимъ?

— Не знаю, успѣемъ еще, лѣниво отозвалась Нина Павловна.

Казакъ сказалъ, что теперь еще рано, надо дождаться лунныхъ ночей. Антрекотовъ заговорилъ о необходимости чѣмъ нибудь разнообразить жизнь на

водахъ: прогулками въ окрестности, музыкальными и литературными вечерами. Надо брать примѣръ съ Запада, съ Европы. Возьмите заграничные курорты: тамъ обиліе жизни, веселости, интеллигентнаго оживленія, душевнаго блеска. А у насъ? Общая скука, апатія, закисаніе. Всѣ разъединены, тяжелы на подъемъ. Только однимъ и развлекаются: сплетнями, злословіемъ да пересудами.

Антрекотовъ заключилъ свою тираду общимъ приговоромъ, что русское «водяное житіе» совершенно невыносимо для интеллигента съ европейскими вкусами, требованіями и привычками.

— Но, мосье Антрекотовъ, замѣтила Нина Павловна,—если это такъ, какъ вы говорите, если ужъ вамъ невыносимо и скучно, вы бы попробовали поучить насъ, какъ намъ проводить время по-европейски, показать намъ примѣръ.

Антрекотовъ нервически закопался пальцами правой руки въ своей рыженькой бородкѣ, то округляя ее, то снова растрепывая.

— Пфа! легко сказать: научить, дать примѣръ, быстро завизжалъ онъ,—а попробуйте-ка! У всѣхъ мозговыя отправленія выработались въ тяжелую спячку; никакихъ стремленій, кромѣ самыхъ низменныхъ. Ну, что тутъ сдѣлаешь? Вотъ возьмите: я литераторъ, пріѣхалъ на воды. Никому здѣсь нѣтъ никакого дѣла, что литераторъ, писатель пріѣхалъ. Никто не интересуется. А заграницей? Въ Виши, въ

Біарицѣ, появятся — Додэ, Дюма, Зола, Гонкуръ, — сейчасъ на нихъ обращено общее вниманіе. Всѣ указываютъ, знаютъ по именамъ. Вотъ Александръ, вотъ Альфонсъ, вотъ Эмиль. Женщины засматриваются, привѣтствуютъ, посылаютъ улыбки, письма, сами первыя ухаживаютъ. Видно уваженіе къ писателю, благодарность за наслажденіе. Оцѣнка таланта гласная, живая, выразительная. А тутъ, у насъ знать тебя не хотятъ.

— Я не совсѣмъ съ вами согласенъ, замѣтилъ я. — Еслибы здѣсь, на водахъ, появились Тургеневъ, графъ Толстой, Гончаровъ, они бы тоже, вѣроятно, обращали на себя общее вниманіе...

Антрекотовъ опять слегка фыркнулъ въ мою сторону, весь передернулся, затѣмъ откинулся на спинку скамейки, вытянулъ далеко свои сухія ноги впередъ, полюбовался ими и съ новымъ ожесточеніемъ затеребилъ бородку.

— Что-жъ Тургеневъ, Толстой... Это старики, литературные генералы. Я не говорю: они много сдѣлали въ свое время. Но цѣнить и почитать однихъ Тургеневыхъ, Толстыхъ — это похоже на отсталость. Какъ ни толкуйте, а ужъ у нихъ староватая литературная манера... Да и реализмъ ихъ немножко подсочиненный, неточный, условный... Наконецъ, есть же и кромѣ нихъ писатели...

— Есть-то есть, да не та имъ честь, рѣзко проговорилъ казакъ.

— Позвольте, отчего не та? Вотъ тутъ-то, въ такихъ взглядахъ, и высказывается наша рутина, наша привычка къ крутымъ приговорамъ, къ ходячимъ взглядамъ. Новѣйшіе писатели, во всякомъ случаѣ, прогрессивнѣе старыхъ. Надо же это признать. Ихъ творческая манера болѣе научна. Они стараются отражать въ своихъ вещахъ не личную, а собирательную психологію...

— Мосье Антрекотовъ — какіе разговоры! перебила Нина Павловна съ умоляющей улыбкой. — Вы знаете, я боюсь мудреныхъ словъ...

— Ну, вотъ, вотъ, взвизгнулъ Антрекотовъ и даже вскочилъ отъ волненія со стула: — у нашихъ дамъ такъ всегда! Чуть зашла рѣчь о чемъ нибудь посерьезнѣе — сейчасъ слышите: оставьте, это скучно, мудрено, непонятно...

— Я въ этомъ случаѣ согласенъ съ дамами, отозвался засмѣявшись гусарикъ и вдругъ, ни съ того, ни съ другого запѣлъ на голосъ «La donna e mobile»:

Мебель всю продали,
Деньги всѣ пропили...

И потомъ прибавилъ, потянувшись къ рукѣ Нины Павловны:

— Позвольте поцѣловать ручку.

Нина Павловна усмѣхнулась и протянула ему мизинецъ правой руки.

— Только не уколитесь иголкой, сказала она.

Гусарикъ припалъ къ мизинцу, можно сказать, даже съ какимъ-то остервенѣніемъ.

Выходка гусарика, не смотря на всю ея неожиданность и глупость, однако же, повидимому, пришлась по вкусу всѣмъ, за исключеніемъ, конечно, Антрекотова. Онъ пренебрежительно фыркнулъ на гусарика и попытался было возобновить свои разглагольствованія на прежнюю литературную тему; но попытка не удалась: разговоръ какъ-то разбился и перешелъ на самые обыкновенные предметы. Пошли рѣчи о жарѣ, о нарзанѣ, о кумысѣ, маленькія сплетни о «курсовыхъ» и т. д. Самымъ живымъ сплетникомъ оказался, къ моему удивленію, капитанъ Тюльпановъ: онъ зналъ всѣ послѣднія новости на счетъ того, кто изъ курсовыхъ проигрался въ карты, у кого завязался романъ, кто собирается уѣзжать и куда уѣзжаетъ, у какой дамы появился новый туалетъ, какая поссорилась съ мужемъ или ухаживателемъ — словомъ, всю водяную хронику. Все это онъ зналъ и передавалъ съ такимъ же достоинствомъ и съ такою же лекторскою чеканкой, какую обнаруживалъ въ объясненіи превосходства эфеса новаго образца шашки передъ старымъ.

Нина Навловна очень разсѣянно слушала и поддерживала общую бесѣду. Она видимо была утомлена и скучала. Раза три-четыре, выбравъ удобный моментъ, такъ чтобы другіе этого не замѣтили, она блеснула мнѣ въ глаза своимъ страстнымъ взгля-

домъ и съ такимъ выраженіемъ затаенной нѣги что у меня дрогнули нервы. Эти внезапные, мгновенные взгляды украдкой производили тѣмъ большее впечатлѣніе, что тотчасъ же вслѣдъ за ними она потупляла глаза на шитье и ея лицо, все озарявшееся на секунду оживленіемъ страсти, вдругъ снова принимало спокойное и даже какъ будто холодное, застывшее выраженіе.

— Ну, господа, объявила, наконецъ, Нина Павловна, — мы меня извините, я пойду теперь одѣваться.

— А потомъ, когда одѣнетесь, въ паркъ? спросилъ гусарикъ.

— Да, вѣроятно...

— Обѣдаете сегодня съ нами въ «Казенной»? настойчиво и нѣсколько даже мрачно обратился къ ней казакъ.

— Право, не знаю, тамъ увидимъ. Конечно, еще встрѣтимся до обѣда...

— Не знаю, какъ вы, Нина Павловна, а я постараюсь.

Въ голосѣ его слышались какая-то затаенная горечь.

— Хорошо, старайтесь, немного насмѣшливо сказала она. — Ну, до свиданія, господа; Вержбицкій, дайте корзинку.

— Я донесу вамъ, Нина Павловна.

— Нѣтъ, не надо. Дайте. Не провожайте меня.

Она взяла корзину, быстро встала и пошла къ гостинницѣ. Отойдя шаговъ двадцать внизъ съ пригорка, на которомъ помѣщалась бесѣдка, она вдругъ остановилась и позвала меня:

— Мосье Аргунинъ! Подите сюда на минуточку.

Я поспѣшилъ подойти къ ней.

— Послушайте, я не могла сказать вамъ тамъ... Я не знаю, какъ мнѣ отдѣлаться отъ этихъ господъ. Они просто не даютъ мнѣ сдѣлать шагу. Особенно этотъ казакъ и Вержбицкій. Это не сносно. Избавьте меня, пожалуйста, отъ нихъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Только какъ же это сдѣлать?

— Вотъ какъ. Черезъ полчаса ждите меня въ лавкѣ Зипалова—знаете?

— Да, знаю.

— Я зайду туда. Потомъ мы уѣдемъ къ глазному источнику. Вы бывали тамъ?

— Нѣтъ.

— Это близко. Версты полторы. Я васъ проведу. А тѣ пусть ищутъ меня въ паркѣ... До свиданія. Ровно черезъ полчаса.

Она сдѣлала движеніе идти.

— Постойте, Нина Павловна. Я не могъ спросить васъ...

— Послѣ, послѣ, тамъ наговоримся. Идите. Эти господа, пожалуй, догадаются, что мы сговариваемся съ вами. Смотрите, они вышли изъ бесѣдки.

Она поспѣшно отошла. Я повернулъ въ другую сторону. Скоро меня нагналъ казакъ. Онъ поровнялся со мной, сурово и недружелюбно покосился на меня своими красными глазами и прошелъ, небрежно сдѣлавъ подъ козырекъ.

«Кажется, подумалъ я,—это дикое дитя Дона заподозрѣваетъ во мнѣ «соперника», ревнуетъ и злится. Съ какого права, чортъ возьми? Если онъ началъ раньше ухаживать и «ничего не получилъ», какъ выражается Нина Павловна, такъ вѣдь я-то въ этомъ ни духомъ, ни тѣломъ не виноватъ. Однако, должно быть его серьезно зацѣпило. Что-то ужъ очень рѣшительно и мрачно онъ поглядываетъ на нашу таганрогскую донну. Пожалуй, еще скандалъ вздумаетъ какой нибудь выкинуть: это воины иногда бываютъ бурностремительны. Вотъ петербургскій стратегъ и тактикъ, профессоръ эфесовъ новаго образца—этотъ не опасенъ. У этого, я думаю, хоть изъ подъ носа не то что любовницу, — жену отбей, такъ онъ ничего; самъ себѣ прочтетъ лекцію о моментахъ такого происшествія, да и успокоится. Полированный воинъ... А Антрекотовъ-то? Вотъ душка... Что такое я читалъ этого Антрекотова? Какую белиберду? Ахъ, да: романъ въ пяти книгахъ, подъ заглавіемъ «Полстрасти». Почему полстрасти? Зачѣмъ не четверть страсти, не шестнадцатая доля? Убей меня Богъ, если я понялъ что нибудь въ этомъ романѣ. Впрочемъ, я прочиталъ

*

только двѣ «книги». Но ужъ въ этихъ двухъ книгахъ столько было «собирательной психологіи», что созови дураковъ со всего міра и тѣ не сочинятъ ничего подобнаго. А, впрочемъ, написано хорошо, съ шикомъ и въ самой новой «манерѣ». Ахъ, лучше бы эти господа писали въ старой манерѣ, да хоть крошечку поумнѣе»...

XVI.

Размышляя о «душкѣ» Антрекотовѣ, я вышелъ въ большую аллею парка и присѣлъ на скамьѣ, близъ грота, помѣщающагося подъ площадкой лѣстницы, которая ведетъ въ «Казенную гостинницу». На другомъ концѣ скамейки сидѣлъ какой-то парень лѣтъ двадцати пяти, съ большой рыжей, даже ярко-красной бородой, съ длинными растрепанными волосами, выбивавшимися изъ-подъ страшно-широкополой, точно у факельщика, поярковой шляпы, ухарски надвинутой на-бекрень. Изъ-подъ разстегнутаго темно-сѣраго жакета, болтавшагося мѣшковато на довольно тощихъ плечахъ парня, видна была русская рубашка съ косымъ шитымъ воротомъ. Сѣрыя, подъ цвѣтъ жакета панталоны исчезали въ огромныхъ, достигавшихъ выше колѣнъ, голенищахъ смазныхъ сапоговъ. Парень съ глубокомысленно-мрачнымъ видомъ читалъ газету, безпрестанно съ какимъ-то ожесточеніемъ захватывая лѣвой рукой

космы своей красной бороды, энергически навертывая ихъ на пальцы и запихивая себѣ въ ротъ. Когда я присѣлъ на скамейку, онъ исподлобья покосился на меня съ такимъ выраженіемъ, какъ будто увидалъ своего кровнаго врага и затѣмъ уткнулся еще мрачнѣе въ газетный листъ и даже спиной повоpотился ко мнѣ, явно желая показать, что онъ меня страшно презираетъ и даже не можетъ выносить моей гнусной для него особы.

Не успѣлъ я и пяти минутъ полюбоваться на мрачнаго парня, который очень забавлялъ меня грубымъ до комизма выказываніемъ своей ненависти ко мнѣ, совершенно незнакомому и ни въ чемъ не провинившемуся передъ нимъ человѣку, какъ вдругъ, смотрю, къ намъ летитъ Антрекотовъ, вынырнувшій въ большую аллею съ одной изъ боковыхъ дорожекъ.

— Вотъ мы и опять столкнулись, улыбаясь и собирая на лбу морщины, проговорилъ Антрекотовъ, приблизившись къ скамьѣ, гдѣ я сидѣлъ, и затѣмъ протянулъ руку моему сосѣду, проворно обернувшемуся при звукѣ его голоса.

— Здравствуйте, господинъ Несуразовъ.

— Здравствуйте, господинъ Антрекотовъ, отозвался мой сосѣдъ, принимая пожатіе руки литератора съ такимъ ненавистническимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣлъ не привѣтствовать его, а послать къ чорту.

— Что это, вы въ отечественную политику погружаетесь? присаживаясь, продолжалъ Антрекотовъ.—Въ катковскіе квасные «премьеры» вникаете?

— Какіе тамъ катковскіе «премьеры»! съ пренебреженіемъ, даже съ какимъ-то рычаніемъ отвѣтилъ господинъ Несуразовъ.—Стану я эту ерундищу читать! Про Пимена Неополимскаго, подлецы, написали.

— Про Пимена? Что же такое про Пимена?

— Про лучшую его вещь — про «Вавилину подоплеку».

— А! Ну, какъ же отзываются?

— Извѣстно какъ: инсинуацію подлую пущаютъ, доносъ.

— Инсинуацію? Доносъ! Ну!?

Антрекотовъ не только руками и ногами вскинулъ, но даже бровями такъ передернулъ, какъ будто желалъ ихъ совсѣмъ сбросить съ своего подвижнаго лба.

— Говорю вамъ—доносъ. Пишутъ, что отъ «Вавилиной подоплеки» грязными онучами пролетарія пахнетъ, что—онъ поднесъ къ лицу газетный листъ и сталъ оттуда вычитывать—что «литература господъ Неополимскихъ — это продуктъ нездоровой, спертой атмосферы мнимо народнической пропаганды петербургскихъ современныхъ кружковъ». Понимаете насчетъ чего это? Прямо на сыскъ бьютъ. Это навѣрно отличился Лакеенко.

— Вы думаете?

— Никто какъ онъ. Жандармская желтоперчаточная душа! Ему подолы кокотокъ описывай: онъ больше ничего не понимаетъ. Отъ подольныхъ романовъ, изволите видѣть, илангъ-илангомъ благоухаетъ. А «Вавилина подоплека» — это онучная литература. Подлецъ!

— Да что же онъ тамъ такое нашелъ въ «Вавилиной подоплекѣ?» Я читалъ: легонькій бытовой разсказецъ изъ категоріи народническихъ...

— Легонькій разсказецъ! И вы тоже хорошо судите. «Вавилина подоплека»—легонькій разсказецъ. Лучшая вещь Пимена. Надрывающая вещь. Тутъ крестьянскій горбъ изученъ, со всѣми его вздрагиваніями и тяготами. Изученъ и показанъ на-голо: полюбуйтесь, молъ, буржуи, посмакуйте. Вотъ какая это легонькая вещь. Одна страничка о томъ, какъ Вавила съ голода жретъ таракановъ и что въ его крестьянскомъ брюхѣ отъ того происходитъ — одна эта страничка чего стоитъ. Это не желтоперчаточныя страданія и томленія дворянскихъ амуровъ, о которыхъ разводятъ въ своихъ романахъ господа Лакеенки. Нѣтъ-съ. Амуры-то желтоперчаточные сочинять не трудно: на то образцы есть у старыхъ писателей. Списывай съ образцовъ — да и вся недолга. А тутъ, на-ка, поди изслѣдуй, что въ крестьянской утробѣ происходитъ, когда туда съ голода тараканы попали. Я доподлинно знаю: Пименъ самъ таракановъ ѣлъ, чтобы изобразить...

— Неужто самъ ѣлъ.

— Ѣлъ. А то какъ же? Ваши Золы да Мопассаны пьютъ же шампанское изъ башмаковъ кокотокъ, не брезгаютъ. Только бы натуралистически составить протоколъ. Ну, вотъ и Пименъ онъ также хочетъ натуралистически. Поѣлъ таракановъ и составилъ протоколъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ. Писатель-реалистъ для составленія вѣрнаго протокола жизни, конечно, долженъ все видѣть и испытать, однако ужъ не до такой степени, чтобы таракановъ ѣсть. Возьмите вотъ хоть бы я: кажется, я могу не безъ права претендовать на перваго протоколиста современной нашей литературы? Но вѣдь не ѣмъ же я таракановъ для этого.

— Вамъ и не нужно ѣсть. Ваше дѣло совсѣмъ не то, что Пименъ около народной подоплеки ходитъ, нытье подоплеки изображаетъ. А ваше дѣло— безешечная да турнюрная беллетристика.

— Какая? Какая беллетристика? съ усмѣшкой переспросилъ Антрекотовъ.

— Безешечная и турнюрная, сурово отрѣзалъ господинъ Несуразовъ.

— Это что же такое значитъ?

— А это значитъ, что вы одни безешки амурныя, да турнюры дамскіе росписываете въ своихъ романахъ.

— Какъ! съ азартомъ воскликнулъ Антрекотовъ,

весь переламываясь и передергивась, какъ картонный арлекинъ, котораго потянули за нитку: какъ одни безешки да турнюры! Вотъ какъ вы судите! Это близорукость идейнаго взгляда. Нельзя же современному биллетристу заключиться въ одно народничество, въ изображеніе одного мужика. Это только одна полоса жизни. А беллетристъ современный долженъ разныя полосы отражать. Онъ долженъ отражать собирательную психологію вѣка, по крайней мѣрѣ, въ десяти полосахъ за-разъ. Будуаръ кокотки, кабинетъ государственнаго дѣятеля, монсарда литературнаго труженика, кулисы опереточнаго заведенія, спальня каботинки со всѣмъ ея характернымъ антуражемъ—все это полосы жизни...

— Постойте-ка, перебилъ мрачно собесѣдникъ Антрекотова: что такое по-вашему каботинка? Я вѣдь иностранные діалекты, знаете, не произошелъ...

— Каботинка—это женщина моднаго столичнаго кабачка.

— Гулящая баба, выходитъ, или въ родѣ какъ бы въ прежніе годы цѣловальница...

— Совсѣмъ не то, совсѣмъ не гулящая баба и не цѣловальница, брезгливо морщась, краснѣя какъ ракъ и еще больше раздражаясь, завизжалъ рѣзкимъ фальцетомъ Антрекотовъ. Каботинка—это одно изъ выразительнѣйшихъ явленій современной жизни европейскихъ центровъ цивилизаціи. Въ каботинкѣ вся собирательная психологія эпохи. Мой другъ Эмиль

хотѣлъ сдѣлать каботинку одной изъ главныхъ героинь своей великой естественной и соціальной исторіи семейства Ругонъ-Маккаровъ. Но потомъ отказался отъ этого намѣренія и передалъ сюжетъ для разработки моему же другу Мопассану. Мопассанъ началъ было практическое изученіе типа каботинки, но, попалъ въ полосу веселыхъ парижскихъ заведеній, отвлекся отъ каботинки, создалъ «Мезонъ Телье». Ришпенъ тоже предполагалъ нарисовать типъ каботинки со всѣмъ его блескомъ и со всѣмъ запахомъ. Онъ близко ознакомился въ двѣ недѣли съ сотней самыхъ первыхъ каботинокъ Парижа. Но Сара воспрепятствовала ему продолжать дѣло изученія типа...

— Какая Сара? Патріархова жена, что ли,—Сара? простодушно вопросилъ Несуразовъ.

— Не патріархова жена, а великая Сара Бернаръ, съ благоговѣніемъ произнесъ Антрекотовъ и, мнѣ показалось, даже чуть-чуть не сдѣлалъ движенія приподнять свой вѣнскій фетръ съ головы. — Она стала ревновать писателя къ каботинкамъ. Ришпенъ въ то время у нея на содержаніи былъ.

— Неужто на содержаніи? весь встрепенувшись и распуская въ широкую улыбку свои чувственныя губы, освѣдомился съ видимымъ любопытствомъ Несуразовъ.

— Да, на содержаніи, спокойно отвѣтилъ Антрекотовъ.

— У актерки? Она вѣдь актерка?

— Первая актриса вѣка, важно поправилъ Антрекотовъ.

— Богатая, надо быть?

— Да, богатая.

— А онъ-то изъ какого сословія? Изъ маркизовъ, чай, чортъ его заѣшь?

Антрекотовъ засмѣялся.

— Да нѣтъ, совсѣмъ не изъ маркизовъ.

— Такъ изъ жидовъ вѣрно?

— Изъ богемы, все продолжая смѣяться, отвѣчалъ Антрекотовъ.

— Стало быть, пенензовъ-то у него не очень ма?

— Въ то время было не очень.

— А молодой парень?

— Молодой.

— А она, Сара-то эта, тоже молодая?

— Ну, не такъ, чтобы очень. Подъ сорокъ.

— Вишь ты... Что же онъ по секрету содержанцемъ-то состоялъ?

— Для чего же по секрету? Весь Парижъ зналъ. Въ «Фигаро» писали.

— Выходитъ, тамъ, у нихъ, въ Парижахъ-то, это ничего?

— Ничего. Тамъ многіе молодые писатели такъ карьеру начинаютъ. Это даже принято, даже придаетъ начинающему писателю особый апломбъ, блескъ, когда его знаменитая актриса или кокотка

беретъ себѣ въ друзья. Да оно такъ и слѣдуетъ. Талантъ надо поощрять, талантъ имѣетъ свои особыя права.

— Такъ. И аккуратно продовольствуютъ актерки этакихъ-то парней?

— То есть, какъ аккуратно продовольствуютъ?

— Ну, такъ, молъ, на полныхъ хлѣбахъ держатъ, сапоги, одежда, стирка бѣлья и все тамъ прочее?

Антрекотовъ опять засмѣялся.

— Право, уже не знаю... Вѣроятно...

Господинъ Несуразомъ помолчалъ съ минуту, съ ожесточеніемъ пожевывая свою бороду, и потомъ произнесъ какъ бы въ раздумьи:

— Хорошое это тамъ заведеніе... Вотъ бы Пимену такъ-то къ какой нибудь актеркѣ на иждивеніе... Поглаже бы онъ сталъ у насъ. Да не возьмутъ его...

— Почему же?

— Конопатый, мрачно оборвалъ Несуразовъ и, приподнявшись, тронулъ рукою необъятное поле своей шляпы.

— Ну, пока прощайте.

— Куда вы спѣшите?

— Въ семиградусномъ искупаться.

— Что вы? Неужто вы подвергаете себя этой пыткѣ?

— Какой пыткѣ?

— Да купанью въ семиградусномъ источникѣ? Вѣдь это ужасъ.

— Ничего. По нашему дѣлу—онъ сдѣлалъ особое удареніе на послѣднихъ словахъ—ко всему привыкать надо. Я въ Олонецкой губерніи по шею въ болотѣ семь часовъ сидѣлъ. Такъ что же мнѣ значитъ пять минутъ въ семиградусномъ?

— Зачѣмъ же въ болотѣ сидѣли?

— Репетицію дѣлалъ.

— Какую репетицію?

— Пріучалъ себя къ земноводному существованію на всякій случай. Да это что въ болотѣ — это ничего. Я разъ въ Бирючахъ въ выгребную яму влѣзъ.

— Быть не можетъ! Для чего?

— Опять-таки для репетиціи. Ну, вдругъ искать начнутъ и некуда спрятаться, кромѣ какъ въ выгребной ямѣ? Вотъ я и сдѣлалъ репетицію.

— И что же?

— Ничего. Нудно, настоящаго комфорта нѣтъ, а можно хоть цѣлый день провести.

— И еще разъ тронувъ рукой шляпу и нахлобучивъ ее, онъ пошелъ развалистой походкой, съ очевиднымъ самодовольствіемъ и даже чувствомъ своего необыкновеннаго величія. Уходя, онъ исподлобья бросилъ взглядъ и по моему адресу. Можно было прочесть въ этомъ взлядѣ самое глубокое презрѣніе господина Несуразова ко мнѣ какъ человѣку по меньшей мѣрѣ наипустѣйшему и уже, конечно, не способному на великіе подвиги, въ родѣ добровольнаго пребыванія въ болотѣ или въ выгребной ямѣ.

— Скажите, пожалуйста, обратился я къ Антрекотову,—этотъ господинъ Несуразовъ: онъ что же изъ себя представляетъ?

— Одну изъ полосъ современной русской жизни, важно и авторитетно отвѣтилъ мнѣ Антрекотовъ.

— Одну изъ полосъ?

— Да. Полосу идейнаго броженія. Любопытный душевный складъ у этого рода типовъ. Интеллигентная закваска въ оболочкѣ самаго наивнаго и грубаго невѣжества и... даже русской дикости. Задоръ самомнѣнія ужаснѣйшій, никого и ничего не признаетъ въ искусствѣ, въ литературѣ, кромѣ своихъ «кружковыхъ». У каждаго такого Несуразова непременно свой собственный Пименъ Неополимскій. Вы слышали: «Вавилина подоплека»—это настоящая литература, полезная, народническая, честная. Кромѣ «Вавилиной подоплеки» онъ ничего не читалъ и читать не хочетъ. Все остальное — безсмѣшечная и турнюрная баллетристика. Лучшіе европейскіе творческіе умы—Зола, Мопассанъ, Гонкуръ—для Несуразовыхъ не существуютъ. Несуразовы на нихъ только фыркаютъ, огрызаются, пускаютъ свои грубые окрики. Мой парижскій пріятель Поль Бурже—одинъ изъ оригинальнѣйшихъ интеллектовъ современнаго Запада, съ наклонностью къ строгому научному анализу на психо-философской подкладкѣ—мой пріятель Поль, бесѣдуя со мной объ этомъ рус-

скомъ типѣ, очень удачно обозначилъ его словомъ «bolourt»...

— Дѣйствительно удачно, замѣтилъ я, невольно разсмѣявшись: коротко и ясно.

— Не правда-ли? Но въ этомъ опредѣленіи однако же сказывается близорукость западнаго человѣка въ оцѣнкѣ чисто русскихъ явленій. Передъ судомъ европейскаго интеллигента, даже самаго антибуржуазнаго склада, каждый русскій радикалъ — «balourd». Почему? Потому что радикализмъ большинства русскихъ радикаловъ не имѣетъ ближайшей цѣли — практической выгоды лично для себя, для своего положенія. Русскій радикализмъ руководится исключительно идейными задачами. Вонъ — вы слышали — Несуразовъ лѣзетъ въ выгребную яму. Для чего? Для репетиціи, объясняетъ онъ. Скажите, какой французъ или нѣмецъ, будь онъ самой крайней фракціи, рѣшится на такую «репетицію» ради одной идеи, безъ всякой видимой необходимости. Тамъ, на Западѣ...

Но тутъ, взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что условленные полчаса уже почти прошли и мнѣ пора идти на свиданіе съ Ниной Павловной. Извинившись предъ Антрекотовымъ и, попросивъ его отложить интересныя разсужденія о русскихъ и западныхъ радикалахъ до другого раза, я поспѣшно направился изъ парка къ лавкѣ Зипалова.

XVII.

Я какъ разъ встрѣтился съ Ниной Павловной у самой лавки. Она торопливо схватила меня подъ руку и, запыхавшись, проговорила:

— Пойдемте, скорѣй, скорѣй, сюда... я знаю, какъ тутъ пройдти...

— Бога ради, что такое? У васъ такой встревоженный видъ! спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Ахъ, я едва ускользнула отъ нихъ, я видѣла ихъ въ паркѣ...

— Отъ кого едва ускользнули?

— Какой вы недогадливый! Конечно, отъ казака и Вержбицкаго. Они караулятъ меня, проходу не даютъ. Это просто наказаніе. Пожалуй, и теперь замѣтятъ и увяжутся съ нами.

Она шла быстро, почти бѣжала, увлекая меня за собой. Мы пробрались за гостинницей «Нарзанъ» какимъ-то переулочкомъ и вышли на Курсовую улицу. Только тогда, когда скрылись за ея поворотомъ, такъ что уже изъ парка насъ видѣть было нельзя, Нина Павловна укоротила нѣсколько свой торопливый шагъ и, обмахиваясь вѣеромъ, вздохнула полной грудью.

— Ну, кажется, теперь мы въ безопасности, смѣясь проговорила она.—Ахъ, какая жара, Богъ мой... Остановимтесь на минуточку: у меня страшное сердцебіеніе... Дайте руку, послушайте какъ бьется...

Она взяла мою руку и прижала ее подъ грудью. Дѣйствительно, сквозь ткань я ощутилъ частые, сильные и неровные удары.

— Э, э-э-э! сударыня, сказалъ я.—Да вы не страдаете ли порокомъ сердца?

— А что? Ужасно колотится, не правда ли? Доктора увѣряютъ, что у меня тутъ что-то не въ порядкѣ. Да я не вѣрю. Все вздоръ. Это оттого, что я спѣшила.

— Теперь-то, разумѣется, отъ этого. Но и то ужъ слишкомъ что-то судорожно... Постойте, постойте, дайте еще...

Она весело засмѣялась и отвела мою руку.

— Ну, ну, будетъ. Вы ужъ рады изслѣдовать... Дамскій докторъ. Пойдемте. Я передохнула.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, Нина Павловна, вы напрасно бравируете такой болѣзнью.

— Ахъ, не все ли равно? Вѣдь кромѣ смерти ничего не можетъ быть отъ этого. А смерть...

— Очень скверная штука, подхватилъ я. — Особенно въ молодости.

— Отчего? Я бы, право, желала умереть.

— Ну, ну, не институтничайте. Говорите: желали бы умереть, а самой, чай, пожить-то, ахъ, какъ хочется.

Она усмѣхнулась и посмотрѣла въ мои глаза съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ не то порыва нѣги, не то грустной истомы.

— Правда. Хочется пожить, голубчикъ. Вѣдь я, право, еще не жила совсѣмъ...

Въ ея голосѣ слышались ласкающія и задорныя ноты. Особенно ласково у ней вышло это внезапное «голубчикъ», прозвучавшее какимъ-то дѣтскимъ, наивнымъ довѣріемъ.

— То-то вотъ и есть, сказалъ я.—Ну-ка, давайте, руку, вамъ легче будетъ, дорога-то теперь въ гору.

Дорога, дѣйствительно, шла въ гору, пока не достигла небольшой площади, съ которой начинался пологій скатъ берега Березовки, быстрой и мелкой рѣченки, журчащей по каменьямъ, влажныя груды которыхъ выступаютъ тутъ и тамъ на обмелѣлыхъ мѣстахъ, точно маленькіе островки, разъединяющіе струи потока. Въ концѣ берегового склона виднѣлся досчатый мостъ на другую сторону Березовки, гдѣ мелькали сады, нѣсколько бѣлыхъ хатъ станицы и тянулся противоположный возвышенный берегъ. У моста, по плоскому берегу, кой-гдѣ усыпанному мелкимъ гравіемъ, кой-гдѣ заросшему травой, бродило съ десятокъ лошадей и коровъ. Станичные ребятишки барахтались въ рѣчкѣ, выбравъ мѣстечко поглубже. Ихъ обнаженныя загорѣлыя и влажныя тѣла ярко блестѣли на солнцѣ и веселый смѣхъ и взвизгиванія не смолкали. Двѣ-три коровы тоже вошли въ воду и неподвижно стояли опустивъ головы и какъ бы созерцая рѣчныя струи въ нѣмомъ размышленіи.

Рѣчка загибалась излучиной влѣво, въ одномъ мѣстѣ почти приближаясь къ крутому, отвѣсному обрыву высокой скалы, пласты которой обнажались то острыми ребрами, то правильно обтесанными, какъ будто искусственно наложенными другъ на друга сѣрыми плитами. Мѣстами, въ углубленіи доломитовъ, зеленѣла яркая растительность.

Тамъ, гдѣ рѣчка почти прижималась къ скалѣ и затѣмъ обтекла какъ бы небольшой полуостровъ, виднѣлась ветхая водяная мельница. Она была приткнута къ скалѣ, около отверстія небольшой пещеры, изъ которой съ шумомъ вырывался пѣнистый потокъ, быстрыми, сверкающими подъ солнцемъ волнами катившійся по деревянному жолобу и помосту и ниспадавшій въ рѣку маленькимъ водопадомъ. Мельница была полуразрушена и не работала *). Сквозь щели ветхаго мельничнаго жолоба кой-гдѣ пробивалась вода, спадая внизъ тонкими отвѣсными струйками, сверкавшими точно серебряныя нити. Темносинія рѣзкія тѣни падали на стѣну мельницы отъ навѣса крыши, отъ столбовъ, точно нарисованныя. Глухой шопотъ и ропотъ падающей воды доносился еще издалека.

— Такъ это-то вотъ и есть Глазной источникъ? спросилъ я Нину Павловну.

---

*) Кажется, въ 1884 году мельницу поправили и «веселый шумъ ея колесъ» возобновился. Возобновленіе работы на мельницѣ повело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ мѣстности: около

— Да, вонъ тамъ, видите, гдѣ кипитъ вода у скалы. Пойдемте, я проведу васъ. Тутъ тропинка есть, подъ самой скалой. Потомъ къ источнику надо будетъ подниматься по камнямъ. Не очень удобно, предупреждаю васъ, пожалуй, придется замочить ваши петербургскія ботинки, мосье Аргунинъ... Вы, можетъ быть, не любите прогулокъ по такимъ неудобнымъ мѣстамъ? Будете ворчать, что я завела васъ Богъ знаетъ куда, а?

Она вся оживилась, раскраснѣлась, лукаво взглядывала на меня изъ-подъ зонтика, красный шелковый подбой котораго бросалъ странный фантастическій рефлексъ на ея нервное лицо съ сверкающими большими глазами, съ пылавшими знойнымъ отблескомъ щеками и полураскрытыми губами, выказывавшими бѣлые маленькіе и ровные зубы. Въ ея золотистыхъ волосахъ сверкала, какъ рубинъ, китайская роза и челка ихъ растрепалась и неровно падала на бѣлый, влажный лобъ. Одной рукой она держала зонтикъ, а другою обмахивалась чернымъ вѣеромъ, висѣвшимъ на толстомъ бѣломъ снуркѣ съ кистями, обхватывавшемъ талію. Тутъ только я взглянулъ на ея нарядъ: она была въ блѣдно-палевой чичунчѣ, съ небольшимъ саггé, чуть-

---

нея сдѣланъ новый мостикъ черезъ Березовку, близъ мельницы, такъ что подходъ къ Глазному источнику теперь удобнѣе. Нашъ разсказъ происходитъ въ болѣе раннюю эпоху, когда мельница была въ запущеніи.

чуть открывавшимъ грудь; тюникъ платья стягивался на бедрахъ и мягко обрисовывалъ роскошныя формы. Она была соблазнительно-прелестна вся, съ ногъ до головы, и въ каждомъ ея движеніи чувствовалась сознаніе этой соблазнительной прелести...

Мы шли узкой тропинкой, она впереди, показывая путь, я сзади, подъ самой скалой, которая выступомъ висѣла надъ нашими головами, точно громадный карнизъ. Подъ навѣсомъ скалы была тѣнь и вѣяло легкой прохладой. Въ разсѣлинахъ доломитовъ, какъ изумрудная арабеска, выступалъ тамъ и сямъ зеленый влажный мохъ, ползли нити травы и качались головками внизъ лиловые и синіе колокольчики. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ навѣсъ скалы накренивался больше и больше, какъ бы грозя раздавить насъ.

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову, Нина Павловна, сказалъ я, пристально слѣдя, какъ высокіе и тонкіе каблуки ея изящныхъ ногъ вдавливали маленькіе кружки въ мягкой почвѣ.

Она полуобернулась, замедливъ шагъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Маленькая поэма по поводу вотъ этой скалы, нависшей надъ нами.

— Вотъ какъ — поэма? Я не знала, что вы поэтъ.

— Я совсѣмъ не поэтъ, никогда не имѣлъ и не имѣю ни малѣйшей претензіи на это званіе...

— Однако, вамъ приходятъ въ голову цѣлыя поэмы. Это, должно быть, на васъ кавказское солнце дѣйствуетъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ если такъ разсуждать, то, вѣрнѣе, вы дѣйствуете — ваша прелестная и нарядная фигура.

Нина Павловна обернулась совсѣмъ и, смѣясь, съ кокетливой гримасой подразнила меня кончикомъ розоваго языка.

— Фигура! Самъ вы фигура! Ну, остановитесь на минутку, сядемъ вотъ на этотъ камень, у меня опять сердцебіеніе. А вы вмѣсто глупыхъ комплиментовъ разскажите мнѣ, какую вы выдумали поэму. Вѣрно ужъ вздорную и насмѣшливую.

— Отчего же это — «вѣрно»?

— Вы все вздоръ говорите, все издѣваетесь и обо всемъ легко думаете. Это я замѣтила.

— Какая вы наблюдательная, подумаешь. Когда же это я вамъ вздоръ говорилъ и издѣвался?

— А вчера-то, ночью... Богъ знаетъ до чего своимъ вздоромъ довели. Просто — стыдно подумать сегодня.

— Не стыдитесь, Богъ проститъ. Мало ли что ночью бываетъ, чего потомъ утромъ стыдятся и о чемъ все-таки вспоминаютъ съ удовольствіемъ....

Она слегка ударила меня вѣеромъ по рукѣ.

— Ну, ну, перестаньте врать. Разсказывайте скорѣй вашу поэму. Только не очень длинно разска-

зывайте: я терпѣть не могу длинныхъ поэмъ и вообще всякихъ длинныхъ исторій.

— И я тоже. Не бойтесь, моя поэма не длинна... Представьте себѣ, что вотъ мы сидимъ тутъ, подъ скалой, и что оба влюблены другъ въ друга точно... точно какъ...

— Точно какъ дураки, что ли?

— Пожалуй.

— Представляю. Ну?

— Ну, и что при этомъ мы, прежде чѣмъ судьба помогла вамъ достигнуть такого блаженнаго положенія, что мы сидимъ вдвоемъ подъ скалой въ объятіяхъ другъ друга...

— Какъ, даже ужъ и въ объятіяхъ?

— Непремѣнно въ объятіяхъ.

— Хорошо. Пусть въ объятіяхъ. Такъ что же такое было съ нами прежде объятій?

— А прежде мы, какъ любятъ выражаться поэты, были гонимы жестокимъ рокомъ. И долго были гонимы. Положимъ, лѣтъ этакъ...

— Лѣтъ двадцать пять, смѣясь подхватила Нина Павловна. — Такъ что мы достигли объятій, когда ужъ каждому, по крайней мѣрѣ, подъ пятьдесятъ, а вмѣстѣ обоимъ чуть не сто лѣтъ.

— Позвольте, вотъ вы меня сейчасъ обвиняли, что я надъ всѣмъ издѣваюсь. А оказывается, что издѣваетесь-то вы, а не я.

— Это я затѣмъ, чтобы вы не очень ударялись въ сантименты и не затягивали свою поэму.

— Да она затягивается оттого, что вы перебиваете меня.

— Ну, хорошо. Говорите. Я не буду перебивать.

— Претерпѣвъ всякія гоненія жестокаго рока, препятствовавшаго нашей взаимной любви, разлучившаго насъ, мы, наконецъ, переплыли черезъ нять-сотъ морей, перебрались черезъ тысячу высокихъ горъ — выше Эльборуса и Арарата — проѣхали и прошли двадцать тысячъ верстъ по самымъ сквернѣйшимъ дорогамъ, вымощеннымъ не только булыжникомъ, но даже скорлупой грецкихъ орѣховъ, и притомъ проѣхали въ экипажахъ хуже петербургскихъ дрожекъ и прошли въ узкихъ башмакахъ съ такими же высочайшими и неудобнѣйшими каблучками, какъ вотъ на вашихъ ботинкахъ, сжимающихъ вашу прелестную ножку... А ваша ножка, сказать кстати, мнѣ очень нравится и меня дразнитъ до того, что я, пожалуй, ее сейчасъ поцѣлую въ щиколку...

— Да, Господи, будетъ ли конецъ вашему вранью, воскликнула Нина Павловна, нетерпѣливо пожимая плечами и пряча выставившуюся ногу подъ платье:— оставьте мою ножку въ покоѣ и не отвлекайтесь отъ дѣла. Ну, мы переплыли, перебрались, переѣхали, перешли — и что же?

— Ну, и сѣли подъ скалу. Хорошо. Сидимъ, обни-

мается, цѣлуемся и клянемся любить другъ друга цѣлую вѣчность. Я вамъ говорю: «Нина, чувствуешь ли ты все безпредѣльное блаженство, которое, наполняя наши души, изливается изъ нихъ тысячами невидимыхъ струй въ наши очи и горитъ на нашихъ слившихся въ безконечный поцѣлуй устахъ? Чувствуешь ли ты, какъ вся вселенная принимаетъ участіе въ нашемъ блаженствѣ и жаждетъ вмѣстѣ съ нами только одного, чтобы оно продолжалось вѣчно, вѣчно, вѣчно?..»

— Столько же, какъ ваша поэма, конца которой я еще не вижу...

— Забыли, Нина Павловна, уговоръ не перебивать?... Конецъ сейчасъ будетъ. Итакъ, я вамъ, говорю изложенную сейчасъ чепуху, а вы мнѣ на нее отвѣчаете: «Артуръ»...

Нина Павловна расхохоталась.

— Да развѣ васъ Артуромъ зовутъ?

— Это, видите, необходимо для поэзіи, чтобы я Артуромъ назывался. А то Николай—развѣ удобно такое непоэтическое имя? Дворники и кучера Николаями часто прозываются... Ну, такъ вы мнѣ отвѣчаете: Артуръ, я чувствую, что ты... душка, прелесть, букашка, котеночекъ, милка... ну, словомъ, что нибудь этакое нужное, въ дамскомъ вкусѣ. Извѣстно, что кавалеры въ пламенныхъ амурныхъ изліяніяхъ всегда краснорѣчивѣе дамъ: тѣ больше краткою выразительностію берутъ... Ну, и вотъ вдругъ

въ это самое время, когда Нина и Артуръ воображали, что вся вселенная наполняется ихъ любовью и они наполняютъ свою любовь цѣлою вселенной,— вдругъ въ этотъ моментъ—трахъ!—громадная скала обрушивается на нихъ и въ одно мгновеніе обращаетъ и Нину, и Артура въ нѣкоторое подобіе бифштекса!

— Ну, вотъ я говорила, что вы какой нибудь вздоръ выдумаете гадкій: такъ оно и вышло. Не могли вы хуже сочинить конца для вашей Нины и Артура?

— Позвольте, тутъ еще не конецъ.

— Какъ не конецъ? Что же можетъ быть еще дальше, когда герой и героиня обратились въ бифштексъ?

— А вотъ, послушайте. Прошли года. Нина и Артуръ, погребенные подъ обломкомъ скалы, превратились изъ бифштекса въ пыль, совершенно такую вотъ, какъ та, по которой вы изволите въ задумчивости чертить зонтикомъ какіе-то загадочные іероглифы. На то самое мѣсто пришли новые Артуръ и Нина и сѣли на обломокъ скалы, раздавившей прежнихъ. Они, эти новые Артуръ и Нина, отлично знали исторію прежнихъ. И что же вы думаете? Сѣвши на обломокъ скалы и, заключивъ друга друга въ объятія, они заговорили точь-въ-точь такимъ же манеромъ, какъ и тѣ, чья пыль покоилась подъ скалою: понесли ту же самую белиберду о томъ, что

вся вселенная участвуетъ въ ихъ любви и они участвуютъ своей любовью въ жизни цѣлой вселенной, что ихъ любовь продолжится вѣчно, что въ ихъ любви...

— Постойте, когда же конецъ будетъ вашей поэмѣ? Вѣдь это сказка про бѣлаго бычка?

— Ну, да, именно такъ.

— Такъ что же вы хотѣли сказать этой сказкой?

— Ничего больше, какъ только то, что такъ называемая любовь — глупая сказка про бѣлаго бычка, что во всякой любви влюбленные увлекаются одной и той же иллюзіей и вѣрятъ въ нее, не смотря на самые выразительные факты и примѣры, которые явно убѣждаютъ въ нелѣпости ихъ иллюзіи.

— Да какая же тутъ мораль для насъ-то съ вами?

— Очень простая: не слѣдуетъ играть въ новаго Артура и Нину.

— А развѣ вы собирались играть?

— Я-то не собирался, конечно. Но мнѣ показалось, что вы, пожалуй, склонны къ такой игрѣ...

Нина Павловна разсмѣялась такъ звонко, что вспугнула какую-то птичку изъ разсѣлины скалы.

— Вотъ что я вамъ скажу на это: пойдемте-ка, милый Артуръ, къ Глазному источнику: вы умоетесь водой изъ него — она, говорятъ, полезна для глазъ—и вамъ перестанетъ казаться. Ну, vite, vite!

Она порывисто вскочила, подхватила меня подъ руку, снова засмѣялась, но уже тихимъ и какъ бы

ласкающимъ смѣхомъ, и потомъ прибавила, наклоняясь ко мнѣ и сбоку заглядывая мнѣ въ глаза задумчивымъ взглядомъ.

— Знаете что? Хотя вы болтаете ужасный вздоръ и у васъ самыя гадкія понятія обо всемъ этомъ — и о любви, и о жизни, но съ вами, право, весело: точно съ крутой горы катишься.

— Ну, и отлично, дитя мое.

— Дитя мое! Это еще что за дерзость?

— Это не дерзость, Нина Павловна, а правда, потому что вѣдь вы въ самомъ дѣлѣ еще дитя, сравнительно со мною...

XVIII.

Мы добрались до той части скалы, гдѣ Глазной источникъ вырывается изъ пещеры потокомъ. Нужно было подняться по грудѣ небольшихъ камней, представлявшихъ родъ лѣстницы въ нѣсколько ступенекъ, которая вела къ площадкѣ передъ отверстіемъ въ пещеру, затѣмъ перебраться по шаткой дощечкѣ черезъ кипящій потокъ на ветхій помостъ, проложенный къ мельницѣ на сваяхъ. Потокъ бурчалъ и пѣнился, прыгая по камнямъ, пробираясь между сваями и ниспадая внизъ по деревянному жолобу, отведенному въ сторону отъ мельничнаго камня, полуразрушеннаго и заволоченнаго зеленой

тиной. Вода выбѣгала изъ пещеры съ стремительною быстротою, точно ее выбрасывало оттуда и, разбиваясь о встрѣчаемыя препятствія, крутилась водоворотомъ, пока не выбѣгала, наконецъ, на ровное ложе жолоба.

Нина Павловна легко и ловко вскарабкалась на каменья, не смотря на свои башмаки съ французскими каблуками, совсѣмъ неудобные для такой операціи. Она знала каждый камень и было видно сразу, что не разъ уже ходила тутъ. Однако же, передъ дощечкой, переброшенной на другую сторону потока, она остановилась.

— Теперь вы извольте впередъ идти и подайте мнѣ руку съ той стороны, обратилась она ко мнѣ,— а то я съ моимъ сердцебіеніемъ, пожалуй, упаду тутъ...

— Какъ подобаетъ настоящей героинѣ романа, добавилъ я. — Тѣ вѣдь всегда падаютъ на самомъ интересномъ мѣстѣ... въ объятія героевъ.

— Да, а я-то упаду въ воду. Положимъ, солнце жжетъ ужасно, но я вся таки не желаю тутъ выкупаться. Ну, идите же, идите, покажите свою ловкость.

Я перебрался по доскѣ на другую сторону потока, утвердился покрѣпче одной ногой на камнѣ, другою на импровизированномъ мосточкѣ и протянулъ руку Нинѣ Павловнѣ. Она сдѣлала два шага впередъ по мосточку, ухватилась за мою руку и почти прыгнула

ко мнѣ, такъ что я обнялъ ее за талію, чтобы она не упала. Руки ея дрожали и лицо вдругъ поблѣднѣло. Я отвелъ ее отъ потока — къ стѣнѣ мельницы. Тамъ лежалъ толстый обрубокъ бревна. Она опустилась на него, дыша порывисто и неровно.

— Однако, я вижу, вы въ самомъ дѣлѣ порядочная трусиха, сказалъ я, удивляясь ея волненію.

— Вовсе не трусиха, а у меня всегда кружится голова, когда я гляжу на бѣгущую воду.

— Да какъ же вы здѣсь прежде-то переходили одна?

— А кто вамъ сказалъ, что я одна переходила?

— Съ кѣмъ же?

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ! Какъ вы любопытны. Ну, съ казакомъ.

— Гм... съ казакомъ...

— Ну, да, съ казакомъ. И совсѣмъ не понимаю, къ чему тутъ ваше «гм», да еще съ улыбочкой и прегадкой улыбочкой... Вы что думаете?

— Помилуйте, Нина Павловна, я ничего не думаю...

— Нѣтъ, вы подумали. И я даже знаю, что вы подумали: вчера съ казакомъ, сегодня со мной. Вотъ что вы думали, гадкій вы человѣкъ.

— Да, ей-Богу же, ничего подобнаго не думалъ... А теперь вотъ, дѣйствительно, думаю и скажу вамъ, что думаю: что-то вы слишкомъ часто объ этомъ казакѣ поминаете и ужъ очень его боитесь.

— Ужасно боюсь, угадали. Я вообще дураковъ

боюсь. Дураки всегда опаснѣе. Вотъ васъ я совсѣмъ не боюсь. Вы умный и... неопасный.

Я поклонился.

— Благодарю за лестный аттестатъ моему уму и безопасности. Особенно радуюсь, что вы оцѣнили во мнѣ послѣднее качество. Дѣйствительно, я вполнѣ безопасенъ. Можете рискнуть со мной хоть на край свѣта: самый благонадежный джентельменъ.

Нина Павловна разсмѣялась.

— Ну, я знаю, какой вы благонадежный джентельменъ. Вчера вы это доказали, вамъ пальца-то въ ротъ тоже не клади — откусите.

— Позвольте, это я скорѣе про васъ могу сказать, потому что вчера вы обнаружили эту манеру... кусаться.

— Ахъ, вы опять о вчерашней глупости. Вѣдь ужъ я просила васъ для меня забыть объ этомъ. Неужели вы не можете?.. А я вотъ именно думала, что вы безопасны въ этомъ смыслѣ, а совсѣмъ не въ томъ, какъ вы поняли.

— То есть, въ какомъ же смыслѣ я безопасенъ?

— Что вы болтать не будете про женщину... ни о чемъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ.

— Для чего же это мнѣ болтать-то? Что я — кадетъ или гимназистъ?

— Вѣдь вы всѣ такіе. Чуть сойдетесь съ женщиной, сейчасъ и пойдетъ цѣлому свѣту про это разсказывать.

— Нина Павловна, Нина Павловна! Какъ вы ни прелестны, а все-таки, откровенно сказать вамъ, у васъ прорываются замашечки провинціальныхъ дамъ. Ей-Богу, вы, пожалуй, скажете еще классическую фразу всѣхъ «падающихъ» героинь нашихъ аристократическихъ романовъ: «ты не будешь презирать меня? «Можете быть спокойны: ни болтать, ни презирать не буду. Вотъ вамъ Христосъ.

— Да не божитесь: я спокойна на этотъ счетъ. Я вамъ сказала. Сама не знаю почему, но я въ васъ начинаю вѣрить. А не слѣдовало бы: вѣдь вы-то совсѣмъ невѣрующій... Ни во что, рѣшительно ни во что.

— Кто это вамъ сказалъ, что я невѣрующій! Помилуйте: я во все вѣрю, во что слѣдуетъ. Я даже у чорта хвостъ признаю.

— Перестаньте смѣяться. Я не люблю, когда объ этихъ предметахъ легко говорятъ.

— О какихъ—объ «этихъ предметахъ»? О хвостѣ чорта? Совсѣмъ я не легко говорю, а, напротивъ, очень серьезно. Да, Нина Павловна, я не только у чорта хвостъ признаю, но даже завидую, что мы, люди, лишены этого украшенія. Говорятъ, прежде онъ былъ у насъ, да цивилизація проклятая сдѣлала насъ куцыми и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ. Охъ, цивилизація, цивилизація! Что я ненавижу, такъ эту хваленую цивилизацію съ ея милымъ сынкомъ-прогрессомъ.

— За что ненавидите? За то, что они отняли у васъ хвостъ? смѣясь воскликнула Нина Павловна.

— Ну, да: прежде всего за это. Вѣдь съ хвостомъ люди были бы, право, законченнѣе. Хвостъ мужчинамъ придавалъ бы большую живость, а дамамъ— большую грацію.

— Да перестаньте, ради Бога, врать. Что за смѣшной вздоръ вы говорите.

— Ничего тутъ нѣтъ смѣшного и совсѣмъ это не такой вздоръ, какъ вы думаете. У меня это одно изъ серьезнѣйшихъ убѣжденій, что потеря хвоста— для людей самая печальная потеря. Вы не смѣйтесь, а вообразите себѣ, какъ бы это было хорошо, если-бы у насъ былъ хвостъ. Вотъ мы теперь съ вами сидимъ и разговариваемъ, мысль свою и языки безпокоимъ. А тогда бы намъ не нужно было тратить словъ на выраженіе нашихъ чувствъ и думъ: мы выражали бы ихъ одними движеніями хвостовъ. Развѣ это не огромное удобство, согласитесь?

— Не знаю — удобство ли хвостъ, но что это безобразіе — знаю навѣрно.

— Почему же безобразіе? Хвостъ былъ бы такимъ же украшеніемъ, какъ у мужчинъ хорошая шевелюра, какъ у дамъ длинная, густая коса. По пышности, величинѣ и живости хвоста цѣнились бы физическія и нравственныя качества человѣка. Тощій, облѣзлый, короткій хвостъ, безъ игривости уныло поджатый—значитъ человѣкъ никуда не го-

день, хилый, болѣзненный меланхоликъ, скучный, тоскливый характеръ. Пышный хвостъ, густой, кольцомъ завивается—значитъ бодрый, здоровый и веселый сангвиникъ. Сразу было бы видно... Вы говорите хвостъ — это безобразіе. Вѣдь это такъ съ непривычки только кажется. Почему же шиньонъ не безобразіе, позвольте васъ спросить? Даже тогда не безобразіе, когда онъ фальшивый?

— Можетъ быть и хвосты бы стали фальшивые привязывать.

— Навѣрно стали бы. И даже украшали бы ихъ: браслетами, драгоцѣнными камнями, цвѣтами. На кончикъ хвоста прицѣпляли бы эгретку съ брилліантами. Конечно, дамы только бы украшали такъ хвосты: мужчинамъ это не идетъ. И сообразите, какая бы это была прелесть, когда вдругъ, напримѣръ, у васъ прекрасный, пышный, золотистый хвостъ и вы граціозно помахиваете имъ и на немъ сверкаютъ золото, драгоцѣнные камни, цвѣты! Просто, одинъ восторгъ!

Нина Павловна едва могла говорить отъ смѣха, слушая мое похвальное слово хвосту.

— Господи, съ какимъ это увлеченіемъ вы описываете. Точно въ самомъ дѣлѣ серьезно такъ думаете, а не дурачитесь.

— Да увѣряю же васъ, я не дурачусь. Это одна изъ моихъ любимыхъ идей и я серьезно жалѣю, что цивилизація совершенно напрасно отняла это

прекрасное и естественное дополненіе человѣческаго тѣла. Какъ не разсуждайте, а потеря чего бы то ни было все-таки потеря и вовсе не составляетъ улучшенія. Ей-Богу, еслибы я умѣлъ писать стихи, я бы написалъ элегію: «Плачъ о потерѣ хвоста» и въ pendant къ ней оду: «Проклятіе цивилизаціи».

— Да за что же вы ее такъ проклинаете и ненавидите — не понимаю. Ну, положимъ, она отняла у васъ хвостъ — бѣда еще небольшая...

— Точно небольшая, хотя все-таки досадно. Но замѣтьте, Нина Павловна, что цивилизація вотъ какое скверное свойство имѣетъ: она вмѣсто необходимаго и полезнаго даетъ все лишнее и ненужное.

— То есть какъ лишнее?

— А такъ-съ. Опять беру примѣръ: мы съ вами. Я и вы, конечно, особы цивилизованныя. Безъ всякихъ иныхъ доказательствъ это ужъ по тому одному видно, что мы облечены въ модные костюмы...

— Ужъ не выдумаете-ли вы, что было бы лучше если бы мы ходили безъ костюмовъ, какъ дикіе?

— Вотъ, вотъ именно я и хотѣлъ это сказать. Несомнѣнно было бы лучше. Въ десять тысячъ разъ. Вашъ туалетъ прелестенъ, конечно: вѣрно ваше платье сшито самой геніальнѣйшей модисткой города Таганрога, а, можетъ быть, даже и изъ Петербурга выписано отъ какой-нибудь мадамъ Иврёзъ, Ударъ, Петитъ-Жанетъ или какъ ихъ тамъ называютъ?..

— Ну, такъ что же?

— А то, что какъ ни выигрываетъ ваша красота отъ изящнаго туалета, а все-таки безъ всякаго туалета она бы еще больше выиграла.

— Въ глазахъ дикаго?

— Во всякихъ, въ моихъ прежде всего.

— Да вѣдь вы именно дикій человѣкъ. У васъ совсѣмъ дикія фантазіи. Вы всегда были такой, или тутъ, на Кавказѣ, въ дикаго превращаетесь?

— Нѣтъ-съ, я это давно. А тутъ я, дѣйствительно, начинаю укрѣпляться въ моихъ воззрѣніяхъ и даже до того, что, какъ вы полагаете, кому я здѣсь завидовать началъ?

— Кому?

— А вотъ кому: видите ли вонъ тамъ, на верху этой скалы нѣчто черное?

— Вижу. Это баранъ.

— Не баранъ, Нина Павловна, а карачаевскій барашекъ. Тотъ самый карачаевскій барашекъ, котораго мы съ вами почти ежедневно кушаемъ за обѣдомъ въ Казенной гостинницѣ и котораго находили бы очень вкуснымъ, если бы онъ намъ очень ужъ не пріѣлся. Такъ вотъ этому самому карачаевскому барашку я иногда завидую.

— Въ чемъ-же?

— А во всемъ! Карьерѣ его вообще завидую. Прекраснѣйшее и преполезнѣйшее животное этотъ карачаевскій барашекъ. Самый храбрый и счастливый сынъ природы. Живетъ себѣ тихо, мирно, бла-

городно. Пасется, гдѣ ему Богомъ указано. Кушаетъ травку безъ всякихъ сомнѣній, тревогъ и заботъ, пока не настанетъ день, когда придетъ къ нему въ нѣкоторомъ родѣ тоже какой-нибудь здѣшній сынъ природы, свяжетъ ему ножки и отнесетъ его въ Казенную гостинницу. Продастъ онъ его тамъ за рубль повару, а поваръ его зарѣжетъ и затѣмъ скушаемъ его мы, дѣти цивилизаціи. Скушаемъ, да еще при этомъ похвалу ему скажемъ: а все-таки карачаевскій барашекъ, какъ онъ ни надоѣлъ намъ, здѣсь лучше другихъ блюдъ, потому что всѣ другія ужъ совсѣмъ скверныя. Ну, скажите, развѣ это не завидная карьера: прожилъ безъ заботъ и тревогъ и даже послѣ смерти другимъ удовольствіе доставилъ?

— Очень завидная карьера, признаюсь! Вы, однако, я думаю, не желали бы, чтобы васъ кто-нибудь скушалъ?

— Конечно, не желалъ бы. Напротивъ, я самъ люблю кушать другихъ. Вотъ до тридцати пяти лѣтъ дожилъ, а только и дѣлалъ, что кушалъ другихъ, да еще подъ разными соусами. Да вѣдь, поймите, это-то именно и скверно въ нашей жизни, что мы такимъ подлымъ занятіемъ ее наполняемъ: кушаемъ другихъ для собственнаго удовольствія, пока не проѣдимъ зубы. Тутъ-то и мука, въ этомъ-то и наказаніе судьбы.

— Ну, это васъ мучаетъ потому, что вы, должно быть, чувствуете, что скоро свои зубы проѣдите и

вамъ придется пастись, какъ барашку, и кушать ужъ не другихъ подъ соусами, а одну травку.

— Что же, Нина Павловна, я совсѣмъ не прочь перейти на подножный кормъ. Только съ однимъ условіемъ, чтобы непремѣнно пастись вмѣстѣ съ вами. Будемъ мы съ вами бродить по лугамъ, отдыхать въ пещерахъ и на скалахъ, да ходить на водопой къ рѣчкѣ — прелестная идиллія. Я къ вашимъ услугамъ: начнемте ее хоть сейчасъ.

— Очень благодарна. Эту прелестную идиллію мы отложимъ, мосье Аргунинъ, въ отдаленное будущее, когда я тоже съѣмъ свои зубы. А покуда я вамъ предложу кой-что другое и какъ разъ тоже въ вашемъ дикомъ вкусѣ. Довольно намъ сидѣть тутъ: вы вѣдь ужъ налюбовались Глазнымъ источникомъ?

— Помилуйте, я совсѣмъ не любовался. Да, по правдѣ сказать, и любоваться тутъ нечѣмъ. Всѣ источники и всѣ водопады гораздо лучше на картинкахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Я это давно знаю и потому предпочитаю ими любоваться на картинкахъ.

— Ну, тѣмъ лучше. Такъ пойдемте-ка теперь отыскивать дикія мѣста.

— Какія такія дикія мѣста? Развѣ тутъ есть дикія мѣста?

— Я не знаю. Можетъ и есть. Мнѣ именно вотъ и хочется узнать, есть или нѣтъ. Пойдемте все по берегу Березовки—посмотримъ, что тамъ такое дальше.

— Да, вѣроятно то же, что и тутъ.

— Нѣтъ, не то. Тутъ станица кончается. Вонъ тамъ, видите, идутъ сады.

Она указала рукой за мельницу.

— До этихъ садовъ я ходила... съ казакомъ.

— Опять казакъ!

— Опять и опять ваши глупыя восклицанія. Ну, слушайте же: мнѣ хочется пройти за эти сады. Придется мнѣ перелѣзть чрезъ ограду. Тогда я не рѣшилась. А съ вами рѣшусь. Вы хоть и завидуете баранамъ, дикимъ людямъ, даже обезьянамъ, оттого, что у нихъ хвосты, но вѣдь, надѣюсь, съ вами не очень страшно: вы не отличаетесь дикими страстями и чувствами?

— Помилуйте, Нина Павловна, у меня давно никакихъ страстей и чувствъ нѣтъ: остались одни ощущенія.

— Ну, вотъ и хорошо. Можетъ быть, вы изъ прогулки вынесете хорошія ощущенія. Пойдемте же искать дикія мѣста.

— Пойдемте искать дикія мѣста.

XIX.

Мы обогнули мельницу и пошли по берегу Березовки. Сначала путешествіе не представляло никакихъ препятствій: около самой рѣчки тянулась тропинка, пробитая въ травѣ, густою каймой, обле-

гавшей берегъ. Но чѣмъ дальше подвигались, тѣмъ пробираться было труднѣе. Сначала по склону берега, почти къ самой водѣ, пошли гряды огорода съ чахлымъ картофелемъ, за которыми тропинка терялась въ густой заросли терновника. Потомъ встрѣтилась каменная низкая ограда фруктоваго сада, достигавшая почти до самой Березовки, такъ что для того, чтобы пройти около нея, нужно было ступать по каменьямъ, выдававшимся изъ воды. Наконецъ, дорога и совсѣмъ прекратилась: другая ограда садика упиралась уже въ самую рѣку и прохода за ней по берегу не было.

— Вотъ до этого мѣста я уже разъ доходила, сказала Нина Павловна.— Пойдемте теперь дальше.

— Однако, какъ же мы пойдемъ дальше? Надо перелѣзть черезъ ограду.

— Ну, да. Развѣ вы не съумѣете?

— Я-то съумѣю. А вотъ, какъ вы-то, Нина Павловна, переберетесь въ вашемъ стянутомъ тюникѣ.

— Авось Богъ поможетъ.

— Если поможетъ, то уже не иначе, какъ посредствомъ меня: я никому не уступлю удовольствія перенести васъ за ограду.

— Ну, удовольствіе это будетъ для васъ не очень легкое! Во мнѣ почти пять пудовъ! Я недавно въ галлереѣ вѣшалась.

— Ничего. Справлюсь, не безпокойтесь. Только вотъ что: вѣдь, перелѣзши черезъ ограду, мы по-

падемъ въ чужой садъ. Въ Англіи насъ за такой браконьерскій подвигъ какой-нибудь добросовѣстный стражъ, пожалуй бы, пристрѣлилъ на мѣстѣ. А ужъ что за шиворотъ схватилъ бы—такъ это навѣрно... Вы не знаете, какъ здѣшніе станичные обитатели смотрятъ на незваное посѣщеніе ихъ садовъ господами «курсовыми?»

— Не знаю. Да вѣдь, кажется, тутъ никого не видно.

— А почемъ вы знаете? Можетъ, гдѣ-нибудь «чеченецъ ходитъ за рѣкой» и наблюдаетъ насъ съ той стороны. Вотъ, какъ мы только влѣземъ на ограду, онъ мѣткой стрѣлой и пронзитъ васъ въ самое сердце. И такъ какъ это будетъ не стрѣла амура, то...

— То намъ, вмѣсто того, чтобы болтать у ограды, слѣдуетъ перелѣзть черезъ нее.

— Вы правы. Ну — айда!

Ограда была низенькая, сложенная изъ камней безъ всякаго цемента. Взобравшись на нее, я подалъ руку моей спутницѣ и помогъ ей тоже вскарабкаться, затѣмъ я спрыгнулъ съ ограды въ садъ и ужъ прямо принялъ Нину Павловну въ свои объятія: иначе ей, при ея обтянутомъ тюникѣ, перебраться было нельзя. Разумѣется, при этомъ я воспользовался всѣми правами и преимуществами, предоставленными кавалерамъ въ такихъ случаяхъ, на что Нина Павловна не особенно была въ претензіи,

хотя, конечно, для приличія заявила слабый протестъ и даже чуточку посердилась...

Мы прошли, все держась по теченію Березовки, версты двѣ. Пришлось на пути еще нѣсколько разъ преодолѣть разныя препятствія въ родѣ описанныхъ. Но дальше идти было невозможно: рѣка заворачивала къ высокой отвѣсной скалѣ, отъ которой она отдѣлялась лишь небольшимъ пространствомъ густо заросшаго кустарника. Всякій слѣдъ тропинки исчезъ. Очевидно, тутъ никто никогда не ходилъ, потому что проходу по этому берегу не было. По неволѣ пришлось прекратить путешествіе въ предполагаемыя «дикія мѣста». Да къ тому же, время было и отдохнуть: мы оба устали отъ различныхъ перелѣзаній черезъ стѣны садовъ, балансированія по каменьямъ и кочкамъ. Особенно устала Нина Павловна: она совсѣмъ ослабѣла и почти висѣла на моей рукѣ. А въ придачу, ко всей нашей усталости, солнце грѣло горячими лучами и ни малѣйшій вѣтерокъ не освѣжалъ раскаленный воздухъ. Мы осматривались кругомъ, отыскивая, гдѣ бы пріютиться въ тѣни. Въ кустарникѣ не было никакой возможности присѣсть: его густо переплеталъ колючій терновникъ. Наконецъ, на наше счастье, впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ, мы увидѣли большой камень, выдававшійся у самой рѣки и отбрасывавшій на густую траву широкую ультрамариновую тѣнь. Мы оба почти разомъ воскликнули: «Вотъ настоящее мѣсто для отдыха!»

Это былъ обломокъ, очевидно сорвавшійся со скалы, которая шагахъ въ ста отъ рѣки тянулась сплошной сѣрой стѣной. Зеленый низкорослый кустарникъ поднимался у ея подножія. Кое-гдѣ изъ расщелинъ свѣшивалось чахлое деревцо съ обожженными, частью повисшими въ воздухѣ корнями. Вершина скалы также была покрыта растительностью, и тамъ, между кустами мелькало бродящее стадо. Такая декорація развертывалась слѣва отъ обломка, поднимавшагося въ формѣ усѣченной пирамиды, у подножія которой разстилался, точно изумруднаго цвѣта бархатный коверъ, небольшой клочекъ почвы, заросшей травою. Дальше, отступивъ полукружіемъ отъ камня, поднимались широкіе, сѣро-зеленые листья лопушника и между ними мелькали колючія шишки, мѣстами торчали головки полыни. Еще дальше, уже до самой скалы, шла непроходимая чаща кустарника.

Мы сѣли въ тѣнь отъ камня, на траву. Но тѣнь, однако же, мало давала прохлады: отъ накаленнаго горячими лучами доломита вѣяло сухимъ жаромъ, смѣшивавшимся съ раздражающимъ, теплымъ запахомъ полыни и сыроватытъ испареніемъ водяныхъ травъ. Было тихо и душно. Надъ вершинами скалы воздухъ рѣялъ точно туманная, безпрестанно двигающаяся сѣтка.

Нина Павловна прилегла, прислонившись спиной къ поверхности камня, поросшаго мягкимъ мохомъ, и какъ будто обезсиленная протянула руки вдоль

бедръ. Она устала и порывисто дышала. Щеки ея разгорѣлись, глаза то вспыхивали, то померкали изъ-подъ лѣниво опущенныхъ вѣкъ и темныхъ рѣсницъ.

— Ахъ, какъ я утомилась, съ прерывистымъ вздохомъ, разслабленнымъ голосомъ сказала она. — Фу, какая жара!.. Мнѣ кажется, что недостаетъ воздуху, нечѣмъ дышать... И опять мое сердце!.. Ахъ, это проклятое сердце: оно иногда такъ колотится, что мнѣ кажется вотъ-вотъ сейчасъ я умру... Ради Бога, вотъ мой платокъ: окуните его въ рѣку и дайте мнѣ: я прохлажу лобъ...

Она подала мнѣ платокъ, обшитый кружевами. Я помочилъ его въ водѣ и, ставъ около нея на колѣни, самъ приложилъ къ ея лбу. Она закинула голову назадъ и закрыла глаза.

— Ахъ, вотъ такъ... какъ хорошо.. Благодарю васъ, хорошо... хорошо... шептала она, какъ будто въ какой-то истомѣ.

Шопотъ ея становился все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ замолкъ. Она покорно склонилась на мою руку, которою я поддерживалъ ея за талію, и лежала неподвижно съ закрытыми глазами. На ея полуоткрывшихся губахъ бродила странная улыбка и грудь ея неровно поднималась и опускалась. Я наклонился близко къ ея лицу: что такое ужъ не обморокъ ли съ ней? И вдругъ ея руки крѣпко обвились вокругъ моей шеи, она приникла ко мнѣ съ молчаливымъ, долгимъ, жгучимъ поцѣлуемъ...

Возвращались мы уже другою дорогою: неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы отдыхали, намъ удалось найти переправу на другой берегъ Березовки. Дорога на другомъ берегу шла настоящая, безъ всякихъ преградъ и препятствій. Мы брели рука въ руку, довольные и счастливые. Нина Павловна все улыбалась и заглядывала мнѣ въ глаза своими загадочными, то страстными, то печальными глазами. Уже приближаясь къ станицѣ, она вдругъ вспомнила о томъ, что въ надлежащемъ ли порядкѣ у ней туалетъ, и предложила мнѣ тщательно осмотрѣть ея особу со всѣхъ сторонъ.

— Вѣдь намъ придется идти черезъ паркъ, сказала она нѣсколько потупляясь: тамъ — теперь много народу и эти... казакъ и Вержбицкій навѣрно меня подкараулятъ. Надо, милый, чтобы они не догадались о нашей прогулкѣ... Осмотри хорошенько.

Я принялся осматривать и вдругъ расхохотался.

— Чему ты смѣешься? съ удивленіемъ спросила Нина Павловна.

— Постой, приподними немного тюникъ.

— Что такое?

Она приподняла край тюника и обнаружила ноги: къ складкамъ платья, къ шелковымъ чулкамъ и башмакамъ пристало множество мелкихъ колючекъ какой-то травки, имѣющей свойство прицѣпляться къ тканямъ еще болѣе крѣпко, чѣмъ наши сѣверныя «собаки». Пришлось свернуть съ дороги въ

сторону, укрыться за какой-то горой и заняться очищеніемъ колючекъ, причемъ не обошлось безъ новыхъ страстныхъ порывовъ...

— Послушай, перестань, говорила Нина Павловна, уклоняясь: — вѣдь этакъ мы никогда не дойдемъ домой... И гдѣ это ко мнѣ пристали эти колючки?

— Вѣрно, когда мы бродили по заросшимъ тропинкамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это тамъ... у камня искушенія.

— У какого камня искушенія?

— Это я такъ про себя назвала тотъ камень, у котораго мы отдыхали...

— Камень искушенія... Ну, ужъ это слишкомъ поэзіей пахнетъ... Я бы иначе назвалъ...

— Ну, пожалуйста, не говори: прошу тебя. Ты выдумаешь непремѣнно какую нибудь насмѣшку. Ахъ, какой ты негодяй, какой ужасный негодяй! . Вѣдь я еще вчера съ перваго раза поняла это.

— Поняла и все-таки...

— Все-таки ты скушалъ меня, какъ карачаевскаго барашка, вся вспыхнувъ и счастливо смѣясь, проговорила Нина Павловна.

XX.

Съ того самаго дня, какъ мы съ Ниной Павловной сдѣлали прогулку къ «Камню искушенія», въ моей кисловодской жизни водворилась нѣкоторая регу-

лярность. Я вставалъ какъ разъ къ тому часу, когда гремѣла утренняя музыка, и шелъ къ бесѣдкѣ гостинницы «Паркъ». Тамъ мы сходились съ Ниной Павловной и отправлялись въ галлерею: мы купались въ Нарзанѣ въ одинъ и тотъ же часъ. Выкупавшись, мы снова встрѣчались и пили вмѣстѣ чай, по большей части въ нумерѣ Нины Павловны, а иногда у меня, на террасѣ, причемъ приглашался непремѣнно «всероссійскій генералъ». Утреннія чаепитія Нины Павловны у меня собственно для Павла Петровича и устраивались: они ему доставляли огромное удовольствіе. Нужно замѣтить, что генералъ, узнавъ Нину Павловну, просто влюбился въ нее и иначе не говорилъ о ней, какъ съ предварительнымъ восторженнымъ восклицаніемъ: «Что за женщина!» къ которому прибавлялось поясненіе: «и совсѣмъ на жидовку не похожа». Нина Павловна съ своей стороны тоже очень полюбила генерала и ее чрезвычайно забавляли его неумолимыя порицанія всѣхъ и каждаго. Иногда генералъ вдругъ начиналъ порицать и ее, и меня. Нину Павловну особенно веселили именно такія порицанія: она тѣшилась, смѣялась какъ ребенокъ, слушая, какъ Павелъ Петровичъ, по его выраженію, «пушилъ» насъ, и усердно подзадаривала его въ такихъ случаяхъ...

До обѣда мы рѣдко гуляли въ паркѣ и обыкновенно уходили куда нибудь: или къ Глазному источнику, или къ маленькому водопаду, или въ горы,

подальше. Въ числѣ добродѣтелей Нины Павловны была одна, совсѣмъ не женская: она, не смотря на припадки сердцебіенія, любила не только ходить, но даже лазить по горамъ, и обладала большимъ искусствомъ въ этомъ отношеніи... Обѣдали мы всегда вмѣстѣ, въ Казенной гостинницѣ, часа въ два, въ три. Послѣ этого Нина Павловна уходила къ себѣ и отдыхала: такъ ей было предписано докторами. Къ вечерней музыкѣ мы опять сходились въ паркѣ и уже не разставались до самой ночи. Однимъ словомъ, мы были неразлучны почти цѣлый день, и я сдѣлался привилегированнымъ cavaliere cervente, со всѣми обязанностями и правами этого званія.

Большинство поклонниковъ Нины Павловны, увидѣвъ во-очію нашу неразлучность, не замедлили откочевать отъ предмета своихъ прежнихъ настойчивыхъ ухаживаній. Самымъ первымъ изъ откочевавшихъ, къ моему удивленію, оказался Накатовъ. И еще къ большему моему удивленію, «дикій сынъ Дона», метавшій на меня такіе оттеловскіе взгляды, когда я познакомился съ Ниной Павловной, теперь, какъ онъ только убѣдился, что его дѣло проиграно, отнесся очень спокойно «къ совершившемуся факту» и даже поздравилъ меня съ нѣсколько грубымъ казацкимъ добродушіемъ, что я ловко «подцѣпилъ у нихъ изъ-подъ носа штучку». Я, разумѣется, отвѣтилъ на его поздравленія, что онъ ошибается въ своемъ предположеніи, что между мною

и Ниной Павловной нѣтъ ровно ничего, кромѣ обычной «водяной» игры въ ухаживаніе.

— Ну, да что ужъ, не скромничайте, сказалъ казакъ, усмѣхаясь въ усы: знаемъ мы эту водяную игру! Игрывали на своемъ вѣку тоже и сами.

— Увѣряю васъ, сказалъ я смѣясь.—Вы вотъ потому и ошибаетесь, что по себѣ судите. Вы человѣкъ молодой, у васъ «кровь кипитъ, силъ избытокъ», а я...

— А вы, небось, старецъ?

— Старецъ не старецъ, только я съ женщинами ужъ давно не занимаюсь ничѣмъ, кромѣ вздорныхъ разговоровъ...

Казакъ расхохотался.

— Да полноте скрытничать. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вы бы лучше поразсказали какъ и что: вѣдь интересная, чортъ возьми, женщина. Я думаю, такія прелести открываются—послѣднія отдай, да и то мало!

Я, однако, не удовлетворилъ любопытства добродушнаго сына Дона. Я не люблю тѣхъ сальныхъ откровенностей насчетъ женщинъ, которыя такъ обычны у грубыхъ людей и у безшабашныхъ фатовъ. Да и вообще, сказать къ слову, съ мужчинами я не люблю говорить объ интимныхъ отношеніяхъ, о любовныхъ вопросахъ. Мужчины обо всемъ этомъ судятъ почти всегда однообразно, шаблонно и, главное, безъ всякой серьезности и ис-

кренности, по большей части съ какимъ-то легкомысліемъ и бахвальствомъ школьниковъ. Съ женщинами другое дѣло: ни о чемъ такъ охотно я не говорю съ ними, какъ на эту тему. Сужденія женщинъ, конечно, также не лишены разнообразія, но, во всякомъ случаѣ, отъ нихъ всегда можно услышать и нѣчто новое, свое. Притомъ онѣ никогда не хвастаютъ своей испорченностью, какъ мужчины.

Если Накатовъ удивилъ меня своимъ спокойнымъ отступленіемъ, то другой ея обожатель, «карманный гусарикъ» Вержбицкій, просто могъ привести въ умиленіе. Какъ только онъ убѣдился, что Нина Павловна, по его юношескому выраженію, стала «моею», онъ, не переставая «обожать» ее, часть этого обожанія, перенесъ и на меня. Онъ началъ обнаруживать что-то въ родѣ благоговѣнія предо мною. По правдѣ сказать, иногда и мнѣ, и Нинѣ Павловнѣ онъ порядочно надоѣдалъ своимъ обожаніемъ, разными своими услугами, изліяніями. Но что дѣлать: огорчать милаго юношу невниманіемъ было жалко и неделикатно. Мы и не огорчали его.

Но кто изъ всѣхъ поклонниковъ Нины Павловны оказался несноснѣе и назойливѣе—это Антрекотовъ. Замѣтивъ, что Нина Павловна уклоняется отъ его ухаживаній и предпочитаетъ меня, онъ вдругъ началъ надуваться, фыркать и положительно сталъ преслѣдовать ее; а мнѣ, не стѣсняясь, принялся надоѣдать жалобами на то, что наши женщины не

умѣютъ цѣнить умъ и талантъ и всегда готовы увлекаться пустыми людьми. Его назойливыя предложенія отчасти сердили Нину Павловну, отчасти забавляли. Забавляли и меня его надутыя претензіи, жалобы и откровенности. Антрекотовъ вообще былъ очень высокаго мнѣнія о себѣ, о своей «интеллегентной» внѣшности. По его мнѣнію, онъ былъ очароваленъ и неотразимъ относительно дамъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ему всегда везло необыкновенное счастіе въ любви, что онъ имѣлъ блестящіе успѣхи у женщинъ во всѣхъ «европейскихъ центрахъ», больше же всего въ Вѣнѣ и Парижѣ. Онъ даже показалъ мнѣ съ полдюжины фотографическихъ карточекъ вѣнскихъ красавицъ, побѣжденныхъ имъ въ бытность его заграницей. Красавицы были всѣ дѣйствительно отборныя, съ выразительно-наглыми глазами; удивительными плечами и бюстами, открытыми до послѣдней возможности. Я позавидовалъ его счастливымъ побѣдамъ и похвалилъ красоту жертвъ очаровательности, прибавивъ, впрочемъ, что мнѣ одно въ этой красотѣ не совсѣмъ нравится: ея, такъ сказать, шаблонно-публичное выраженіе.

— Шаблонно-публичное выраженіе! воскликнулъ Антрекотовъ. Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать вамъ, что, когда мнѣ въ прежніе годы случалось бывать въ Вѣнѣ, то я, знаете,

тоже жуировалъ тамъ. Не такъ, какъ вы: любовныхъ побѣдъ мнѣ дѣлать не приходилось и вообще никакихъ романовъ не было у меня. А обходился я просто посредствомъ разныхъ благодѣтельныхъ пожилыхъ дамъ, которыя рекомендовали мнѣ любящихъ развлеченія красавицъ, цѣною отъ двадцати пяти гульденовъ до ста. Такъ вотъ у этихъ благодѣтельныхъ дамъ въ альбомахъ, представляемыхъ кавалерамъ для выбора особъ по вкусу каждаго, я видѣлъ точь-въ-точь такихъ же красавицъ, какъ ваши. И, право, я не поручусь, что, напримѣръ, эта — я показалъ на одну фотографію — не была со мной въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ...

Антрекотовъ весь передернулся, точно къ нему прикоснулись проводникомъ гальванической батареи, побагровѣлъ какъ піонъ, вздернулъ голову и фыркнулъ столь выразительно, что, казалось, хотѣлъ этимъ фырканьемъ призвать небо и землю въ свидѣтельство нелѣпости моего предположенія.

— Эта, эта, завопилъ онъ, держа въ вытянутой далеко рукѣ карточку и размахивая ею,—эта женщина?! Ея фотографію вы видѣли въ альбомѣ вѣнской антрметезы?! Да вѣдь она мадьярская графиня, извѣстная всему Пешту и всей Вѣнѣ.

— Ужъ не знаю, право. Та, съ которой она такъ схожа, называлась попросту Этелька и стоила, помнится, гульденовъ пятьдесятъ, не больше.

— Пятьдесятъ гульденовъ! Пфа! Позвольте вамъ

доложить, что женщины, шикарнѣе моей графини — онъ ударилъ на словѣ моей — не было въ цѣлой Вѣнѣ. Всѣ въ Ишлѣ...

— Какъ вышли? Неужели вышли?

— Не вышли, а въ Ишлѣ, съ раздраженіемъ воскликнулъ Антрекотовъ, поправляя мой невольный каламбуръ... Я проводилъ съ ней тамъ сезонъ и говорю вамъ, что всѣ въ Ишлѣ восхищались ею, какъ первой красавицей. Да-съ!

— Можетъ быть, можетъ быть. Я вѣдь не утверждаю, что ваша графиня и моя Этелька одно и то же лицо. Я только говорю, что онѣ удивительно похожи другъ на друга, точно двѣ капли воды. Даже вотъ, видите, родинка тутъ съ правой стороны рта: и у Этельки была такая же родинка. И глаза такіе же подлые; и улыбка опереточная, заказная.

Антрекотовъ, услышавъ такія мнѣнія о самой шикарнѣйшей женщинѣ Вѣны и Ишля, уже не только задергалъ руками и ногами, но чуть не началъ кататься передо мною колесомъ. Не было мѣры его раздраженію и досадѣ на то, какъ это я, петербуржецъ, человѣкъ интеллигентный, повидимому, не лишенный вкуса и «нѣкотораго опыта по части женскаго пола» — какъ это я могу произносить подобныя еретическія сужденія о его вѣнской красавицѣ. Вѣдь это все нашъ русскій задоръ, наше самомнѣніе и наше варварство — осуждать въ западномъ типѣ красоты то, чѣмъ онъ наиболѣе привлекателенъ — блескъ,

отдѣлку, выработку, шикъ, игру, страстную выразительность, выхоленность формъ и экспрессіи. У насъ понятія о красотѣ до сихъ поръ стоятъ еще на первобытной степени: мы не выносимъ, не терпимъ того, что называется шикомъ, высшей школой «граціи и вожделѣнія». Для насъ шикъ, грація вожделѣнія— все это синонимы продажной, распутной подлости. Мы предпочитаемъ всему этому хваленую россійскую рыхлость и простоту. Возьмите типы красоты и характеры героинь, созданныхъ русскими художниками и признанныхъ наиболѣе національными — возьмите пушкинскую Татьяну, толстовскую Наташу — развѣ это женщины по сравненію, напримѣръ, съ современными парижскими героинями Гонкура или Мопассана?..

Словомъ, мнѣ пришлось выслушать цѣлую лекцію на любимую тему Антрекотова: безусловное превосходство цивилизованной Европы предъ варварской Россіей во всемъ вообще и въ «женскомъ полѣ» въ особенности. Лекція была столько же длинна, сколько забавна. По мнѣнію побѣдителя вѣнскихъ и парижскихъ красавицъ, русскія женщины до сихъ поръ даже «падать» какъ слѣдуетъ не умѣютъ, не выработали себѣ темперамента, искусства любви, какъ выработали вѣнки, парижанки. Наши любятъ по рутинѣ, «въ старой, до-потопной манерѣ». Да и большинство русскихъ мужчинъ тоже грубые профаны въ интимныхъ сношеніяхъ съ женщинами. И гдѣ

же имъ чему нибудь порядочному выучиться по любовной части? У насъ почти не существуетъ никакихъ руководствъ въ этомъ отношеніи, тогда какъ на Западѣ, у французовъ, напримѣръ, давно уже образовалась цѣлая любовная литература. Есть геніальные, высокіе признанные авторитеты, учителя даже почти пророки: Брантомъ, маркизъ де-Садъ. Въ послѣднее время, при республиканской свободѣ, начала процвѣтать, какъ никогда прежде, порнографическая поэзія, тонкая, нервная, глубокая. Почитайте Катюля Мендеса, Ролина, Ришпена: тутъ виденъ настоящій культъ любви, изслѣдованы и опоэтизированы всѣ ея стороны и новѣйшіе способы. А дружная, энергическая работа въ этомъ отношеніи современныхъ протоколистовъ, какъ Зола, Мопассанъ? Есть ли что у насъ подобное? Рѣшительно ничего нѣтъ. Одинъ Барковъ. Но Барковъ грубъ, неотесанъ и совсѣмъ не наученъ. И никогда у насъ и не будетъ ничего путнаго по этой части, потому что мы, видите ли, считаемъ все это «пакостностью». Это слово первый у насъ произнесъ Пушкинъ. Но Пушкинъ, при всей своей талантливости, не понималъ многихъ блестящихъ, сторонъ западной культуры: его поверхностное дворянское образованіе препятствовало ему пріобрѣсти такое пониманіе. Наконецъ, что такое Пушкинъ въ идейномъ отношеніи для нашего времени? Отсталый консерваторъ николаевскаго режима — не болѣе.

Отъ общихъ воззрѣній на слабое развитіе культуры любви въ нашемъ отечествѣ и на достойное сожалѣнія русское равнодушіе къ западному «пакостничеству», Антрекотовъ перешелъ къ частнымъ примѣрамъ, какъ онъ выразился, «поясняющимъ его мысль».

— Ну, вотъ возьмите хоть здѣсь, нашу общую знакомую — эту Нину Павловну Гальфтеръ. Она недурна и, главное, у ней есть темпераментъ. Но вѣдь это видно сразу, — никакого пониманія искусства любви, ни малѣйшаго. Все это еще первобытно, даже провинціально первобытно: кокетничанье самое наивное, игривость дикая, безъ отдѣлки, безъ лоска. Есть кой-какія поползновенія къ нервной страсти, къ тонкому вожделѣнію. Но все это для настоящаго развитія требуетъ опытныхъ указаній обработки, всему этому необходимо сообщить западную манеру, европейскій складъ. Вѣдь правду я говорю, не такъ ли?

— Гм... да, кажется.

— Ну, разумѣется, правду. Вы это понимаете. Возьмите же теперь положеніе: она молодая провинціальная дамочка, пріѣхала на воды, натурально, жаждетъ пожуировать, просвѣтиться. Хорошо. Встрѣчается ей опытный человѣкъ, интеллигентный, знакомый съ западной Европой какъ нельзя лучше, жившій во всѣхъ центрахъ цивилизаціи — отъ Парижа до Монако. Наконецъ, прибавьте къ этому еще вотъ что: онъ литераторъ, романистъ и притомъ —

откидывая ложную скромность — романистъ довольно крупный, извѣстный даже на западѣ. Ужъ потому одному, кажется, она должна бы была имъ заинтересоваться, что онъ въ своихъ романахъ составилъ столько протоколовъ женской страсти. Тамъ какъ ни толкуйте, а это не шутка. Я могъ бы ее наставить, руководить, указать ей всѣ новѣйшія манеры и тайны любви, изученныя мною на Западѣ, сообщенныя мнѣ первыми авторитетами, каковы мой другъ Катюль Мендесъ — онъ выговаривалъ именно Катюль, а не Катулъ — мой другъ Мопассанъ, моя пріятельница Сара Бернаръ, наконецъ, десятки первыхъ парижскихъ кокотокъ и горизонталокъ. Неправда ли, вы согласны съ этимъ?

— Конечно, конечно.

— А между тѣмъ, что же выходитъ? Госпожа Гальфтеръ не удостоиваетъ чести обратить вниманія на нашу особу. Она даже больше занимается какими-то казаками, гусарами, штабными «моментами». Для нея интеллигентность, литературная извѣстность, европейскій опытъ въ любви — все это ничего не значитъ. Такъ-таки ровно ничего. Пфа!

— Знаете, сказалъ я, въ видѣ успокоенія досады Антрекотова,— женщины вѣдь всегда больше на внѣшность обращаютъ вниманіе...

— На внѣшность! Позвольте: чѣмъ же у меня не внѣшность? Кажется, достаточно интеллигентной выразительности движеній? Вы какъ находите?

— Я нахожу, что даже слишкомъ достаточно.

— Ну, вотъ видите. А почему же она вотъ за вами, напримѣръ, бѣгаетъ? Потому что у васъ плечи широкія, борода черная, да шевелюра густая? Вѣдь не въ шевелюрѣ дѣло. Моя пештская графиня понимала же это и находила именно особенную прелесть въ томъ, что любовалась обнаженными выпуклостями моего интеллигентнаго черепа. Отчего же, скажите, наши русскія женщины не могутъ дойти до такого высшаго пониманія? Все это прямо отъ неразвитости и грубости...

— Вѣроятно...

— Помилуйте, въ Петербургѣ и въ Москвѣ только и слышишь: такая-то повѣсилась на шею опереточному актеришкѣ, наѣзднику изъ цирка, гвардейскому офицеру шести съ половиной футовъ. Чѣмъ они берутъ у женщинъ, позвольте спросить?

— Право, не знаю. Вѣрно есть какія нииудь у нихъ качества, интересныя для дамъ.

— Качества! Почему же вы думаете, что у меня нѣтъ качествъ?

— Да я вовсе этого не думаю...

— Нѣтъ, вы сказали качества. Какія же качества? молодость, что ли? Мы тоже еще не старики, чортъ возьми. Мнѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ. Это по русскимъ взглядамъ старость, а по европейскимъ — мужчина пятидесяти лѣтъ представляетъ для женщины самый высшій интересъ опытности.

— Да, конечно... Но все-таки, вспомните, что говоритъ Байронъ въ своемъ «Донъ-Жуанѣ»:

Ladies even of the most uneasy virtue
Prefer a spouse whose age is short of thirty*).

— Байронъ! Что такое Байронъ и его мнѣніе о женскомъ полѣ?

— Ну, однако! Кажется, онъ былъ спеціалистомъ по этой части.

— Да, но при этомъ неисправимымъ романтикомъ. Я и мой другъ Мопассанъ на этотъ счетъ совсѣмъ другого мнѣнія. Наши протоколы женскихъ чувствъ и вкусовъ, повѣрьте, уже тѣмъ превосходятъ романтическія наблюденія Байрона, что они больше чѣмъ на полвѣка ушли впередъ. Аппаратъ художественной наблюдательности и пріемы научно-художественнаго мышленія теперь далеко не тѣ, что были въ двадцатые годы...

Тутъ изъ устъ Антрекотова полилась новая пространная лекція, окончательно сокрушившая мои уши. Но это мало, что онъ меня угнеталъ своими лекціями: онъ покусился и Нинѣ Павловнѣ самымъ рѣшительнымъ и самымъ комическимъ образомъ доказать, что она должна заниматься только его интересною особою и никѣмъ болѣе...

---

*) Женщины, даже самыя добродѣтельныя, предпочитаютъ мужей, которымъ около тридцати.

XXI.

Номеръ, занимаемый Ниной Павловной, состоялъ изъ двухъ комнатъ. Первая комната, двери изъ которой вели прямо въ широкій корридоръ, играла роль гостиной; вторая соединяла въ себѣ спальню и уборную, отдѣлялась она отъ первой чѣмъ-то въ родѣ широкой арки, задрапированной тяжелой репсовой портьерой.

Разъ вечеромъ, «порой межъ волка и собаки», мы сидѣли вдвоемъ. Великолѣпная кисловодская погода въ тотъ день попортилась: пошелъ мелкій и частый дождь, совсѣмъ такой, какимъ нерѣдко наслаждается Петербургъ. Поневолѣ приходилось въ четырехъ стѣнахъ коротать время. Къ тому же, мнѣ что-то занездоровилось. Я, впрочемъ, не скучалъ съ Ниной Павловной: она такъ мило въ качествѣ сидѣлки ухаживала за больнымъ, что можно было согласиться быть сколько угодно.

Нашъ пріятный tête-à-tête былъ нарушенъ легкимъ стукомъ въ дверь комнаты, выходившую въ корридоръ. Услышавъ стукъ, Нина Павловна имѣла неосторожность окликнуть: «кто тамъ?»

— Можно войти? раздался голосъ за дверью.

— Боже мой, шепнула мнѣ Нина Павловна,— это, кажется, Антрекотовъ.

— Вотъ некстати принесло, отвѣчалъ я такимъ же шопотомъ.— Голубушка, Нина, мнѣ бы не хотѣлось

встрѣтиться съ этимъ болтуномъ. У меня и такъ болитъ голова. Онъ уморитъ меня совсѣмъ своими лекціями.

— Но что-жъ дѣлать?

— Я уйду въ ту комнату. Прими его и выпроводи поскорѣе. Скажи, что тебѣ не здоровится. А то вѣдь, увидѣвъ меня здѣсь, онъ не уйдетъ цѣлый вечеръ...

— Можно войти къ вамъ, Нина Павловна? снова раздался голосъ Антрекотова, уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Можно. Подождите, я сейчасъ отопру. Нина Павловна пошла къ входной двери, а я скрылся въ спальнѣ и опустилъ за собой портьеру.

— Что это вы сидите запершись? спросилъ Антрекотовъ, входя.

Въ голосѣ его слышался слегка насмѣшливый и вмѣстѣ подозрительный тонъ.

— Такъ... нездорова... кисло отвѣчала Нина Павловна.

— Вы одна? съ еще большей подозрительностью допрашивалъ проницательный протоколистъ женскихъ сердецъ.

— Что за вопросъ, мосье Антрекотовъ?

— Мнѣ показалось, что у васъ шептались тутъ...

— Какой вздоръ, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ отвѣтила Нина Павловна;—вамъ всегда, мосье Антрекотовъ, всякіе вздоры кажутся.

— Отчего же вы такъ медлили: не отпирали?

— Я немного вздремнула и была въ дезабилье.

— Вздремнули! Вотъ русскія женщины! Вмѣсто того, чтобы жить, онѣ дремлютъ, запираясь въ душномъ номерѣ гостинницы. Пфа!

— Говорю вамъ, я сегодня больна.

— Чѣмъ? чѣмъ? Что у васъ? Вѣрно, меланхолія? Ну, еще бы не быть меланхоліи. Вамъ нужно кипѣть чувствомъ, страстью, играть на струнахъ сердца, а вы сидите одна.

— Какъ же это я буду кипѣть и играть на струнахъ сердца, когда у меня болитъ голова?

— Оттого и болитъ, что не кипите и не играете?

— Да для чего же мнѣ играть и кипѣть? И съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ? Вы спрашиваете это въ моемъ присутствіи!

— При чемъ же тутъ ваше «присутствіе?» Не понимаю.

— Не понимаете? спросилъ Антрекотовъ и мнѣ слышно было, какъ онъ подвинулся со стуломъ къ Нинѣ Павловнѣ. — Не понимаете?

— Рѣшительно не понимаю. И вообще, мосье Антрекотовъ — вы меня извините — я сегодня не расположена...

— Не понимаете? перебилъ литераторъ. — Вотъ женщины! Онѣ никогда не понимаютъ ни самихъ себя, ни другихъ. Удивляюсь, Нина Павловна!

— Чему же это вы удивляетесь, мосье Антрекотовъ?

— Удивляюсь, что вы, при вашемъ, хотя и чисто женскомъ, но все-таки замѣчательномъ умѣ, вашей красотѣ...

— Нельзя ли безъ комплиментовъ...

— Вашемъ темпераментѣ, до сихъ поръ не остановили вниманіе на человѣкѣ, который могъ бы заставить играть у васъ всѣ струны...

— Да что такое вы все толкуете о струнахъ? Что я — скрипка, что ли, какая, мосье Антрекотовъ?

— Да-съ, скрипка. Что вы смѣетесь? Это вовсе не такъ смѣшно, кажется. Стендаль или Ривароль говорятъ что-то подобное о женщинѣ. Каждая женщина — скрипка и нуженъ только смычекъ, чтобы всѣ ея струны задрожали и запѣли.

— Смычекъ? Какъ это вы забавно говорите? Какой смычекъ?

— Ну, да, смычекъ. Что тутъ забавнаго, помилуйте? Вотъ, напримѣръ, я относительно васъ — смычекъ,

— Вы? Смычекъ?

Нина Павловна раскатилась самымъ звонкимъ смѣхомъ. Признаться, и я въ моей засадѣ тоже едва могъ сдержаться отъ смѣха, предоставивъ себѣ длинную и узкоплечую, обтянутую и обуженную фигуру Антрекотова, дѣйствительно напоминавшую что-то въ родѣ смычка.

— Ну да, ну да — смычекъ. Вашъ смѣхъ очень милъ, но... но, кажется, напрасенъ. По моему мнѣнію, я сказалъ вовсе не смѣшное, а очень образное и яркое сравненіе.

— Такъ вы, мосье Антрекотовъ, претендуете на роль смычка относительно женщинъ? спросила Нина Павловна, переставъ смѣяться и впадая въ тонъ лукавой иронiи, который былъ ей такъ свойственъ и всегда мило выходилъ у нея.

— Претендую-съ, отвѣтилъ Антрекотовъ,—и думаю, что вы, Нина Павловна, одобрите и поощрите мою претензію.

— Напрасно вы думаете. Не одобрю и не поощрю.

— Почему же это, почему?

— Потому, что если вы и смычекъ, то знаете какой?

— Какой? какой? Ну?

— Безъ канифоли, коротко отрѣзала Нина Павловна и снова залилась смѣхомъ.

— Какъ безъ канифоли? завопилъ Антрекотовъ, соскочивъ, словно укушенный, со стула.

— Да, безъ канифоли. И поэтому, мнѣ кажется, вы не можете играть на струнахъ женскихъ сердецъ...

— Безъ канифоли! Не могу играть! Позвольте, однако: кто же изъ вашихъ здѣшнихъ поклонниковъ можетъ играть? Кто съ канифолью? Господинъ Накатовъ съ канифолью? Или господинъ Тюльпановъ? Почему же они съ канифолью, а я безъ канифоли?

Потому, что ли, что они воины и звонятъ шпорами? Такъ-съ?

Обида уязвленнаго самолюбія звучала въ голосѣ смычка безъ канифоли и придавала его и безъ того непріятнымъ нотамъ такую пронзительность, которая у нервнаго человѣка могла мгновенно вызвать мигрень.

— Я не понимаю, мосье Антрекотовъ, къ чему вы приплетаете въ нашъ разговоръ этихъ господъ. Я о нихъ забыла и думать.

— Забыли о нихъ думать? Хорошо-съ... Ну, если не они, такъ кто же для васъ смычекъ съ канифолью? Кто-съ? А, понимаю: это господинъ Аргунинъ. Ну да, ну да, конечно, господинъ Аргунинъ.

— Я попрошу васъ оставить господина Аргунина въ покоѣ, съ нѣкоторой тревогой начала Нина Павловна.

— Пфа! Оставить въ покоѣ. Вы какъ будто испугались даже? Вотъ какъ: о господинѣ Аргунинѣ нельзя произносить сужденія. «Это наша святыня...»

Антрекотовъ попытался запѣть на извѣстный мотивъ изъ «Елены», но сфальшивилъ и поперхнулся.

— О, женщины, женщины, женщины! продолжалъ онъ, оправившись.— И что вы, Нина Павловна, нашли въ этомъ человѣкѣ? Самый заурядный фатъ. И даже въ староватомъ вкусѣ. Какой-то печоринствующій нигилистъ. Вотъ что такое вашъ господинъ Аргунинъ.

Нина Павловна съ нетерпѣніемъ поднялась съ мѣста.

— Еще разъ прошу васъ, господинъ Антрекотовъ: прекратимъ этотъ разговоръ, сказала она съ серьезной настойчивостью.

— Пфа! Вы даже, кажется, разгнѣвались. Но что-жъ такое я сказалъ? Неужели я не имѣю права судить? Позвольте: чѣмъ же мы хуже господина Аргунина? И какая такая у него канифоль? Нѣтъ-съ, относительно канифоли вы ошибаетесь, Нина Павловна. Могу васъ увѣрить. Мы еще насчетъ канифоли поспоримъ — ея у насъ больше, пожалуй, окажется.

— Ахъ, оставьте вашу канифоль. Это несносно, наконецъ.

— Вы продолжаете гнѣваться. Извольте, извольте, я оставлю. Но съ условіемъ.

— Пожалуйста, безъ условій.

— Нѣтъ-съ, съ условіемъ, непремѣнно съ условіемъ. Я оставляю всѣхъ вашихъ поклонниковъ, а вы оставляете ихъ... для меня-съ.

— Какъ для васъ? Что такое?

— Нина Павловна! Неужели вы не догадываетесь? Но вѣдь вы интеллигентная женщина и предъ вами также интеллигентный мужчина. И вашъ, и мой церебринъ выработанъ въ извѣстномъ современномъ направленіи. Для чего мы будемъ обманывать другъ друга и затягивать дѣло безъ пользы? Надо спѣшить брать отъ жизни все, что она можетъ дать. Женское

существованіе только тогда и полно, когда темпераментъ удовлетворенъ. Позвольте, позвольте, не перебивайте меня, дайте мнѣ договорить. Вы поймете меня тогда и согласитесь со мной...

— Нѣтъ, мосье Антрекотовъ, я не пойму васъ и не соглашусь съ вами никогда...

— Почему же, почему?

— Просто потому, что и вы сами едва ли понимаете, что говорите...

— Пожалуйста, пожалуйста, не притворяйтесь передо мной и передъ собой. Вѣдь дѣло ясно, какъ день: вамъ нуженъ адюльтеръ для пріятнаго препровожденія на водахъ. Ну, да. Это обязательно. Тутъ и разговаривать нечего. Около васъ много мужчинъ. Вамъ необходимо сдѣлать выборъ. И нечего откладывать: пора.

— Вы съ ума сошли, господинъ Антрекотовъ! воскликнула Нина Павловна съ явнымъ изумленіемъ и гнѣвомъ, — Кто вамъ далъ право говорить мнѣ дерзости? Я прошу васъ оставить меня въ покоѣ съ вашими глупыми совѣтами...

— Пфа! Вы обидѣлись? Но позвольте, что же я сказалъ вамъ обиднаго? Каждая женщина и каждый мужчина въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ какомъ угодно европейскомъ центрѣ, на всѣхъ западныхъ курортахъ, понимаютъ эти вещи прямо и просто. Это только у насъ, русскихъ, привычка разводы разводить... Повторяю: вамъ нужно же кого нибудь для адюльтера. Ну,

возьмите меня. Разсудите безъ фырканья, безъ приторнаго провинціальнаго ломанья и сантиментовъ; какой счастливый шансъ посылаетъ вамъ случай! Интимъ съ романистомъ! Вѣдь это чего нибудь стоитъ. Пфа! Для васъ откроются новыя, неизвѣстныя полосы чувства. Я введу васъ въ сферу самаго современнаго адюльтера. Вы пройдете со мною всю школу настоящей европейской страсти: отъ высшаго подъема психическаго вожделѣнія до легкихъ пикантныхъ ощущеній бульварной интриги. Вы изучите на дѣлѣ, шагъ за шагомъ, полный натуралистическій протоколъ женскаго увлеченія. Я укажу вамъ...

Но тутъ расходившійся лекторъ «самаго современнаго адюльтера» внезапно прервалъ свою лекцію: его слушательница раскатилась такимъ неудержимымъ, почти истерическимъ смѣхомъ, что не было никакой возможности не увлечься ея заразительною веселостью. Этотъ задорный смѣхъ встряхнулъ и меня точно электрическою искрою. Слушая забавный разговоръ Антрекотова, я крѣпился сколько было силъ, но теперь не выдержалъ: вслѣдъ за взрывомъ смѣха Нины Павловны раздался и мой оглушительный хохотъ на всю комнату.

Антрекотовъ, не ожидавшій такого сюрприза, сначала на мгновенье прислушался, оцѣпенѣлъ, потомъ вдругъ вскочилъ, сдѣлалъ что-то въ родѣ непроизвольнаго антраша по комнатѣ, потомъ фыркнулъ, какъ испуганный котъ, и, весь красный, подскочилъ

къ Нинѣ Павловнѣ такъ близко, что та, не смотря не продолжавшійся пароксизмъ веселости, невольно отодвинулась отъ него.

— Пфа! Тамъ у васъ сидятъ?.. Мистификація!.. Мое почтенье! Пфа!

Проговоривъ отрывисто эти фразы, онъ схватилъ шляпу и вылетѣлъ изъ номера, какъ ошпаренный. Я приподнялъ портьеру, взглянулъ на Нину Павловну, которая расхохоталась вслѣдъ Антрекотову еще больше и упала на диванъ съ новыми взрывами неистовой веселости. Долго не могли мы оба успокоиться. Пытались себя сдержать, начинали говорить и опять покатывались до слезъ... Но такъ какъ конецъ бываетъ всему на свѣтѣ, то и наша веселость истощилась и мы пришли въ нормальное положеніе.

— Объясни мнѣ, пожалуйста, сказала Нина Павловна съ нѣкоторымъ наивнымъ любопытствомъ,— что это за странный человѣкъ этотъ Антрекотовъ? Ты видалъ въ Петербургѣ литераторовъ. Неужели они всѣ тамъ такіе?

— Помилуй, еслибы всѣ такіе были, вѣдь это что-жъ бы вышло? Вѣдь тогда бы, какъ говоритъ Моцартъ у Пушкина, «не могъ и міръ существовать». Напротивъ, литераторы именно не такіе. Антрекотовъ единственный въ своемъ родѣ и даже безцѣнный. Другого этакого не сыщешь. Тѣмъ-то онъ и замѣчателенъ.

— Да отчего же онъ такой вышелъ?

— Ей-Богу, не знаю. Я съ его біографіею незнакомъ. Думаю, что главная причина того, что онъ... что онъ такъ часто впадаетъ въ тонъ гороховаго шута, заключается въ его самолюбіи.

— Въ самолюбіи?

— Да. Видишь, въ чемъ тутъ дѣло, сколько я понимаю. Талантъ у него средній, а можетъ даже и меньше средняго. Умъ тоже не ахти какой. А самолюбіе несоразмѣрное и притомъ задорное до болѣзненности. По рессурсамъ своего таланта и ума ему бы слѣдовало скромно и тихонько ходить въ толпѣ, потому хоть онъ, положимъ, тамъ и сочиняетъ что-то, а все-таки же ничуть не выше толпы. Самый заурядный смертный, въ родѣ всѣхъ насъ, грѣшныхъ. А между тѣмъ при такомъ его положеніи самолюбіе не даетъ ему покоя: онъ воображаетъ, что онъ не то, что всѣ, а въ нѣкоторомъ родѣ феноменъ. Вотъ онъ все и хочетъ самъ черезъ свою голову перепрыгнуть. Выходятъ попытки комическихъ сальтоморталей — и ничего больше. Только себя и другихъ понапрасну раздражаетъ, а удовлетворить-то никакъ и не можетъ.

— Но вѣдь онъ ученый, кажется, образованный? Все о заграницѣ говоритъ. Вездѣ бывалъ.

— Ну, да, конечно, вездѣ бывалъ. Только жаль, что вездѣ-то бывая, ничего, кромѣ улицы и бульваровъ, не замѣтилъ. Да еще мало этого: онъ такъ бульварами и улицей плѣнился, что признаетъ буль-

варное и уличное развитіе за самое высшее и единственно всѣмъ нужное... А впрочемъ, Богъ съ нимъ, мой ангелъ. Не будемъ его очень-то ужъ осуждать: онъ все-таки имѣетъ одно хорошее качество, очень рѣдкое у насъ: забавенъ. Я люблю забавныхъ людей: безъ нихъ было бы совсѣмъ скучно на бѣломъ свѣтѣ...

Съ этого вечера Антрекотовъ отсталъ отъ Нины Павловны и старался не встрѣчаться съ нею. А со мною онъ даже и кланяться пересталъ: очевидно, я въ господинѣ Антрекотовѣ невольно нажилъ себѣ самаго неумолимаго врага.

XXII.

Нина Павловна непремѣнно хотѣла сдѣлать прогулку на Бермамутъ. Бермамутскія высоты, откуда виденъ весь Эльбрусъ отъ подошвы до вершины, лежатъ верстахъ въ сорока отъ Кисловодска. Обыкновенно прогулки на Бермамутъ здѣсь устраиваются цѣлыми компаніями: соглашаются человѣкъ пятнадцать, двадцать и выѣзжаютъ въ четырехъ, въ пяти фаэтонахъ за-разъ. Выѣзжаютъ съ вечера, часовъ около восьми, девяти. Ѣдутъ ночью потому, что днемъ невыносимо жарко. Завѣтная цѣль поѣздки: видѣть великолѣпную картину Эльбруса при солнечномъ восходѣ. Дорога продолжается часовъ пять-

шесть, такъ что, выѣхать часовъ въ девять, какъ разъ поспѣваютъ на Бермамутъ къ вожделѣнному часу, когда двухъ-головый конусъ Эльбруса и вся цѣпь Кавказскихъ горъ начинаетъ вырисовываться изъ ночного тумана блѣдно-розовыми очертаніями. Вся удача поѣздки заключается въ томъ, чтобы при восходѣ солнца не было облаковъ: при облачномъ утрѣ, конечно, никакой великолѣпной картины не увидишь, такъ какъ вершины горы заволакиваются туманнымъ пологомъ. Для поѣздки выбираютъ лунныя ночи, когда и ѣхать пріятнѣе, да и дорога видна. Къ слову сказать, дорога на Бермамутъ мѣстами довольно рискованная: иногда приходится выходить изъ экипажа, такъ какъ она идетъ по обрывамъ, не очень ужаснымъ, но для пугливыхъ пассажировъ и особенно пассажирокъ, все-таки представляющимся безднами «погибельнаго Кавказа». Путешественницы и путешественники, впрочемъ, въ этихъ безднахъ не погибаютъ: по крайней мѣрѣ, о случаяхъ такой погибели мѣстныя хроники не сохранили никакихъ преданій. Но зато при прогулкахъ на Бермамутъ нерѣдки случаи погибели сердецъ какъ первыхъ, такъ и вторыхъ...

Нина Павловна, однако, не пожелала прогуляться на Бермамутъ такъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ всѣ «курсовые», то есть въ коляскѣ, съ болѣе или менѣе многочисленной компаніей. У ней явилась оригинальная фантазія: поѣхать верхомъ, взявъ съ

собой проводника. Я возсталъ противъ этой фантазіи.

— Послушай, Нина, говорилъ я, — ты сообрази немножко: вѣдь сорокъ верстъ придется сдѣлать туда, да обратно сколько же, итого, значитъ, восемьдесятъ. Ну, гдѣ же тебѣ съ твоимъ сердцебіеніемъ выдержать такой большой путь?

— Отчего же? Ты знаешь, я хорошая наѣздница.

— Знаю, а все-таки...

— Ахъ, никакого тутъ не можетъ быть «всетаки» Мы отлично прокатимся. Кто мѣшаетъ намъ выѣхать пораньше, часовъ въ семь? На половинѣ дороги мы сдѣлаемъ хорошій отдыхъ. Затѣмъ, развѣ намъ непремѣнно нужно возвращаться сейчасъ послѣ того, какъ полюбуемся восходомъ солнца? Къ чему такъ дѣлать, какъ всѣ? Я терпѣть не могу подражать всѣмъ. Мы можемъ остаться хоть цѣлый день тамъ, заѣдемъ въ аулъ: тамъ, говорятъ, близко аулъ есть и въ немъ даже такой же Нарзанъ, какъ здѣсь. Все это интересно. Посмотримъ все хорошенько и, коли понравится, даже ночуемъ тамъ въ аулѣ. Повѣрь, что это будетъ прелесть какъ весело!

— Охъ, смотри, измучаешься и раскиснешь. Вѣдь всѣ эти аулы да горы кажутся прелестны только издали. А какъ взглянешь вблизи, такъ веселаго и прелестнаго окажется тамъ очень мало, зато дикости, грязи и всякихъ неудобствъ вдоволь. Поѣсть порядочно, пріютиться негдѣ.

— Ну, вотъ какой ты нѣженка, я вижу. Чистый петербуржецъ. Тебѣ бы хотѣлось, чтобъ въ аулѣ завелись ваши Борели и Дюссо...

— Какой вздоръ. Съ чего это ты взяла, что я нѣженка? Развѣ я о себѣ забочусь. Я-то, конечно, выдержу легко такую прогулку. А вотъ ты...

— Пожалуйста, не заботьтесь обо мнѣ. Не сахарная, не растаю. Не спорь, голубчикъ, а лучше соберемся поскорѣй, сегодня же.

— Ну, хорошо, будь по-твоему. Кого же взять въ проводники?

— Конечно, моего любимца Джіани.

Джіани, молодой имеретинъ съ тонкими и красивыми чертами, голубыми глазами, интереснымъ матово-блѣднымъ лицомъ и каштановою бородкою, былъ любимцемъ не одной Нины Павловны, но и многихъ курсовыхъ любительницъ кататься верхомъ; дамы безпрестанно выбирали его спутникомъ своихъ поѣздокъ къ «Кольцу-горѣ», къ «Замку коварства», къ «Римъ-горѣ» и въ другія окрестныя мѣста Кисловодска, прославившіяся видами. Курсовая скандальная хроника говоритъ, что у Джіани бывали даже романы съ пріѣзжими особами прекраснаго пола изъ категоріи жуирующихъ любительницъ приключеній. И этому можно было повѣрить, потому что имеретинъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ прельстить кого угодно, не только своею наружностью, стройностью фигуры и удивительно красивой по-

садкой на конѣ, но и другими качествами: онъ одѣвался съ необыкновеннымъ франтовствомъ и вкусомъ, носилъ шикарныя черкески, затягивалъ стройный станъ рюмочкой, не хуже провинціальной барышни, держался, повидимому, съ необыкновенно скромной, но вмѣстѣ съ этимъ и наглой манерой, говорилъ пѣвучимъ, вкрадчивымъ голосомъ и выражался всегда вѣжливо и почти съ нѣкоторой галантностью. Даже зналъ нѣсколько любезныхъ фразъ по-французски: курсовыя дамы его выучили...

XXIII.

Мы выѣхали, когда уже стемнѣло. Проводникъ былъ нагруженъ запасомъ провизіи, вина, коньяку и двумя бурками: для меня и для Нины Павловны. Коньякъ и бурки считаются необходимостью при путешествіи на Бермамутскія высоты, такъ какъ, при значительномъ возвышеніи надъ уровнемъ моря, ночью тамъ бываетъ холодно даже и въ Іюлѣ; притомъ иногда дуетъ сильный, пронизывающій вѣтеръ.

Нина Павловна очень безпокоилась, удастся ли намъ увидѣть на утро панораму горной цѣпи, не будетъ ли облаковъ. Она приставала настойчиво къ проводнику съ допросомъ по этому поводу. Джіани съ увѣреннымъ равнодушіемъ восточнаго человѣка успокоивалъ ее, очень курьезно перемѣ-

шивая въ своемъ разговорѣ обрывки французскихъ фразъ съ туземною фамильярностью.

— Зачѣмъ, мадамъ, говоришь облака? усмѣхаясь и показывая бѣлые, блестящіе зубы, отвѣчалъ онъ на ея разспросы. Какія такія облака?

— Какъ какія облака? При восходѣ солнца бываютъ облака. Тогда мы не увидимъ Эльбруса.

— Увидишь, мадамъ, все увидишь. Хорошенькій дама всегда все видитъ. Э?..

Имеретинъ самъ разсмѣялся на свою любезность.

— Хорошенькій дама, смѣясь передразнила его Нина Павловна, ударивъ по рукѣ хлыстикомъ, самъ ты хорошенькій мужчинъ. А вдругъ мы ничего не увидимъ. Смотри тогда!

— Ну, вотъ. Говорю тебѣ вѣрно, мадамъ. Же ву засюръ. Облаку не быть.

— Да почему ты знаешь?

— Нынче нѣтъ облака. Зачѣмъ завтра облака, мадамъ?

— Зачѣмъ, зачѣмъ! А коли такъ захочетъ твой Алла?

— Мы не Аллу, молимъ, мадамъ. Мы твоего Бога молимъ.

— Ну, кто васъ знаетъ, какому вы Богу молитесь! Вѣдь вы всѣ черкесы.

— Зачѣмъ черкесы, мадамъ? Мы имеретины.

— Онѣ всѣ тутъ, смѣясь сказалъ я, прислушиваясь къ этому курьезному разговору,—они всѣ: и

грузины, и осетины, и имеретины одному Богу молятся: Андрею Матвѣевичу Байкову.

— Почему Байкову, тю-тю-тю? зачмокалъ Джіани. Байковъ самъ по себѣ, Богъ самъ по себѣ, Джіани самъ по себѣ.

— Ну, братъ, Байковъ-то все-таки у васъ хозяинъ.

— Байковъ воды держитъ. А мы коней держимъ. Вѣрно.

Въ такихъ назидательныхъ бесѣдахъ ѣхали мы, выдерживая умѣренную рысь, чтобы не утомить заранѣе лошадей. Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло. Теплая ночь неподвижнымъ густымъ покрываломъ одѣла горы. Малѣйшій вѣтерокъ замеръ въ сплошномъ, казалось, безграннымъ мракѣ, налегшемъ вокругъ. Дорога сперва едва-едва виднѣлась подъ копытами коней, а потомъ и вовсе исчезла въ темнотѣ. Мы ѣхали, довѣряясь лошадямъ, привычно и осторожно ступавшимъ по выбоинамъ дороги...

Но мало-по-малу съ одной стороны горизонта темное, почти темное небо, сверкавшее звѣздами, начало озаряться блѣдно-золотистымъ отблескомъ. Очертанія горъ мягкимъ, фантастическимъ узоромъ все больше и больше выступали на просвѣтѣ неба, озарявшагося свѣтлѣе и свѣтлѣе. Вотъ блеснулъ изъ-за далекаго гребня скалы яркій край луны и скоро она выкатилась вся громаднымъ краснымъ дискомъ. Голубовато-серебристый туманъ заколебался, разливаясь надъ горами въ глубокихъ балкахъ, и отъ скалъ

побѣжали тѣни. Повѣялъ тихій, ласкающій вѣтерокъ. Лошади встряхнулись, повели ушами и пошли скорѣе...

Дорога поднималась постепенно все выше и выше. Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ становилось свѣжѣе. Широкими волнами вѣялъ холодный воздухъ со стороны горныхъ высотъ. Проѣхавъ полпути, мы сдѣлали привалъ. Было настолько холодно, что пришлось одѣть бурки. Церемонія облаченія въ бурку Нины Павловны не обошлась безъ нѣкоторыхъ реальныхъ выраженій страстныхъ восторговъ съ моей стороны: Нина Павловна при лунѣ, въ темной буркѣ, съ золотистыми кудрями, выбивавшимися изъ-подъ бѣлаго шелковаго платка, обрамлявшаго ее лицо и голову, казалась такой прелестной, что не расцѣловать ее не было никакой возможности; завязывая у ней ремни наброшенной бурки, я совершилъ операцію расцѣлованія съ такой бурной энергіей, что Нина Павловна запротестовала. Проводникъ тоже обнаружилъ восхищеніе красотой Нины Павловны.

— Тю-тю-тю, причмокнулъ Джіани, съ видомъ знатока и тонкаго цѣнителя дамскихъ прелестей, оглядывая Нину Павловну: хорошенькій черкесъ, ахъ, хорошенькій! Пароль доперъ, мадамъ.

Нина Павловна весело смѣялась, слушая наши комплименты, и съ видимымъ кокетствомъ оглядывала себя при свѣтѣ луны и позировала въ буркѣ.

Мы подкрѣпились виномъ, отдохнули съ часъ и пустились снова въ путь, бодрые и оживленные.

Все выше забирала дорога, извивавшаяся черной лентой, точно безконечный змѣй; по обѣимъ ея сторонамъ шелъ то низкорослый кустарникъ, то необъятныя поля, заканчивавшіяся постепенно поднимавшимися холмами и за ними сплошною стѣною скалъ, синѣвшихъ въ брезжущемъ лунномъ свѣтѣ. Иногда мы ѣхали по краю глубокаго обрыва, внизу котораго виднѣлись темные силуэты деревьевъ и огромныхъ доломитовъ, скатившихся внизъ; между ними бродили пары тумана, точно сѣдые призраки, и кружились въ какомъ-то торжественномъ и безмолвномъ хороводѣ...

Однажды, вправо отъ дороги, вдали отъ кустарникомъ, вдругъ блеснулъ огонь костра. На яркомъ красномъ пятнѣ отъ пламени вырисовались какія-то тѣни. Раздались протяжные перекликающіеся голоса и чрезъ минуту изъ туманной дали выѣхали два всадника, въ буркахъ и огромныхъ папахахъ.

— Ну, Нина, смѣясь сказалъ я, насталъ нашъ послѣдній часъ: видишь—черкесы, разбойники. Насъ съ Джіани, конечно, изрубятъ шашками и проколятъ кинжалами, а тебя въ полонъ возьмутъ.

— Что-жъ, такимъ же шутливымъ тономъ отвѣчала Нина Павловна: это было бы интересно.

— Тебѣ-то, конечно, только интересно: ты въ

плѣну будешь плакать обо мнѣ, какъ прекрасная магометанка на гробѣ своего супруга.

— Вотъ еще выдумалъ — плакать! Я о тебѣ и думать забуду, а влюблюсь въ кого нибудь изъ разбойниковъ, воть хоть въ этого, что впереди скачетъ къ намъ: смотри, какой онъ страшный и интересный въ своей шапкѣ...

Между тѣмъ оба всадника приблизились къ намъ, круто сдержали коней и начали о чемъ-то быстро переговаривать съ Джіани. Гортанные звуки и обрывистыя, коротенькія слова звонко сыпались въ молчаніи ночи. Джіани отвѣчалъ имъ, остановившись. Всадники поговорили, покачали головами, пошевелили усами, посверкали глазами, одинъ указалъ рукою куда-то въ сторону: потомъ вдругъ оба гикнули на коней и быстро помчались назадъ.

— Что это, кто такіе? спросилъ я Джіани.

Онъ объяснилъ, что тутъ пасется стадо и что прилетѣвшіе къ намъ страшные съ виду, съ разбойничьими рожами, всадники — мирные пастыри этого стада, изъ осетиновъ.

Дальнѣйшій путь шелъ безъ всякихъ прпключеній. Мы пріѣхали на Бермамутъ въ самый разъ: луна уже почти скрылась за скалами, и ея блѣдный, холодный свѣтъ начиналъ уступать предразсвѣтной мглѣ...

XXIV.

То мѣсто, съ котораго обыкновенно смотрятъ на Эльбрусъ, представляетъ небольшую, выдавшуюся впередъ площадку громаднаго обрыва, протянувшагося на нѣсколько верстъ. Внизу обрыва лежитъ глубокое ущелье, постепенно поднимающееся къ подошвѣ Эльбруса. Площадка покрыта травою, мѣстами выжженною солнцемъ и вытоптанною лошадьми. Недалеко отъ края обрыва валяется груда камней — остатки фундамента дома, когда-то построеннаго было тамъ не царицей Тамарой и не Гудаломъ, а какимъ-то мѣстнымъ предпринимателемъ. Домъ былъ построенъ въ качествѣ гостинницы для пріѣзжающихъ на Бермамутъ, но просуществовалъ недолго: его продали съ аукціона и свезли въ Кисловодскъ. Около остатковъ этого дома мы слѣзли съ коней; Джіани разсѣдлалъ ихъ, пустилъ на отдыхъ, да и самъ легъ соснуть, такъ какъ не интересовался ни малѣйшимъ образомъ картиной солнечнаго восхода, которую, конечно, видалъ сто разъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ нашъ проводникъ смазалъ себя «цѣлебнымъ бальзамомъ больной души», какъ называетъ сонъ Макбетъ, онъ, т. е. Джіани, а не мрачный убійца короля Дункана, разостлалъ на травѣ коверъ, выбравъ удобное мѣсто.

На той высотѣ, гдѣ мы были теперь, вѣяло холодомъ, хотя мягкимъ и необыкновенно пріятнымъ,

легкимъ для дыханія, ласкающимъ, но все-таки очень значительнымъ. Я предлагалъ Нинѣ уснуть, такъ какъ до восхода оставалось еще около часа, обѣщая разбудить ее при первомъ лучѣ зари. Но она и слышать не хотѣла. Она говорила, что не чувствуетъ ни малѣйшаго утомленія, а, напротивъ, ощущаетъ необыкновенную бодрость. Со мной было то же самое: свѣжій, разрѣженный горный воздухъ необыкновенно бодрилъ и возбуждалъ нервы.

Мы, напрягая зрѣніе, старались разглядѣть вдали Эльбрусъ. Но за туманною мглой простымъ глазомъ не было видно ничего. Только въ бинокль можно было различить какую-то темную массу, поднимавшуюся изъ мрака ущелья, и на фонѣ темнаго неба чуть-чуть рисовался бѣлесоватый силуэтъ двойного конуса, отсвѣчивавшій подъ таявшими послѣдними лучами мѣсяца. Но и эти лучи скоро угасли совсѣмъ. Синія длинныя тѣни, которыя далеко протягивались отъ нашихъ фигуръ, отъ груды камней, отъ кустовъ, еще больше удлинились, дрогнули и скрылись въ общемъ сумракѣ, одѣвшемъ насъ. Все вдали подернулось туманомъ, какъ темной завѣсой. Насталъ предразсвѣтный часъ. Сѣрая мгла ночи сгустилась. Было тихо и безмолвно всюду: и тутъ, на громадной высотѣ обрыва, гдѣ мы сидѣли, и тамъ въ темной пропасти ущелья...

Страннымъ чувствомъ томилось сердце въ этомъ предразсвѣтномъ мракѣ, въ этомъ молчаніи послѣд-

нихъ мгновеній уходившей ночи. Казалось, что вмѣстѣ съ нею уходитъ что-то смутное и кроткое, тихое и жалобное, что-то полное глубокаго покоя, сладкой дремы. Я спросилъ Нину, чувствуетъ ли она это, стараясь, какъ могъ, словами выразить ей неопредѣленныя ощущенія, меня волновавшія. Она нѣжно прижалась ко мнѣ и чуть слышно, замирающимъ шопотомъ отвѣтила: «да, милый, да».

Я старался разглядѣть ея лицо, близко наклонившееся къ моему: въ сѣроватой мглѣ это лицо показалось мнѣ осунувшимся, блѣднымъ, какъ будто лицомъ умирающей. Я невольно вздрогнулъ, точно отъ какого-то смутнаго предчувствія близкаго несчастія. Она тоже вся встрепенулась и своими грустными, большими глазами съ тревогой стала всматриваться въ меня.

— Что съ тобой, отчего ты вздрогнулъ? спросила Нина. Въ голосѣ ея звучала нота испуга и безпокойства.

Я не сказалъ ей правды.

— Такъ, холодно что-то, отвѣтилъ я.

— Да, теперь еще свѣжѣе стало.

Она какъ будто задумалась и долго молчала. Потомъ начала говорить съ внезапнымъ, торопливымъ, нервнымъ оживленіемъ.

— Знаешь, что мнѣ пришло сейчасъ въ голову? Ты засмѣешься. Скажешь, что я сантиментальничаю. Нѣтъ, лучше не говорить...

— Скажи, скажи, что такое?

— Я подумала: вѣрно, я скоро умру.

Я опять невольно вздрогнулъ отъ ея словъ, сопоставляя ихъ мысленно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое только что сейчасъ произвело на меня ея лицо.

— Вотъ вздоръ, стараясь притворной развязностью отогнать тяжелое и грустное настроеніе, отвѣтилъ я:—съ чего это тебѣ вдругъ взбрело...

— Сама не понимаю. Подумала я о томъ, что какъ все это странно... Давно ли все это было—я не знала тебя... Ничего не знала: жизни, страсти, ну, всего этого. И вотъ теперь... Я съ тобой сошлась, мы вмѣстѣ Богъ вѣсть гдѣ, на какомъ-то Бермамутѣ, ждемъ солнца... И какъ хорошо мнѣ теперь, какъ хорошо все было въ это время... Я вѣдь ожила совсѣмъ. Всѣ дрязги съ мужемъ, все это глупое горе, которое меня тогда мучило — все это забыла вдругъ, точно вотъ рукой сняло. Конечно, я знаю, что это дурно, что меня осуждаютъ, мое поведеніе... Можетъ быть, даже смѣются и бранятъ. Да мнѣ вѣдь все равно, что тамъ ни говорятъ люди. Я живу. Ну, что-жъ, что мы не мужъ и жена? Вѣдь я тебя люблю, какъ никогда мужа не любила. Вотъ только не хорошо и жалко, что ты-то меня не любишь...

— Послушай, Нина: къ чему...

— Нѣтъ, постой, не говори, дай мнѣ сказать, что

я хотѣла. Я тебя знаю: ты любить не можешь. То есть, такъ любить, какъ мнѣ нужно. Для тебя вѣдь все это—игра. Ты самъ же признавался: ты уѣхалъ отъ той, отъ твоей петербургской дамы, чтобъ развлечься. Ну, вотъ ты и развлекся. Сегодня я подвернулась—ты со мной играешь. Завтра другая, красивѣе, интереснѣе меня подвернется: ты будешь съ ней... нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, не перебивай меня, я сейчасъ кончу... Ты такой. Я знаю. Я не говорю, чтобы ты все это хладнокровно и спокойно, безъ чувства... Нѣтъ ты самъ увлекаешься. Да вѣдь надолго ли? Вѣдь кончится же все это скоро: ты уѣдешь къ той, къ петербургской своей. А я... куда же мнѣ-то? Вѣдь не къ мужу опять. Я не могу, не могу. Для меня теперь одно осталось: умереть. Это самое лучшее. И я умру, я предчувствую, скоро умру...

Ее почти душили слезы. Я сталъ ее успокоивать, убѣждать, что все это ея больные нервы, фантазіи. Все можетъ устроиться совсѣмъ не такъ, какъ она себѣ представляетъ. Она ошибается во мнѣ. Вовсе ужъ я не такой фатъ, чтобы мѣнять женщинъ, какъ перчатки. Конечно, у меня нѣтъ того чувства, какъ у ней, то есть не такъ жива моя страсть, не такъ молода. Да вѣдь съ меня нельзя и требовать: я слишкомъ много жилъ, испыталъ, наконецъ, попросту говоря, истаскался душой, коли не тѣломъ...

— Я вѣдь и не требую отъ тебя ничего, прервала

грустно Нина,—ты меня, голубчикъ, не понялъ. Я не требую ничего. И за то, что ты мнѣ далъ, я такъ благодарна тебѣ. Вѣдь я застывшая какая-то была, надорванная и злая. Меня все въ жизни, все оскорбляло, и я хотѣла оскорблять. А съ тобой сошлась — у меня отлегло сердце. Хочешь правду знать—я тебѣ скажу... Да и скрывать отъ тебя нечего, ты самъ знаешь ее: я бросилась къ тебѣ на шею тоже съ злымъ намѣреніемъ. Хотѣлось мнѣ завертѣть тебя, закружить, заставить забыть твое прошлое, заставить увлечься мною во всю, заставить тебя посерьезнѣе относиться къ женщинамъ. А потомъ взять да бросить разомъ, безъ объясненій, безъ всякаго повода: вотъ, молъ, поиграла и я тобой, знай меня. Такъ вѣдь я это разсчитывала. Да вышло не такъ. Ты все это понялъ...

Я снова хотѣлъ было начать свои утѣшенія. Но мнѣ вдругъ стало совѣстно: вѣдь все, что я ей сказалъ—все это была въ сущности ложь, и все, что ей могу еще возразить, — тоже будетъ ложь. Она говорила правду обо мнѣ, можетъ быть, и о себѣ тоже, хотя, конечно, нѣсколько преувеличивала свое чувство, какъ это вообще склонны дѣлать нервныя женщины, особенно неопытныя. Все это промелькнуло у меня въ головѣ и, повторяю, мнѣ стало совѣстно обманывать, хотя бы даже изъ жалости къ ней. Даже изъ жалости — это еще обиднѣе для нея. Прервавъ начатыя было банальныя утѣшенія

и возраженія на ея слова, я круто и мрачно замолчалъ. Она пристально поглядѣла на меня, подождала и потомъ поникла печально головой. Она поняла мое молчаніе и съ тоской приникла лицомъ къ моей груди, и на мои руки, нѣжно сжимавшія ея холодныя дрожащіе пальцы, закапали горячія, частыя слезы.

— Бѣдная я, бѣдная, прошептала она жалостливо, какъ ребенокъ: и зачѣмъ только...

Она не договорила и стала рыдать тихо и прерывисто. Долго рыдала она. Я молчалъ и далъ ей выплакаться. Да и что могъ я сказать ей? Ея слезы были такъ искренни. Первая тревога, первая гроза молодого сердца сказалась въ этихъ слезахъ. А для меня всѣ эти тревоги, эти бури миновались давно; я понималъ ихъ только по далекому воспоминанію, но не могъ возбудить въ своемъ сердцѣ ей въ отвѣтъ ничего, кромѣ жалости къ обманчивымъ иллюзіямъ, которыми вызываются подобные пароксизмы чувства. Такъ, по крайней мѣрѣ, настроенъ я былъ въ ту минуту. Еслибы я зналъ тогда, предчувствіемъ чего были у ней эти слезы!..

Рыданія Нины замолкли внезапно. Она подняла голову и вдругъ вся какъ будто встрепенулась.

— Смотри, смотри, какая прелесть! воскликнула она, указывая рукою впередъ.

Я взглянулъ туда, куда она указала, и оба мы быстро поднялись и бросились ближе, къ самому

краю обрыва. Увлеченные нашей бесѣдой, мы не замѣтили, какъ подкралась заря, первые лучи которой уже коснулись сиѣговой вершины Эльбруса, начинавшей вырисовываться блѣдно-розовымъ пятномъ среди дымчато-голубого тумана, медленно разсѣявшагося надъ ущельемъ. Забывъ свои слезы, Нина Павловна вся обратилась въ зрѣніе и съ восторгомъ любовалась картиной, мало-по-малу открывавшейся передъ нами.

Картина въ самомъ дѣлѣ была поразительная, чудная. Небо на горизонтѣ все болѣе и болѣе окрашивалось отблескомъ зари. Двухголовый снѣжный конусъ Эльбруса, казалось, постепенно выросталъ, изъ блѣдно-розоваго превращаясь въ болѣе яркій нѣжно-пурпуровый цвѣтъ. Дымное облако, перерѣзывавшее его немного ниже вершины, отползало въ сторону, свиваясь, какъ газовая вуаль, и разрываясь на отдѣльныя облачка, которыя растягиваясь, точно опаловая цѣпь, отлетали все дальше, сверкая синевато-золотистыми переливами. Мгла, еще заволакивавшая глубокое ущелье, понижалась къ подножію Эльбруса, освобождая громадную снѣговую массу, и сквозь прозрачную завѣсу этой мглы виднѣлись, будто громадные змѣи, всползающіе на гору углубленія и обрывы снѣговъ. Влѣво отъ Эльбруса зажигались яркимъ золотомъ узорные изломы Кавказскаго хребта, протягиваясь все дальше и дальше по мѣрѣ того, какъ лучи восхода обливали

ихъ свѣтомъ, вырывавшимся изъ-за этой зубчатой стѣны.

Еще чудеснѣе, еще волшебнѣе развертывалась внизу картина Карачаевскаго ущелья. Въ голубомъ туманѣ, таявшемъ въ сіяніи восхода, тамъ и тутъ начинали выступать очертанія скалъ, принимавшія формы то какихъ-то фантастическихъ руинъ сказочныхъ замковъ, то громадныхъ чудовищъ, безпрестанно мѣнявшихся и окрашивавшихся разными цвѣтами: лиловымъ, розовымъ, золотистымъ. Никакая балетная декорація «съ превращеніями» не могла сравняться съ тѣми великолѣпными волшебными перемѣнами, какія дѣлала тутъ игра свѣта и туманныхъ облаковъ, ползавшихъ по скаламъ. Просто не вѣрилось глазамъ, что такое видишь передъ собою. Вотъ тамъ, у самаго подножія Эльбруса, показался настоящій замокъ, съ высокими, протянувшимися стѣнами, вѣнчанными причудливыми башнями и бойницами, съ какими-то колоссальными колоннадами, нагроможденными одна на другую. Стѣны замка блестятъ, точно онѣ изъ порфира, даже какъ будто виднѣются просвѣты оконъ, озаренныхъ огнями. И вдругъ фантастическій замокъ начинаетъ таять, точно въ туманныхъ картинахъ: башни превращаются въ какія-то причудливыя деревья; на мѣстѣ стѣнъ возникаютъ гроты и пещеры, колоннады распадаются въ руины. Только что отведешь глаза отъ этого удивительнаго вида, глядишь—появляется изъ

тумана темно-бурая масса, совершенно похожая на громаднаго медвѣдя, приподнявшагося на заднія лапы. Еще не успѣлъ всмотрѣться въ эту огромную темную фигуру, какъ она уже измѣнилась и превратилась въ настоящую скалу, съ вершины которой къ подножью узорными купами сбѣгаетъ кудрявый кустарникъ...

А заря все ярче и ярче загорается и все яснѣе и яснѣе выступаетъ колоссальная пирамида Эльбруса отъ подошвы до двухголовой его вершины. Солнце уже вышло на небѣ—яркое, сіяющее, ослѣпительное, и въ его играющихъ, свѣтлыхъ лучахъ все шире и шире, яснѣе и яснѣе раскидывается вся панорама ущелья. Фантастическія фигуры скалъ, освобождающіяся отъ тумана, принимаютъ свои настоящія формы. Облака, какъ спугнутыя колоссальныя птицы, отлетаютъ изъ ущелья, развивъ свои темныя, сверкающія по краямъ золотистою каймою крылья. Холодная свѣжесть горныхъ высотъ какъ будто свѣвается широкою, набѣгающею волной солнечнаго, ласкающаго тепла.

Мы стояли съ Ниной Павловной на краю обрыва, изумленные и пораженные грандіозной красотой той картины, которая была передъ нами. Нина Павловна тоже вся преобразилась, точно солнце, коснувшись ея своими лучами, свѣяло и съ нея печаль, какъ съ этихъ скалъ туманы и холодъ ночи. Ея глаза сверкали восторгомъ и радостною улыбкою озаряли все ея лицо.

— Боже, какъ все это хорошо! тихо и радостно шептала она, прижавъ руку къ груди, какъ будто сдерживая біеніе сердца.— Ахъ, я никогда не мечтала даже, чтобы это могло быть такъ... Точно волшебный сонъ видишь, точно сонъ...

Могла ли она, могъ ли и я въ то мгновеніе думать, что этотъ волшебный сонъ — послѣдній ея сонъ, что онъ смѣнится вѣчнымъ сномъ смерти и что никогда, никогда она уже не увидитъ больше солнца, свѣта зари, ликующей жизни природы...

XXV.

За минуту передъ тѣмъ, грустное настроеніе Нины Павловны вдругъ смѣнилось самой шаловливой веселостью. Она смѣялась и радовалась, какъ ребенокъ. Теперь на лицѣ ея не было и слѣда того мертвеннаго выраженія, которое такъ поразило меня и навело на меня горькое предчувствіе. Теперь ея лицо все сіяло молодымъ, страстнымъ возбужденіемъ: блѣдныя щеки вспыхнули знойнымъ румянцемъ, улыбка не сходила съ ея губъ.

— Вина, вина, милый, скорѣе, говорила она: — пить и ѣсть. Я голодна, какъ это вы любите говорить?... Да: какъ чортъ...

Она сама засмѣялась на свое сравненіе и прибавила:

— Право, мнѣ кажется, я бы съѣла теперь цѣлаго карачаевскаго барашка. Сама не понимаю, откуда у меня такой аппетитъ.

— Это горный воздухъ дѣйствуетъ, сказалъ я.

Мы разбудили Джіани, который спалъ сномъ праведника, нимало не интересуясь картиной пробуждающейся природы, потребовали отъ него наши запасы и отлично позавтракали и выпили, прославляя Создателя за удивительное утро и безподобный, бодрящій и оживляющій воздухъ.

Между тѣмъ послѣдніе туманы, кой-гдѣ бродившіе въ глубинѣ обрыва, свѣялись подъ лучами утра, и теперь громада Эльбруса стояла передъ нашими глазами вся, отъ вершины до подошвы. Въ необыкновенно прозрачномъ воздухѣ гора вырисовывалась такъ ясно, что, казалось, до нея по прямой линіи — три-четыре версты, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это разстояніе считаютъ болѣе двадцати. Видны были обрывы скалъ и глубокія балки, зіявшія ультрамариновыми тѣнями, зеленѣющіе лѣса по склонамъ, казавшіеся низкорослымъ кустарникомъ. Ближе къ намъ, но все-таки на огромномъ разстояніи, отъ нижняго ската горы сползала далеко вытянувшаяся вереница обоза, запряженная волами. Арбы волокли строевой лѣсъ, который рубятъ у подножья Эльбруса. Можно было сосчитать число арбъ, различить людей, идущихъ около животныхъ, даже рѣзкія длинныя тѣни, падающія отъ обоза на дорогу: и

все это въ миніатюрѣ и съ необыкновенной ясностью, точно нарисованное на полотнѣ. Всѣ окрестности постепенно выступали подъ лучами солнца ясно и опредѣленно. Тамъ влѣво, на самомъ днѣ ущелья, гдѣ пріютился аулъ, плавала еще синяя рѣющая мгла и по ней прорѣзывался какъ будто серебряный зигзагъ черной рѣки.

Нинѣ Павловнѣ непремѣнно хотѣлось пробраться въ ущелье, къ которому велъ крутой спускъ съ площадки, гдѣ были мы. Ее прельщали прогулки по крутымъ горнымъ тропинкамъ.

— Это будетъ такъ весело, говорила она съ какимъ-то лихорадочнымъ оживленіемъ. — Мы отлично прогуляемся, увидимъ все: скалы, пещеры... Смотри, видишь тамъ, внизу, далеко, далеко пещера? Вотъ бы туда!

— Помилуй, да вѣдь до этой пещеры къ полудню не доберешься.

— Ахъ, что ты говоришь: до нея рукой подать. Мнѣ кажется, мы дойдемъ туда въ полчаса.

— Это такъ кажется. А попробуй-ка, такъ и увидишь, какой тутъ обманъ глазъ. Правда, Джіани — обратился я къ проводнику — вѣдь эта пещера тамъ вонъ, — вѣдь до нея далеко?

Джіани только усмѣхнулся и покачалъ головою.

— Не дойдешь, мадамъ, сказалъ онъ рѣшительно.

— Отчего не дойдешь? заспорила Нина Павловна.

— Гора крутъ. Нѣтъ дорога, мадамъ.

— Ты врешь все, ты самъ не знаешь.

— Какъ не знать. Пароль донеръ, нѣтъ дорога. Въ обходъ можно. Десять верстъ въ обходъ, мадамъ. Устанешь.

— Ну, не дойдемъ туда, все равно погуляемъ тутъ ближе. Тамъ такъ хорошо внизу и сойти туда вовсе не трудно.

— Сойти-то не трудно, конечно. Да взойти назадъ въ гору будетъ трудно.

— Ахъ, какой ты лѣнтяй. Чѣмъ разговаривать понапрасну, пойдемъ попробуемъ.

— Хорошо, попробуемъ.

Мы, однако же порѣшили такъ: мы съ Ниной Павловной спустимся въ ущелье по горной крутой тропинкѣ, а Джіани обходомъ сведетъ туда лошадей, на которыхъ мы потомъ и поѣдемъ въ аулъ.

Спускъ въ ущелье былъ иногда рискованъ, но совсѣмъ не утомителенъ. Лучи солнца еще не успѣли нагрѣть воздуха и пріятная свѣжесть горныхъ высотъ обвѣивала насъ чудной прохладой. Какъ-то широко и отрадно дышалось полною грудью. Мы быстро спускались внизъ. Нина Павловна оживилась какъ ребенокъ: она звонко хохотала и порывалась иногда бѣжать съ какою-то отчаянною смѣлостью. Что-то ненормальное, нервическн-возбужденное было въ ней. Щеки ея пылали, она порывисто дышала, на лбу выступалъ потъ, но руки были холодныя. Я старался сдержать ея усиленное

оживленіе, но все было напрасно: она, что называется, расходилась и ничего нельзя было подѣлать съ нею.

— Смотри, смотри, кричала она: — что это тамъ такое, на той сѣрой скалѣ, по верху, какія-то темныя фигуры! Видишь? Видишь?

— Вижу. Это — орлы.

— Ахъ, спугнемъ ихъ, спугнемъ, пожалуйста: я хочу посмотрѣть, какъ они полетятъ.

— Да какъ же я спугну ихъ? Если бы у меня было ружье, можно было бы выстрѣлить...

— Ахъ, для чего ружье! Мы просто поднимемся туда и спугнемъ ихъ.

Я разсмѣялся.

— Ты съ ума, Нина, сошла: да вѣдь до этой скалы, во-первыхъ, далеко; а, во-вторыхъ, кажется, ни у тебя, ни у меня нѣтъ крыльевъ, чтобы летать за орлами.

— Ты все глупости говоришь. Совсѣмъ недалеко туда... и, конечно, можно влѣзть. Я бы отлично влѣзла. Тамъ навѣрно можно найти тропинку. Пойдемъ.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный. Лазить по тропинкамъ за какими-то глупыми орлами! Года не тѣ, мой другъ.

— Года не тѣ! передразнила она комично меня.— Эхъ ты, петербургскій разслабленный старецъ! И почему эти орлы, по-твоему, глупы? Они, навѣрное,

умнѣе насъ съ тобой... Посмотри, посмотри, они полетѣли!

— Ну, вотъ и отлично: это они, должно быть, хотятъ тебя отблагодарить за твой комплиментъ ихъ уму. Сами летѣть догадались: теперь ихъ и спугивать намъ не надо.

— Ахъ, какъ чудесно они летаютъ — прелесть! Просто бы сама полетѣла съ ними!

— Что значитъ горное-то утро: ты совсѣмъ въ институтскомъ какомъ-то настроеніи, Нина. До чего восторгаешься: за орлами порхать желаешь.

— А ты совсѣмъ въ сонномъ настроеніи. Вотъ что я не люблю въ тебѣ: тебя ничто не оживляетъ и не восхищаетъ, даже природа.

— Помилуй, какъ ничто не восхищаетъ: мало я сейчасъ восхищался картиной восхода? Но восхищаться орлами до того, чтобы фантазировать о летаніи съ ними—этого ужъ, извини, я не могу. Что я—птица, что ли?

— Конечно, птица. Петербургская холодная цапля! Вотъ тебѣ за твое равнодушіе!

Она смѣясь сорвала съ меня шляпу и бросила внизъ съ возвышенія, у котораго мы стояли.

— Не дурачься, Нина, сказалъ я съ нѣкоторой досадой. — Ну, къ чему это ты расшалилась, какъ дѣвочка.

— Ахъ, вы, кажется, ворчать начинаете, мило-

стивый государь, злиться? Пожалуйста, позлитесь хорошенько. Вотъ вамъ еще!

Она схватила мою палку и отправила вслѣдъ за шляпой.

— Да перестань же, Нина. Распалилась. Вотъ теперь придется лѣзть туда, внизъ.

— Да-съ, придется лѣзть. И полѣзай. Вмѣстѣ полѣземъ. Нѣтъ, право, если ты будешь такой кислый, какъ сегодня, я тебя разлюблю, брошу и вмѣсто тебя возьму...

— Ну, ну: кого же возьмешь вмѣсто меня. Это интересно.

— Антрекотова возьму — вотъ кого. Ан-тррре-кото-ва! запѣла она звонкимъ голосомъ и, прислушавшись, какъ горное эхо повторило нѣсколько разъ послѣднее слово, расхохоталась, точно съумасшедшая, и принялась опять кричать: «Антрекотовъ, Антрекотовъ, Антрекотовъ». Долго забавлялась она этой перекличкой съ эхомъ, варьируя самымъ курьезнымъ манеромъ злосчастную фамилію знаменитаго романиста. Потомъ она вдругъ затихла и сказала самымъ серьезнымъ тономъ:

— Представь, какая мнѣ пришла сейчасъ странная фантазія. Ужасно странная. Сказать тебѣ?

— Скажи.

— Отчего здѣсь на скалахъ водятся орлы, а не водятся... ну, какъ ты думаешь,—кто.

— Кто?

— Антрекотовы!

— Вотъ ужъ именно фантазія, разсмѣялся я.

— Нѣтъ, ты вообрази, какъ бы это было интересно. Вотъ мы сейчасъ видѣли тамъ, на скалѣ, трехъ орловъ. И вдругъ бы на мѣсто ихъ тамъ сидѣло трое Антрекотовыхъ. И знаешь, всѣ одинаковые, такіе какъ тотъ, настоящій: тонкіе, длинные сюртучки съ короткими фалдами и всѣ трое безпрестанно махаютъ руками и ногами. Не правда ли, это было бы прелесть, какъ интересно!

Она снова расхохоталась.

— Богъ знаетъ, какой вздоръ ты врешь, Нина. Взбрела же такая дичь въ голову: Антрекотовы на скалахъ вмѣсто орловъ! Воображаю, какой бы монологъ произнесъ Антрекотовъ, если бы ему передать это.

— Я знаю, что бы онъ сказалъ. Онъ сказалъ бы, она стала пародировать тонъ Антрекотова,—это оттого у васъ такая фантазія, что у васъ голова не научно построена. Въ Россіи у всѣхъ головы не научно построены. Оттого у нихъ такія странныя полосы мыслей». Онъ мнѣ такъ говорилъ разъ.

— Серьезно? Ахъ, шутъ гороховый...

— И, представь, при этомъ еще что сказалъ: «отчего вы увлекаетесь господиномъ Аргунинымъ? Оттого, что у васъ полосы мысли одинаковыя: у господина Аргунина тоже голова построена не научно».

— Да, нѣтъ, ты шутишь, Нина. Неужто онъ такъ говорилъ?

— Безъ шутокъ, говорилъ.

— А ты ему что-жъ на это сказала?

— Ничего не сказала... А вотъ тебѣ скажу... не знаю я, какъ тамъ голова твоя построена, только нравится мнѣ твоя голова... Ахъ, какъ я люблю тебя, милый, никогда я тебя такъ не любила, какъ теперь, въ это утро! Никогда, никогда...

Она вдругъ, съ радостнымъ крикомъ обвила мнѣ шею руками и принялась меня цѣловать. Меня поразила опять ея внезапная блѣдность: лихорадочный румянецъ, за минуту заливавшій не только ея щеки, но даже и шею, вдругъ исчезъ и лицо ея стало бѣлѣе полотна. Въ голосѣ, сейчасъ звучавшемъ такою задорною веселостью, послышалась сразу утомленная, надтреснутая нота. Вся она въ какомъ-то безсиліи прильнула ко мнѣ. Я прижалъ руку къ ея груди — сердце у ней билось судорожно и такъ сильно, что я испугался.

— Нина, голубушка, сказалъ я, цѣлуя ея похолодѣвшій лобъ, — мы слишкомъ много ходили, ты устала, тебѣ надо отдохнуть.

— Нѣтъ, ничего, увѣряю тебя, ничего, слабымъ голосомъ прошептала она,— это у меня все сердце. Подожди, сейчасъ пройдетъ...

Она тяжело передохнула.

— Ну, вотъ и прошло. Теперь ничего. Сойдемъ туда, куда я бросила твою шляпу. Видишь, тамъ трава и тѣнь. Тамъ отдохнемъ.

XXVI.

Мы сошли къ подошвѣ возвышенности, на которой стояли, и скоро выискали мѣстечко, какъ говорится, самою природою предназначенное для отдыха. Это было углубленіе подъ скалою, родъ маленькаго грота. Мы сѣли тамъ на траву. Тѣнь отъ навѣса скалы падала сверху и защищала отъ лучей, которые начинали уже порядочно припекать, но мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше и выше.

Послѣ недавняго лихорадочнаго оживленія и шумной веселости, на Нину нашелъ, что называется, тихій стихъ. Она вдругъ замолкла. Ея оживленный взглядъ померкъ. Она какъ-то мечтательно грустно глядѣла въ даль и задумалась. Настроеніе Нины передалось мнѣ. Я тоже молчалъ и впалъ въ неопредѣленно-смутное состояніе.

Бываютъ такія минуты — и обыкновенно эти минуты предшествуютъ какимъ-нибудь глубокимъ потрясеніямъ и печальнымъ случаямъ жизни — когда вдругъ почему-то отвлекаемся душою отъ того, что именно въ этотъ мигъ должно бы было привлекать.

Такъ случилось и теперь: я совсѣмъ думалъ не о Нинѣ, а о другомъ.

Мнѣ вспомнилась и какъ живая стояла передо мной далекая, забытая картина изъ моего дѣтства. Я иду со старой няней по одному изъ московскихъ бульваровъ. Солнце такъ тепло пригрѣваетъ послѣ только-что прыснувшаго короткаго лѣтняго дождя. Красный песокъ дорожки мѣстами еще не просохъ и ярко блеститъ. На кустахъ и цвѣтахъ куртины бульвара искрятся, точно серебряныя блестки, дождевыя капли. Я прохожу около куртины, цѣпляясь за малиновыя чашечки цвѣтовъ. «Это бархатки, няня?» спрашиваю я.—«Бархатки, батюшка, бархатки», отвѣчаетъ ласковымъ старческимъ голосомъ няня. Я наклоняюсь близко къ одному цвѣтку — это мнѣ совсѣмъ не трудно сдѣлать, потому что я такой маленькій — и прямо въ лицо мнѣ ударяетъ острый, пріятный запахъ. И до того живо проносится теперь передо мной это воспоминаніе, что мнѣ кажется, я вдыхаю снова тотъ самый запахъ. Воспоминаніе этого запаха производитъ странное, неопредѣленное, жалостное и вмѣстѣ нѣжное замираніе въ моемъ сердцѣ. Это замираніе переноситъ меня въ то далекое, далекое, отжитое... какъ будто я вновь почувствовалъ себя ребенкомъ. Я мысленно измѣряю въ одно короткое мгновеніе разстояніе времени между моимъ тогда и моимъ теперь: Боже, какъ это тогда далеко и какъ оно близко въ то же са-

мое время! Точно не прошло тридцати лѣтъ, мнѣ кажется, что вотъ было сейчасъ, за минуту, все это: и что я ребенокъ, и что я иду по бульвару, и теплынь послѣ дождя, и запахъ цвѣтка... Все это необыкновенно странно, но всего страннѣе вотъ что: мнѣ кажется, что ужъ это все было какъ-то разъ со мною, что я также точно сидѣлъ на Кавказѣ, подъ скалой, и вспомнилъ такъ же точно объ этой дѣтской прогулкѣ по бульвару и о запахѣ цвѣтка, и со мной такъ же сидѣла Нина... Да, да, все это было уже, я ясно это сознаю. И сейчасъ должно случиться что-то такое, что тоже ужъ разъ было, но что такое—я не знаю, не могу припомнить, несмотря на всѣ усилія...

Вдругъ раздался странный, короткій и рѣзкій стонъ, какъ будто задушенный, прерванный крикъ боли. Я вздрогнулъ, обратился къ Нинѣ и на мгновеніе замеръ отъ ужаса: она приподнялась, цѣпляясь одною рукою за выступающіе камни скалы и и другую придерживая у лѣваго бока. Ея лицо все помертвѣло и глаза закатились. Безсознательно рванулся я къ ней и она упала мнѣ на руки, какъ подкошенная. Поблѣднѣвшія, полураскрытыя ея губы чуть-чуть шевелились...

— Нина, Нина, что ты, голубушка, что съ тобою? говорилъ я, наклоняясь къ ея лицу.

— Никогда... никогда... умереть... прошептала она чуть слышно, прерывисто вздохнула раза два, три,

что-то какъ будто заклокотало у ней въ горлѣ оборвалось; потомъ она вздрогнула, вытянулась и замерла. Руки ея раскинулись и повисли безжизненно...

Я не вдругъ понялъ, что такое произошло, что съ нею. Тихо и бережно опустилъ я ее на траву и съ испугомъ вглядывался въ ея лицо, ощупывалъ ея лобъ, руки, грудь. Она была неподвижна. Сердце не билось. Дыханья не слышно. Лицо приняло мистическій отпечатокъ загадочнаго предсмертнаго спокойствія и какого-то страннаго, какъ будто постепенно угасающаго сіянія...

Нѣтъ, это не обморокъ. Она умерла, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вѣроятно, разрывъ сердца. Да, да, разрывъ сердца и вотъ... умерла!

Мысль эта ударяла мнѣ въ голову точно молотомъ. Я наклонился надъ ея тѣломъ и крѣпко сжалъ ея руки, какъ будто стараясь удержать ея уходящую жизнь. Но жизнь уходила. Ея руки постепенно холодѣли. «Ничего, ничего нельзя сдѣлать... Умерла!» въ какомъ-то отчаяніи повторялъ я самъ себѣ, тупо, мрачно смотря на остывавшій трупъ: «ничего нельзя сдѣлать».

Потомъ, какъ бы убѣдивъ себя въ этой смерти, я съ испугомъ посмотрѣлъ въ ея глаза: они были полураскрыты; зрачки, какъ застывшіе, свѣтились тусклымъ отблескомъ между темными, длинными рѣсницами. Строго и какъ будто съ укоромъ глядѣли на меня эти неподвижные глаза. Я содрог-

нулся и невольно протянулъ руку, чтобы закрыть ихъ. Вѣки, еще теплыя, опустились подъ моими пальцами и потомъ опять медленно приподнялись, открывъ стеклянный, неподвижный зрачекъ; я долженъ былъ нѣсколько времени придерживать ихъ, чтобы они закрылись совсѣмъ.

Я глубоко вздохнулъ, окончивъ это дѣло, помедлилъ съ минуту, посмотрѣлъ съ какимъ-то страннымъ и жуткимъ ожиданіемъ, не откроются ли глаза снова. Они не открылись. Тогда я отошелъ немного отъ тѣла, сѣлъ на землю, измученный, точно разбитый весь, и задумался.

О чемъ я думалъ тогда, я не могу теперь дать себѣ яснаго и полнаго отчета. Промелькнула передъ мною вся исторія моей короткой связи съ покойницей. Я вспоминалъ малѣйшія подробности нашей первой встрѣчи, нашихъ прогулокъ, разговоровъ, всего, всего, что было. Жалость, глубокая и безконечная жалость къ Нинѣ хватала меня за сердце, жалость и горькій упрекъ самому себѣ. Какъ я легко относился къ ней, къ ея любви. Зачѣмъ я не понялъ съ самаго начала то, что казалось такъ ясно для меня теперь: ея душа была надломлена и жизнь должна была неизбѣжно разбиться отъ всякаго сильнаго потрясенія. Надо было бы пощадить, поберечь эту молодую жизнь, а я... Я отнесся къ ней, къ ея чувству, какъ къ пріятному развлеченію, къ игрѣ... я докончилъ ее...

Но, какъ это всегда бываетъ при упрекахъ совѣсти, укоривъ и обвинивъ себя, я тутъ же принялся себя оправдывать. Не все ли равно? Не я, такъ другой. Вѣрно, ужъ такая ея судьба. У ней былъ, очевидно, аневризмъ. Съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь. Умерла бы и такъ. Можетъ быть, немножко подольше бы потянула. А конецъ вѣдь все тотъ же бы вышелъ. Да и что такое жизнь, смерть? Почему жизнь—счастье, а смерть—несчастіе? Почему лучше умереть, проживъ много лѣтъ, истаскавшись душой и тѣломъ, а не въ молодости, не въ полной силѣ? Ну, вотъ я прожилъ довольно и до чего дошелъ: передо мною лежитъ мертвая женщина, съ которой я жилъ, которая, быть можетъ, любила меня, а я тутъ рядомъ съ ея тѣломъ равнодушно предаюсь какимъ-то размышленіямъ, въ которыхъ больше заботъ о своей живой особѣ, чѣмъ горести объ умершей. Не то ужасно, что люди умираютъ: ужасно, что ихъ смерть все-таки не заставляетъ живыхъ разстаться съ заботами о своей жизни, ужасно, что мы такъ скоро забываемъ впечатлѣніе ихъ смерти. Точно мы, живые, вѣкъ жить будемъ, никогда не умремъ...

Я даже усмѣхнулся внутренно при этой мысли, и тяжелая, томящая злоба на самого себя на мигъ овладѣла мною. Потомъ я опять отвлекся къ воспоминаніямъ о Нинѣ; они ярко вставали передо мною, какъ будто дразня меня. Какъ была хороша

она, какъ нѣжна и весела, какъ мило смѣялась и ласкала! Какъ тогда, ночью въ паркѣ, она была прелестна! А тамъ, у камня, за Глазнымъ источникомъ... А сегодня!... Бѣдная, какъ она мило плакала, какіе у ней были чудные глаза... И теперь, теперь!..

Я невольно оглянулся на ея тѣло. Должно быть, въ моемъ безпорядочномъ и тревожномъ раздумьи я просидѣлъ долго, самъ не замѣчая этого. Солнце уже взошло высоко и горячими лучами ударяло въ стѣну скалы, гдѣ мы были. Тѣнь, закрывавшая углубленіе въ скалѣ, отодвинулась, и правая рука Нины, откинувшаяся въ сторону, была внѣ тѣни. Горячій лучъ солнца задѣлъ ее и у самой кисти, тамъ, гдѣ блестѣлъ золотой браслетъ, провелъ красную полосу загара. И на эту откинувшуюся неподвижно безжизненную руку съ блестящимъ браслетомъ вползла ярко-зеленая ящерица, грѣясь на солнцѣ и уставившись внимательно своими сверкающими умными глазками на меня. Мое движеніе испугало ящерицу, и она быстро соскользнула съ руки мертвой и исчезла въ расщелинѣ скалы.

Не знаю почему, но эта ящерица на мертвой рукѣ взволновала меня до глубины души. Я бросился къ тѣлу, припалъ къ рукѣ Нины, покрылъ ее поцѣлуями и разрыдался судорожными, неудержимыми рыданіями. И въ этотъ мигъ я почувство-

валъ, какъ бы я могъ любить эту мертвую, если бы она осталась жива...

Не знаю, долго ли я рыдалъ надъ тѣломъ. Я очнулся только тогда, когда услыхалъ за собою чей-то испуганный крикъ. Я оглянулся: передо мною стоялъ Джіани—блѣдный, съ раскрытыми отъ страха и изумленія глазами. Проводникъ совершенно потерялся и никакъ не могъ взять въ толкъ, что я говорю, когда разсказалъ ему о смерти Нины. Я видѣлъ ясно по его лицу, что онъ какъ будто не вѣритъ моему разсказу, не вѣритъ, что она въ самомъ дѣлѣ умерла и не встанетъ.

Большого труда стоило мнѣ растолковать имеретину, что теперь намъ дѣлать. Нужно было ему съѣздить въ аулъ, найдти тамъ арбу, людей, чтобы перевезти тѣло. Много прошло часовъ, пока не устроилось все это. Уже далеко за полдень подъѣхала арба къ дорогѣ, ближайшей отъ той скалы, гдѣ случилась катастрофа. Надо было версты двѣ по скату перенести тѣло на рукахъ. Приведенные Джіани изъ аула люди сдѣлали родъ носилокъ изъ древесныхъ вѣтвей, разостлали на нихъ бурку и положили на это ложе Нину. Все это было сдѣлано въ суровомъ молчаніи. Только Джіани охалъ и даже принимался раза два плакать...

Не стану записывать подробностей похоронъ Нины въ Кисловодскѣ: слишкомъ грустныя, а отчасти и

непріятныя воспоминанія. Какъ всегда бываетъ при похоронахъ, къ горю и печали смерти примѣшалось множество самыхъ скверныхъ постороннихъ мелочей: объясненія съ мѣстными властями по поводу скоропостижной кончины, глупыя и грязныя сплетни и подозрѣнія курсовыхъ кумушекъ, дамъ и даже кавалеровъ. Мимо все это, мимо!..

№ 18191

№ 324094

Wojewódzka Biblioteka Publiczna
im H. Łopacińskiego w Lublinie
II 324094
1000072441